

*Мы не пишем историю болезни
Мы создаем историю здоровья*

Клеточная терапия
Восстановление функций иммунной системы
Иммуноточечная терапия

а также:

Косметология | Эндокринология и физиотерапия | Урология
Гинекология | Акушерство | Терапия

Россия, Москва, 125040, Ленинградский проспект, д. 8. Тел.: (495) 257-68-37, 257-63-39

СМЕНА

СМЕНА

8'2008

Издается с января 1924 г.

АВГУСТ • 2008

**МАРИЯ
МАШКОВА:**
Фамилия
обязывает...

ОЛЕГ ФОМИН:
Господа офицеры —
это мое!

**АЛЕКСАНДР
ЖУРБИН:**
Женщина создана,
чтобы вдохновлять

КОТ-ПРОВИДЕЦ:
Леонид Брежнев знал,
кто его предостерегает...

ГАЛИНА КУЗНЕЦОВА:
15 лет рядом
с Иваном Буниным

Издается с января 1924 года

Главный редактор

Михаил Кизилов

Главный художник

Надежда Веселова

Редактор отдела

Тамара Чичина,
Светлана Подорванова

Корректор

Марина Силакова

Использованы фотографии:

ИТАР-ТАСС

ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор

Джемир Дегтяренко

Издательский директор

Дмитрий Мережко

Директор по рекламе

Елена Готман

E-mail: e.gotman@smena-online.ru

Тел.: (499) 257-3137

Директор**по распространению**

Ольга Рулева

E-mail: sales@smena-online.ru

Тел.: (499) 257-3137

Редакция: 127994, Москва,
ГСП-4, ул. Правды, 24, стр. 4
www.smena-online.ru
E-mail: jurnal@smena-online.ru
Тел.: (495) 612-1507, Факс 250-5928.

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса».
127137, Москва, ул. Правды, д. 24.
Тираж — 52000 экз. Зак. № 81644.

Учредитель — ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской Федерации
по печати (Рег. № 014832).

Подписные индексы:

каталог «Роспечать» **70820**

каталог «Объединенный» **88998**

каталог «Почта России» **99406**

Подписка в интернете:

www.mega-press.ru

© ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Читателю

Что бы не сулил жителям России нынешний август, важнейшим событием будет, конечно, Олимпиада в Пекине. И хотя Олимпийские игры уже давно из события спортивного превратились в один из главных элементов политики, «спортивный праздник в Пекине», точнее, подготовка к нему, побил все рекорды политизации спорта.

Борьба за медали предстоит как никогда жестокой, и даже самые смелые эксперты осторожны в своих прогнозах относительно того, гимн какой страны будет звучать чаще других на награждениях.

Бесспорно одно: 24 августа нам объявят: «Победила дружба» и промолчат о том, что победила и... фармацевтика.

К сожалению, так было и так будет до 2024 года.

А потом? Потом на Олимпиадах станут побеждать сильнейшие в честной спортивной борьбе. Потому что бессмысленно тратить огромные деньги на стимуляторы, если результат все равно известен: Олимпийские игры с 2020 года начнут выигрывать российские спортсмены, с большим отрывом от остальных.

И основы наших будущих побед закладываются сейчас. Как-то вдруг все поняли, что в акционерном обществе «Россия» единственная возможность для большинства населения обеспечить детей хотя бы какими-то дивидендами — большой спорт. Он объявлен почти национальной идеей, и на его развитие выделяются серьезные деньги, в отличие от школьного образования, которое еще нескоро выкарабкается из-под обломков очередной реформы.

Но это — впереди. А сегодня будем едины в августовском порыве:

«Россия, вперед!»

Правда, пока что только в спорте.

Михаил КИЗИЛОВ

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

«В моей жизни случайностей не бывает» 4

Актер и режиссер

Олег Фомин:

Он полгода жил в волчьей стае, и не только...

НЕВЕРОЯТНО, НО...

Провидец Генерального секретаря 16

«Охранный талисман» Брежнева, подаренный ему Далай Ламой

ЧТО НОВОГО?

Премьера 24

CD-Бульвар 50

Вернисаж 62

DVD-Бульвар 78

Книжный бульвар 192

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

«Решила стать актрисой, сыграв... Бабу Ягу!» 26

Мария Машкова:

«Получить роль по блату — можно, сыграть же по блату — не получится!»

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Занимательная геометрия, или Тайна треугольников 36

Хотя о них много говорят, загадка их до сих пор не разгадана

ИЗДАЛЕКА

Самый сановитый вельможа 44

Его любили женщины и уважали враги. Он мечтал о власти гуманного Закона

РАНДЕВУ

«Я одержим верой в свои силы» 52

Александр Журбин:

«Все началось не с «Битлз», а с классики»

ИСТОРИЯ ОДНОГО ШЕДЕВРА

«Тайная вечеря» Леонардо да Винчи 66

Никому до и после Леонардо не удалось создать столь прекрасного, трагического и совершенного шедевра

БРАТЬЯ МЕНЬШИЕ

Цирк на дому 80

В обычной квартире живет... звериный театр с семьюдесятью профессиональными актерами...

СУТЬ ВЕЩЕЙ

СМЕНА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Мы всё еще — хомозавры 90

Кто мы такие, откуда и зачем?

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Блоги! Блоги? 100

Модное течение — блоги. Их плюсы и минусы

СВОБОДА ОТ ИЗВЕСТНОГО

Песчаные тайны 104

«Sandplay» — терапия песочной игры

ОТЕЧЕСТВО

Мы едем в Кострому 112

Произнесите это слово вслух — и сразу же поймете — туда нужно ехать!

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Галина Кузнецова. 120

Мы о ней ничего не знаем, а она знает так много о Бунине

СУДЬБА И ДУША

Любимые жертвы 130

В списке его жертв — более 3000 имен, и среди них — те, кого сгубила царская любовь

РАССКАЗ

Четвертый патрон 142

О храбрости и благородстве русских офицеров во время сражения с турками

ТВОРЕЦ И ЖЕНЩИНА

Великая любовь великих 152

Женщина становится бессмертной, если ее обожатель — великий человек, каким был Вольтер

ДЕТЕКТИВ

Месть актера 162

Окончание

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Лицо с обложки

Ф ОМИН

Олег

В моей жизни случайностей не бывает

В 1988 году страна открыла для себя Олега Фомина в образе очень непростого парня по прозвищу «Арлекино» (фильм «Меня зовут Арлекино»), а позже запомнила его в роли мужественного Егора в нашумевшей картине «Весьегонская волчица», ради съемок в которой он полгода провел в волчьей стае...

Олег Фомин — актер и режиссер редчайшего дарования: в его театральном арсенале — более шестнадцати главных ролей, в кино он не боится рисковать и все сложнейшие трюки выполняет сам, а его режиссерские работы всегда интересны: сериалы «Next», «КГБ в смокинге», «Молодой Волкодав», картина «Милый Эп», «Мытарь», «День выборов».... Мужественный, честный, принципиальный, Олег Фомин один из тех, про которых говорят: талантливый человек талантлив во всем

Не хотелось делать историческое кино, не хотелось делить на правых и виноватых, задача была показать, кто такие настоящие офицеры — в идеальном, классическом понимании

К сожалению, в театральных вузах не преподают науку — работа над собой. Я имею в виду внутренний стержень

— Недавно в Доме кино прошла премьера вашей новой картины «Господа офицеры. Спасти императора». Почему выбрали именно исторический период 1918 года?

— Дело не в периоде. Мне интересна сама тема — офицеры. Фильм не про то далекое время, а именно про дух военных, и название фильма говорит само за себя. Не хотелось делить на правых и виноватых, не хотелось делать историческое кино, задача была показать, кто такие настоящие офицеры — в идеальном, классическом понимании.

Настоящие мужчины — все немного господа офицеры, это понятие включает в себя кодекс чести, братство, взаимовыручку, совесть, ответственность. Среди моих знакомых и друзей много военных, поэтому эта тема меня очень волнует. Мой дед — командир Красной армии, пропал без вести во время войны, и для меня это непростые слова.

Я также видел многих эмчезовцев, которые творят чудеса.

В свое время снимал фильм «Спасатели» — очень близкая по духу мужская история. У меня играл Анд-

рей Ростоцкий — командира бригады спасателей. Эта роль, что называется, была его. Он и в жизни был офицером, гусаром, другом, заводилой. Все трюки в картине «Спасатели» делали вживую. Во время съемок ребята были одной сплоченной командой. Андрей Анкудинов летел по тросику с 14 этажа одного на 14 этаж другого дома!

Очень страшно, чрезвычайно высоко, и вообще, для актера непросто исполнить такой трюк самому, без помощи каскадеров. Это поступок. Мужественный поступок.

На мой взгляд, это тот дух, которого сегодня не хватает в кино.

В картине «Господа офицеры» есть и поступки, и характеры, которым, как я думал изначально, приступая к работе над картиной, молодежи захочется подражать. И я, кажется, не ошибся. После показов фильма ко мне подходит молодежь с горящими глазами, благодарит, задает вопросы. А когда прошла премьера в Доме кино, ко мне подошли четырнадцатилетние курсанты и попросили подписать увольнительную.

Фильм
«Господа
офицеры.
Спасти
императора»

На предыдущем развороте: съемки фильма Олега Фомина «Господа офицеры. Спасти императора»

На съемочной площадке сериала «КГБ в смокинге»

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Лицо с обложки

Все, кто у меня снимается, — любимая команда, и я к каждому отношусь почти с трепетом

Такое дорогого стоит — курсанты, в увольнении, отправились не домой, не на прогулку, а на премьеру фильма «Господа офицеры. Спасти императора».

Вообще, я слышал много хороших отзывов о картине, особенно от военных, и не скрою, это очень приятно.

— В «Господах офицерах» снялись такие актеры, как Анатолий Белый, Анна Азарова, Марат Башаров, Евгений Стычкин, Александр Бухаров, Сергей Баталов, Михаил Горевой, одну из главных ролей сыграли вы сами. Интересно, по какому принципу подбирался актерский состав?

— По очень простому и конкретному — с кем бы сам пошел в горы или в разведку. Есть люди, которых я, не побоюсь этого слова, обожаю — порядочные, надежные, преданные. С ними и стараюсь работать.

К сожалению, в театральных вузах не преподают науку — работа над собой. Я имею в виду внутренний стержень. Любой актер, если он настоящий артист и любит свою профессию, делает себя в этой жизни, то есть живет по-настоящему, достойно.

Даже когда такой артист молчит, работают его глаза. А если «за глазами» ничего нет, то, простите, зачем тогда лезть на экран? Наверяд ли в таком случае сможешь быть интересен зрителю.

Все, кто у меня снимаются, — любимая команда, я к каждому отношусь почти с трепетом.

Последнее время у меня снимается Аня Азарова — «Молодой Волкодав», «Господа офицеры. Спасти императора». Аня — боевой товарищ. С ней мы прошли огонь, воду и медные трубы. Более терпеливого, выносливого человека, так профессионально подходящего к работе, я не встречал. Аня — бывшая профессиональная модель, и я еще раз убедился, что спортсмены и модели — самые некапризные, самые надежные для съемок люди. Снимали «Молодого Волкодава» в Крыму, поздней осенью, стояли уже морозы, мы грелись у костров в летней легкой одежде. Ужасно некомфортно, да и не каждый выдержит. По скалам и камням приходилось лазить, но Аня, вся в синяках, смело шла вперед, и я ни разу не услышал от нее ни претензии, ни жалобы. Человек приходил и работал. На пеньке гримировался — хорошо, здесь снимаем — хорошо. Вот что значит профессионализм.

— Съемки картины «Господа офицеры. Спасти императора» тоже были сложными по физическим нагрузкам?

— Очень сложными. Представьте, вертикальное солнце, жара, ты — в форме, которая «не дышит». Все делалось «вживую», натурально. Когда с Толей Белым снимали финальную драку, то у меня и у него случился солнечный удар. Но на площадке об этом никто не знал, мы признались позднее, когда уже отсняли эпизод. Я почувствовал, что «плыву», молча отошел в сторону,

Вижу, как идут на восходе солнца — маленький карапетик и высокий Саша Абдулов, на рыбалку. Трогательная и смешная сцена

расстегнул форму и постепенно пришел в себя. А на Толе была надета еще кожаная куртка поверх гимнастерки. Жара тридцатиградусная, а надо бегать, прыгать...

— Когда вам принесли сценарий этой картины, вы сразу решили, что будете с ним работать?

— Я — фаталист. Знаю, что ничего не бывает просто так. Сценарий сразу попал в руки именно мне. Прочитал и решил, что вот оно, это мое, настало время снимать. А потом уже начал искать деньги на съемки.

— В ваших фильмах всегда заняты прекрасные артисты. В нескольких картинах у вас снимался Александр Абдулов, и это было настоящее творческое содружество...

— Практически пять лет подряд мы работали с Сашей вместе. Началось с четырехсерийного фильма «Фаталисты» — наша первая совместная работа с Абдуловым. Потом возник «Next», «Next-2», двухсерийная комедия «O'key» с Сашей, Наташей Андрейченко, Леонидом Якубовичем — ее несколько лет подряд показывали на Новый год на канале НТВ, и «Next-3».

Это редкое счастье и удовольствие работать с таким Артистом... Если перевести в киночасы, то полу-

чается тридцать восемь серий — это больше тридцати киночасов. Порядка пятнадцати картин отработали вместе с Александром Абдуловым. Длительное интересное общение.

— Первый в своей жизни актерский приз Александр Абдулов получил именно на вашей картине...

— Да. За фильм «Next». С одной стороны, я горд и доволен, что каким-то образом причастен к этому событию, а с другой — Абдулов сыграл сто тридцать ролей в кино, и я не думаю, что до «Next» у него были плохие роли.

Помню, как получив награду, прямо со сцены Александр позвонил мне. Мне было приятно и грустно одновременно. Почему грустно — и так понятно...

— А что-нибудь особенно яркое запомнилось во время съемок с Абдуловым?

— Множество воспоминаний, историй — трогательных, веселых, грустных, обо всем не расскажешь. Скажу одно — мне посчастливилось общаться с замечательным человеком...

Однажды, на съемках, со мной был сын, трехлетний Даня, и он попросил Александра взять его с собой на рыбалку. Саша пообещал. Он очень любил детей. В шесть утра Даня проснулся и говорит: «Мы давно собирались на рыбалку. Когда же пойдём?» Саше ничего не оставалось, как надеть спортивный костюм и пойти с ним ловить рыбу. Вижу, как

идут на восходе солнца — маленький карапетик и высокий Саша Абдулов, на рыбалку. Трогательная и смешная сцена.

— Уже в течение многих лет у вас — постоянная съемочная группа, и она почти не меняется...

— С 1999 года у меня — своя студия, которая производит фильмы. Так что, уже восемь лет мы работаем вместе, одной командой. Актеры к нам на съемки приезжают с удовольствием, они уже знают, с кем им придется работать, и это очень важно.

— Олег, правда ли, что до съемок фильма «Весьегонская волчица», где вы блистательно исполнили роль охотника Егора, полгода вы жили с щенками-волчатами в стае?

— Правда. Я жил в волчьей стае — с августа по январь — в ста километрах от Москвы, в Петушках. Многие смотрели на меня, как на сумасшедшего. Конечно, полгода — приличный срок, но иначе никакой волк не сыграл бы любовь, не стал бы вылизывать моего героя, как предполагал сценарий.

Было куплено семнадцать щенят — половина из них были еще слепыми, а половина — с открывшимися уже глазами, что не очень хорошо для работы. Дело в том, что когда слепые волчата впервые открывают глаза и сразу видят человека, с ними уже проще работать.

Пока росли, волчата ко мне привыкли... Волки помнят, определяют

Если ты честно живешь и все в жизни делаешь правильно, то там, где-то наверху, есть мельница, на чьи жернова ты льешь воду, и обязательно мука смелется — хлеб получится

Справа:
Олег Фомин
с супругой
Аленой
и детьми

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Лицо с обложки

Волки помнят, определяют запахи, привыкают к месту, запоминают тебя на всю жизнь. Но, несмотря на это, все может быть очень непредсказуемо — хищник есть хищник

У театра есть одна особенность — сиюминутность... Взлет... и повторить невозможно! В этом — особое чудо театра

Справа: Анна Азарова и Олег Фомин на съемочной площадке фильма «Господа офицеры. Спасли императора»

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Лицо с обложки

запахи, привыкают к месту. Они запоминают тебя на всю жизнь, но, несмотря на это, все может быть очень непредсказуемо — хищник есть хищник.

Для них я был, как Маугли. Однажды снимали драку с волками, а после съемок они меня вылизывали, и... один из волков открыл пасть... я оказался у него внутри — его гланды были у меня перед глазами...

С волками у меня были, можно сказать, доверительные отношения. Они даже к дрессировщикам не так относились, как ко мне. Когда их нужно было утихомирить, дрессировщики звали меня.

— Как объяснить феномен, что такой непредсказуемый зверь, как волк, вас слушался?

— Волк — умный зверь, обладает хорошей памятью. Может, они видели, что меня на съемках мучают так же, как их. Камера одинаково целилась в нас.

Работая с волками, нельзя ни курить, ни пить, ни пользоваться парфюмом, ни носить на себе меховые изделия — все это исключается.

Через два года, когда мне понадобился волк для съемок фильма «Молодой Волкодав», я приехал в знакомое хозяйство и встретился с волком, отношения с которым у меня сложились очень непростые. Этот волк чувствовал меня на большом расстоянии. Представьте: я только подхожу к деревне, за три — четыре дома, а он уже начинает рычать — чувствует, что я иду. А во время съемок «Ве-

сьегонской волчицы», когда я тащил его из конуры, он случайно повредил себе глаз — случился кровоподтек на зрачке. После этого случая он меня к себе близко не подпускал. Все. Я ему сделал больно.

Спустя два года, возвращаюсь и хочу его погладить. Поначалу волк стоял весь напрягшись, а потом — раз! — и лизнул меня. «Надо же, простил!» — ахнула дрессировщица. Оказывается, волки умеют прощать.

— Волки есть волки, но, несмотря на их непредсказуемый, суровый нрав, кто-нибудь из них проявлял к вам «симпатию»?

— Очень меня любила волчица Стеша. Ее морда — больше по размеру, чем моя голова. Подползала из клетки ко мне на пузе, я ее гладил по нему, уговаривал сниматься. И Стеша слушалась, шла работать.

Вообще, ни один волк не будет просто так сидеть под деревом и смотреть по твоей команде вверх. Я во время съемки залезал на дерево и держал в руках вареный шашлык. Волки сидели внизу, ждали угощения. Вареное мясо для них — пирожное, лакомство.

Думаю, что про волков, про их психологию, мы, люди, до сих пор ничего не знаем.

— Вы сказали про себя, что вы — фаталист. А в чем это проявляется?

— Давно понял, еще учась в институте, что, если ты честно живешь и правильно все в жизни делаешь, то там, где-то наверху, есть мельни-

Съемки фильма
«День выборов»

ца, на чьи жернова ты льешь воду, и, обязательно, мука смеется — хлеб получится.

Мне постоянно приходилось преодолевать препятствия, и из института меня выгоняли, в общем, мне все в жизни давалось с трудом. Но я на эту тему перестал переживать. В моей жизни все происходит так, как, по-видимому, и должно происходить. Случайностей не бывает. Так, значит, сходятся звезды.

— Многие режиссеры сетуют на то, что не хватает денег на съемки, вот если бы их было достаточно, и кино получилось бы совсем другим. А как вы? Тоже жалуетесь на недостаток съемочного бюджета?

— Не люблю жаловаться. Никогда. Конечно, хотелось бы и мне снимать кино с большим бюджетом, кто бы был против? Но если его нет, и неоткуда взять? Я не буду сидеть у моря и ждать погоды. Буду работать. Как говорил оператор Павел Лебешев: «Неважно, на что ты снимаешь, важно, как ты светишь». То же самое можно отнести и к про-

фессии режиссера: как ты светишь, и светишь ли вообще.

— Мы уже говорили, что вы любите работать с постоянной командой. А кто оператор ваших картин?

— Василий Сикачинский, мы с ним — с 1991 года. Познакомились в 90-м на картине «Фанат-2», где он был вторым оператором, а я играл главную роль. Тогда, после съемок, сидя на заброшенной яхте, мы вдвоем мечтали, как надо снимать кино. И первый наш с ним фильм «Милый Эп» получил приз за лучшую режиссуру на кинофестивале от Валерия Приемыхова.

Такие тандемы, как у нас с Васей, большая редкость. Я думаю, а он уже вслух озвучивает мои мысли. Мы — единомышленники, а это важно в работе.

— Вы — и актер театра и кино, и режиссер. А что вам ближе — режиссура или игра?

— Увлекательна и режиссура, и игра, для меня — это одна профессия. Но играть люблю безумно. Это

Нужно все время идти вперед. Должен быть азарт. Дух. Я, например, учусь всю жизнь

и «Калигула» в театре имени Ермоловой, и «Жмурики» у Андрея Житинкина, и виконта де Вальмона в «Опасных связях», всего я сыграл шестнадцать ролей. Правда, у театра есть одна особенность — сиюминутность, здесь и сейчас... Спектакль сегодня — только такой, а завтра он — уже другой. Таким, как играл его вчера, он сегодня уже не будет. Взлет...и повторить невозможно! И в этом — особое чудо театра.

— Вы говорили, что, когда приступили к работе над картиной «Господа офицеры», изначально думали, что молодежь захочет подражать вашим героям, и были рады, что не ошиблись. А лично вам есть что сказать молодым?

— Конечно, есть. Не останавливаться. Не успокаиваться. Быть всегда в развитии. Задуматься, что серое вещество используется на четыре процента, а Создатель для чего-то «скрыл» девяносто шесть процентов...

Когда молодой актер говорит, что он уже всего достиг, все знает — такого мне жаль. Ведь нужно все время идти вперед. Должен быть азарт. Дух. Я, например, учусь всю жизнь.

Когда вижу «молодых стариков» — мне страшно. Некоторые живут одним днем, то есть хочу сегодня все и сразу. Но так не бывает.

У молодости есть одно неоспоримое свойство — она очень быстро проходит.

Вот об этом надо помнить. □

Беседовала **Елена ВОРОБЬЕВА.**
Фото **Сергея ШИМАНАЕВА**

Игорь АТАМАНЕНКО

ПРОВИДЕЦ

ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ

Испокон веков так повелось на Руси: царь был либо «богом», либо юродивым. Среднего, «полутонов», быть не могло. Но кем бы ни были доморощенные вожди, — все равно в нас очень живуче любопытство к их слабостям. И всяк из нас не прочь поглядеть на эти слабости сквозь замочную скважину. И вот когда повнимательней всмотришься в наших вождей — батюшки-святые! Да у них, оказывается, все-таки были «полутона». И не только всепоглощающие страсти, но и мелкие пристрастия. И не только всепобеждающая вера, но и житейские суеверия...

ПОДАРОК ДАЛАЙ-ЛАМЫ

В течение последующих пяти лет после прихода Брежнева к власти в 1964 году Индира Ганди, премьер-министр Индии, несколько раз посетила СССР.

И в конце каждого своего визита неизменно задавала один и тот же вопрос: когда Леонид Ильич нанесет ответный визит, который пойдет на пользу дружбе двух великих народов. Наконец, Генеральный решился. В первых числах января 1969 года состоялся его первый официальный визит в Индию. Брежнев был тронут до глубины души. Так, как встречали его, встречают только истинных друзей.

...На одном из приемов во дворце Индиры Ганди чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Дели Михаил Пегов показал Леониду Ильичу невзрачного маленького человечка неопределенного возраста и пояснил, что последний — первосвященник ламаистской церкви в Тибете, Далай-лама в изгнании, которого приютила у себя Индира Ганди. О нем ходят легенды по всей Юго-Восточной Азии. Ну, к примеру, что он владеет гипнозом, и, вводя людей, страдающих астмой, язвой желудка и сердечными заболеваниями, в гипнотический транс, за пару сеансов излечивает навсегда от этих недугов. Может по запаху купюры определить ее номинал. Читает книги с завязанными глазами, прикасаясь к тексту кончиками пальцев. И что самое невероятное — во время упражнений йогой Далай-лама способен отрывать от земли и в течение нескольких секунд парить в воздухе!

Брежнев крайне заинтересовался рассказом посла и попросил представить его тибетцу. Когда их руки сомкнулись в рукопожатии, первосвященник долго не отпускал ладонь Леонида Ильича, а затем через переводчика сообщил, что вы-

— Судя по рисунку линий на ладони моего гостя, — говорил первосвященник, — его в ближайшем будущем подстерегают смертельные опасности. И не в небе, а на земле. И не раз

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Невероятно, но...

сокий гость тринадцать лет назад перенес инфаркт, да и вообще, у него есть проблемы с сердцем, которые в будущем серьезно осложнят ему жизнь.

— Черт возьми! — воскликнул Леонид Ильич в состоянии крайнего возбуждения. — Действительно, в 1956 году, находясь на посту 2-го секретаря Казахстана, я перенес инфаркт! Это было ровно тринадцать лет назад... Да и сейчас сердчишко нет-нет, да пошаливает... Ну-ка, ну-ка, пусть ясновидящий продолжает!

— Судя по рисунку линий на ладони моего гостя, — говорил первосвященник, — его в ближайшем бу-

дущем подстерегают смертельные опасности.

— Наверно, самолет, на котором я буду возвращаться домой, потерпит крушение, — в шутку сказал Леонид Ильич.

Далай-лама, вперив пронзительный взгляд в собеседника, внимательно выслушал перевод и ответил, что со смертельной опасностью Брежнев встретится не в небе, а на земле. И не раз.

После этого он сделал знак переводчику наклониться и что-то прошептал ему на ухо.

— Господин Генеральный секретарь, — с пафосом произнес переводчик. — Его Святейшество Далай-лама спрашивает, не сообразовали ли вы принять от него некое существо, которое наделено даром провидения. В будущем оно сможет убедить вас от многих напастей.

— Отчего ж не принять. — Леонид Ильич тряхнул своей роскошной шевелюрой. — Из рук такого

человека и яд принять — святое дело... Приму обязательно!

После этого первосвященник что-то сказал мальчику-монаху, и тот стремглав помчался к выходу. Через минуту он вернулся, неся двумя руками объемистую клетку, в которой сидел... невероятных размеров пушистый серый кот.

Далай-лама, тихо и ласково произнося какие-то слова, похожие на заклинания, поднес ладонь Брежневу к клетке, и кот принялся тщательно ее обнюхивать, время от времени поднимая свои огромные желтые глаза то на Леонида Ильича, то на первосвященника.

Закончив ознакомление с ладонью Брежнева, кот выгнул спину и, подойдя к дверце, стал скрести ее когтями. Мальчик-монах открыл клетку, и животное, с неожиданной для его размеров грацией, прыгнуло на пол, а потом, помахивая хвостом, уверенно село у ног Брежнева. Едва послон попытался придвинуться ближе к Генеральному, кот резко обернулся в его сторону и предостерегающе зашипел.

Первосвященник широко заулыбался, одобрительно закивал головой и произнес длинную тираду.

— Господин Генеральный секретарь, — начал переводчик. — Его Святейшество сказали, что, судя по поведению кота, который не только признал в вас своего нового хозяина, но и сразу приступил к охранным обязанностям, Далай-лама считает, что нисколько не ошибся в своем выборе... В последующем, господин Генеральный секретарь, имейте в виду: если кот подойдет к вам и станет тереться о ваши ноги, или вцепится зубами в штанину, — это значит, он предупреждает вас о беде... Если вы намерены держать его у себя в доме, то кормить его следует только сырым мясом и только с ваших рук... Ваши биополья должны слиться воедино. Лишь в этом случае инстинкт самосохранения животного распространится на вас. Таким образом, при возникновении угрозы вашей жизни кот

будет вести себя так, как если бы спасал свою...

— Вот те на! — возмутился Леонид Ильич. — А если мне придется на неделю уехать в заграничную командировку, тогда что? Голодом морить животное прикажете, что ли?!

На это Далай-лама что-то ответил назидательным тоном, а переводчик перевел:

— Господин Генеральный секретарь, Его Святейшество говорят, что кот не будет для вас обузой в поездках — не тяготит же вас в пути личная зубная щетка. Считайте, что кот — это ваш охранный талисман, он неотлучно должен находиться при вас, в противном случае, он утратит свой дар провидения и станет лишь частью домашнего интерьера... Вы не находите, что тогда весь ритуал даропринесения теряет смысл?

— Очень убедительно сказано! — с восхищением проговорил Брежнев. — Ему бы, Далай-ламе, у меня в ЦК отдел пропаганды возглавить. Я бы с его помощью всех империалистов в коммунистическую веру обратил... Стоп-стоп! — спохватившись, воскликнул Генеральный, обращаясь к переводчику. — Э т о переводить не надо!

На даче в Заречье, где большую часть года проживал Леонид Ильич с семьей, Ламе — так называли кота в честь Далай-ламы — отвели целую комнату. Кот начал с того, что настоятельно обошел все два этажа дачи, а затем вышел наружу для ознакомления с окрестностями.

Ламе никого, кроме Леонида Ильича, к себе не подпускал. Единственное исключение делал для младшего внука Брежнева, четырехлетнего Андрея. Ему он позволял не только ездить на себе верхом, но и, что уж совсем невероятно, дергать за хвост. Со временем кот так привязался к мальчику, что сделал своим жилищем его комнату. Однако пищу, — а это был, как правило, огромный кусок телятины с кровью, — принимал только из рук «Хозяина», Леонида Ильича.

Мясо Лама получал дважды в день, утром и вечером. Но, видимо, этого ему не всегда хватало, поэтому время от времени он устраивал «охотничьи рейды» по дачному участку. Как уж кот под снегом находил змеиные и кротинные норы — одному Богу известно. Охране же во время обхода территории оставалось лишь собирать трофеи — головы ужей, гадюк и кротов. Удивлению телохранителей и челяди не было предела: оказывается, на даче процветал целый подземный террариум. Об этом можно было судить по количеству собранных змеиных голов: к концу зимы Лама съел около тридцати змей!

«Этот кот — ваш охранный талисман, он должен неотлучно находиться при вас, в противном случае, кот утратит свой дар провидения и станет лишь частью домашнего интерьера»...

Бывали и курьезы. Однажды утром из заповедника Завидово, куда, по традиции, выезжал на охоту Леонид Ильич, в Заречье прибыл старший егерь Василий Петрович Щербаков. Двигаясь к дому, он вдруг заметил на краю расчищенной от снега дорожки свежую и довольно впечатляющую горку экскрементов (о том, что Брежнев привез из Индии кота, егерь не знал).

Профессионал высокого класса, Василий Петрович, конечно же, не мог оставить без внимания невестку откуда взявшиеся фекалии неизвестного происхождения и опрометью бросился к дому.

— Рысь, на участке была рысь! Сейчас же возьмите собак и вперед... Надо ее найти и уничтожить! В противном случае, она может наделать таких бед — не отчитаешься! — крикнул он телохранителю, сидевшему у входной двери.

Охранник в ответ заулыбался.

Мальчик-монах внес объемистую клетку, в которой сидел... невероятных размеров пушистый серый кот. Леонид Ильич сначала принял его за пантеру

Мясо Лама получал дважды в день, утром и вечером. Но, видимо, этого ему не всегда хватало, поэтому время от времени он устраивал «охотничьи рейды» по дачному участку

— Успокойтесь, Василий Петрович, это — не рысь, а кот, которого Леонид Ильич получил в подарок в Индии... Так что, не волнуйтесь — все в порядке, лишних зверей в Заречье не наблюдается. А если б даже и появились, кот их быстренько спровадил бы отсюда. Мы считаем, что в бригаде телохранителей появился еще один «боевой штык», вольнонаемный сотрудник без офицерского звания...

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ ЛАМЫ

21 января 1969 года вся Москва ликовала по поводу возвращения на Землю космонавтов Шаталова, Хрунова, Елисеева и Волынова.

Десятки тысяч москвичей встречали героев на всем пути их следования из аэропорта Внуково-2 до Кремля. Из радиотрансляторов, установленных на улицах, неслись голоса дикторов Гостелерадио, информировавших слушателей о передвижении космонавтов и правительственного кортежа. Странно, но дикторы почему-то не единожды сообщили и о том, что именно во второй машине находится Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев...

Как только кавалькада правительственных «Чаяк» подъехала к Боровицким воротам, из шеренги оцепления навстречу второй машине бросился некто в милицейской форме с пистолетами в обеих руках и открыл огонь на поражение. Однако атакующий не знал, что незадолго до подъ-

езда к Кремлю в кортеже произошло перестроение, и из окна второй машины теперь выглядывал не Брежнев, а очень на него внешне похожий космонавт Георгий Береговой.

Как признали потом специалисты, перестроение и внешнее сходство с Береговым спасли жизнь Леониду Ильичу. Но он-то знал, кто был его истинным спасителем...

Дело в том, что в день покушения Лама поднялся раньше обычного и стал скрестись в дверь спальни «Хозяина». Вопреки увещаниям жены Леонида Ильича, Виктории Петровны, кот во что бы то ни стало намерен был прорваться внутрь. Когда же его, наконец, пустили, он тут же вспрыгнул на супружеское ложе Брежневых и, неотрывно глядя своими лунообразными желтыми глазами на спящего Леонида Ильича, начал жалобно мяукать.

Все утро Лама ни на шаг не отходил от Брежнева, терся о его ноги и, время от времени, издавал жалобные звуки. Перед отъездом Генерального секретаря в Кремль он стал буйствовать, хватать зубами штанину Леонида Ильича, да так настойчиво, что его пришлось посадить на цепь.

Всю дорогу от аэропорта до Кремля Леонид Ильич недоумевал: что могло вывести из себя всегда спокойного и уравновешенного Ламу? Наконец, его осенило — он вспомнил наставления тибетского первосвященника...

Отменный актер, Брежнев с напускным простодушием сказал сопровождавшим его Косыгину и Подгорному:

— А что это мы, товарищи, так рвемся вперед? Кого встречают люди, нас или космонавтов? А ну-ка, Николай, — обратился он к водителю, — немедленно перестройся и стань в конце колонны!

Так 21 января 1969 года Брежнев впервые воочию столкнулся с мистическим явлением — провидческим даром Ламы...

Через некоторое время Леониду Ильичу представился еще один слу-

чай убедиться в предназначении Ламы оповещать его о грозящей ему смертельной опасности.

...Рабочий день Брежнева на даче в Заречье начинался в 8.30, когда он в сопровождении телохранителей выезжал в Кремль.

20 февраля 1970 года, ровно в 6.00, Лама ворвался в спальню «Хозяина» и стал тереться о его ноги, а при каждой попытке Брежнева выйти из помещения хватал его зубами за манжеты брюк. Леонид Ильич, вспомнив, что именно так же вел себя кот в день покушения 21 января, решил проверить свои догадки и поэкспериментировать.

— Ребята, — заявил он «прикрепленным» телохранителям, торопящимся сдать смену другой бригаде, ожидавшей Генерального в Кремле, — вы поезжайте, а я здесь поработаю еще с документами... А за мной пришлите ваших сменщиков.

Слово охраняемого — приказ. Уехали без него. На трассе, сбоку, вылетела военная грузовая машина — солдатик за рулем не посмотрел влево. В итоге, водитель правительственного «ЗИЛа», на котором должен был ехать Генеральный, от столкновения ушел, но машину развернуло и ударило о стоящий на обочине трейлер. В «ЗИЛе» находились шесть сотрудников, пятеро из них бодрствовали, поэтому сумели скоординироваться и уцелели, хотя и получили травмы различной степени тяжести: сломанные ребра, сотрясение мозга, ушибы, ссадины. Володе Егорову, который спал, сидя на месте отсутствующего «охраняемого», снесло полчерепа...

Когда о происшествии доложили по радиотелефону Брежневу, тот, не раздумывая, затребовал с кухни дополнительный кусок телятины с кровью для Ламы.

Вслед за этим Леонид Ильич попросил дежурного телефониста соединить его с Индирай Ганди. Ничего не объясняя, попросил ее найти предлог и наградить Далай-ламу каким-нибудь достойным его статуэтой индийским орденом...

В 1971 году Брежнев окончательно уверовал в провидческий дар Ламы.

В начале года Генеральный получил приглашение от президента Франции Жоржа Помпиду посетить страну с официальным визитом. Помощники и советники Брежнева стали готовить его к поездке. Оказалось, что не только они готовились к встрече двух глав государств. Недобитые прежним президентом Франции, генералом де Голлем, члены террористической организации ОАС, перешедшие на нелегальное положение в Алжире и Франции, задумали напомнить о себе двойным покушением на Помпиду и Брежнева.

Лама вел себя спокойно до тех пор, пока Леонид Ильич не собрался сесть в машину, которая должна была доставить его во Внуково-2 для вылета в Париж. Кот тут же пришел в состояние крайней нервозности. Как это бывало и раньше, он зубами хватал Брежнева за манжеты штанин, буйствовал, а в промежутках вдруг затихал и неотрывно смотрел на «Хозяина» своими огромными желтыми глазами.

Леонид Ильич попытался успокоить Ламу. Увы! Тот даже не позволил

Как признали потом специалисты, перестроение и внешнее сходство с космонавтом Береговым спасли жизнь Леониду Ильичу. Но он-то знал, кто был его истинным спасителем

надеть на себя ошейник, к которому привык, выезжая с Брежневым в заграничные поездки. Одно уже это обстоятельство заинтриговало и заставило Брежнева проявить повышенную бдительность. Он позвонил Председателю КГБ Юрию Андропову и, ничего не объясняя, спросил, нет ли каких-либо новых данных по Франции. Андропов сначала было замялся, а потом сказал, что получасом раньше получил от нашей внешней разведки сведения о готовящемся

ся оасовцами покушении на Помпиду и на него, Генерального секретаря ЦК КПСС.

Брежневу ничего не оставалось делать, как перенести поездку на другое время. И, действительно, дня через два зачинщики заговора были арестованы, и французские газеты раструбили на весь свет, что на Брежнева и Помпиду готовилось покушение...

В середине 70-х Леонид Ильич, по настоянию жены, впервые поставил на заседании Политбюро вопрос о своей отставке.

Вердикт Виктории Петровны был резким и бескомпромиссным:

— Да, Леня, надо уходить. Ты ведь ничего уже не можешь. А те, кто еще что-то может, — все эти тихоновы, соломенцевы и черненко, — им ничего не нужно, кроме собственных кресел. Поэтому они тебя и держат. Возможно, как «живую мишень», а, возможно, потому что очень боятся, чтобы кто-то из молодых, тот же Романов, не вырвался вперед, — ведь тогда им всем придет конец... Уходи!

Однако атеросклероз сосудов головного мозга и увлечение наркотическими средствами сделали Брежнева неполноценным не только физически, но и умственно. Он стал безвольной игрушкой в руках хитромудрых соратников по Политбюро, потеряв способность критически оценивать свои поступки...

Генерал Рябенко, повинуюсь какой-то внутренней инерции, взглянул на часы: 13 часов 23 минуты. Эти цифры он запомнил на всю жизнь

Однако «старика» — Тихонов, Соломенцев, Громыко и Черненко не допустили этого: больной и немощный Брежнев был им удобен. Они дружно начали отговаривать его:

— Да что вы, Леонид Ильич! Вы еще полны творческих сил. Не может быть и речи о вашем уходе на пенсию. Вы просто поменьше себя утруждайте. Мы сами будем на себя больше брать...

Однако Леонида Ильича такой поворот событий заставил призадуматься.

Покушение в январе 1969 года, инцидент с Володей Егоровым, которому в аварии снесло пол черепа, заговор оасовцев в 71-ом, внушили Брежневу мысль о том, что за ним по пятам следует злой рок, уготовивший ему насильственную смерть. А единодушный отказ ветеранов Политбюро отпустить его на заслуженный отдых? Это что? Не свидетельство ли того, что они держат его в качестве «живой мишени для отстрела»?!

Не найдя объективных доказательств своим подозрениям, Леонид Ильич поделился ими с женой.

САМОУБИЙСТВО В ЗНАК ПРОТЕСТА

Весной 1982 года произошли события, которые оказались для Леонида Ильича роковыми. Он отправился в Ташкент на празднества, посвященные вручению Узбекской ССР ордена Ленина.

23 марта 1982 года, по программе визита, Брежнев должен был посетить несколько объектов, в том числе авиационный завод. С утра, после завтрака, состоялся обмен мнениями с местным руководством, и все вместе решили, что программа достаточно насыщена, поэтому посещение завода будет утомительным для Леонида Ильича. Договорились туда не ехать, охрану сняли и перебросили на другой объект.

По словам личного телохранителя Леонида Ильича, Владимира Медведева, со всеми запрограммированными посещениями управиться довольно быстро. Возвращаясь в резиденцию, Брежнев посмотрел

на часы и обратился к первому секретарю ЦК компартии Узбекистана Рашидову:

— Время до обеда еще есть. Мы обещали посетить завод. Люди готовились к встрече, собрались, ждут нас. Нехорошо... Возникнут вопросы... Пойдут разговоры... Надо ехать!

В разговор вмешался начальник охраны Брежнева, генерал Рябенко:

— Леонид Ильич, ехать на завод нельзя. Охрана снята. Чтобы ее вернуть, нужно время... Да и потом, мне докладывают из резиденции, что ваш питомец Лама просто с ума сошел, упрыгал на него никакой, беснуется, не приведи Господь, покусал уже всех «прикрепленных»...

Это был последний козырь Рябенко, он ничего не придумал, сказал, как было, ибо для него уже не являлось секретом, что все встречи и визиты Брежнев осуществляет либо отменяет, в зависимости от поведения тибетского кота накануне поездки...

Генеральный, уязвленный вторжением в сферу его самых сокровенных тайн, жестко ответил:

— Ты вот что. Возвращай охрану, а мой питомец — не твоя забота... О нем я позабочусь сам... На все про все даю тебе пятнадцать минут...

Как рассказывал позже полковник Котов, бывший начальник одного из управлений Комитета госбезопасности Узбекской ССР, выйдя из машины, Брежнев с Рашидовым и телохранители двинулись к цеху сборки. Когда проходили под крылом почти готового самолета, народ на лесах также стал перемещаться. Леонид Ильич уже почти вышел из-под самолета, но вдруг раздался жуткий скрежет. Стропила, окружавшие строящийся самолет, не выдержали, и огромная деревянная площадка — во всю длину самолета и шириной метра четыре — под неравномерной тяжестью перемещавшихся рабочих рухнула! Люди по наклонной покатились на делегацию. Брежнев и Рашидов, вместе с сопровождавшими, были накрыты рухнувшей площадкой и скатившимися с нее рабочими.

...Леонид Ильич лежал на спине, рядом с ним — Рашидов с разбитой головой. Тяжелая площадка, слава Богу, не успела никого раздавить.

Генерал Рябенко, повинуюсь какой-то внутренней инерции, взглянул на часы: 13 часов 23 минуты. Эти цифры он запомнил на всю жизнь.

Телохранители с большим трудом подняли Генерального.

Ехать в больницу Брежнев отказался, и телохранители, усадив его на заднее сиденье правительственного «ЗИЛа», рванули в резиденцию.

Думали как лучше, а оказалось, привезли Шефа к новой для него трагедии.

...В 13 часов 23 минуты Лама, перекусив зубами металлический поводок и искусав до крови пытавшихся удержать его телохранителей, выбежал на улицу и бросился под колеса первой проезжающей машины

...В 13 часов 23 минуты Лама, перекусив зубами металлический поводок и искусав до крови пытавшихся удержать его телохранителей, выбежал на улицу и бросился под колеса первой проезжающей машины.

Когда Леониду Ильичу сообщили о поведении Ламы накануне инцидента на авиазаводе и показали изуродованный труп «провидца», Генеральный обнял генерала Рябенко, и, прослезившись, сказал:

— Ты был прав, на авиазавод не нужно было ездить! □

ПРЕМЬЕРА!

Елена
ВОРОБЬЕВА

Спектакль

Театр
«Мастерская
Петра
Фоменко»

БЕСПРИДАНИЦА

«Бесприданницу» Петр Наумович Фоменко хотел ставить еще несколько лет назад — для Полины Агуреевой, Ильи Любимова, Евгения Цыганова, Натальи Курдюбовой, Алексея Колубкова.

Итак, премьера вышла с Полиной Агуреевой в роли Ларисы. Она так поет романс, что кружит голову не только судовладельцу Сергею Паратову, но и всему зрительному залу.

Сергея Паратова играет Илья Любимов, миллионщиков Кнурова и Вожеватова — Алексей Колубков и Андрей Щенников. Здесь все пресыщены или

мечтают стать пресыщенными. В цене только сама цена.

Роль матери Ларисы, Хариту Игнатьевну, исполняет актриса Наталья Курдюбова. Вот она точно знает, что Чувство в мире товаров и цен — обречено. Деньги к деньгам — таков принцип жизни этого круга людей.

В финале Полина Агуреева трепетно играет прозрение Ларисы: «Я — вещь. Наконец, слово для меня найдено». Так умело провоцирует Карандышева на выстрел и так спокойно благодарит его за смерть, что комок к горлу подкатывает, и понимаешь: освободилась, наконец, Лариса.

ЧТО НОВОГО?

Музыкальный
театр
имени
Станиславского
и Немировича-
Данченко

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Опера

«Вечера на хуторе близ Диканьки» Николая Васильевича Гоголя с детства были любимейшей книгой Н.А.Римского-Корсакова, а «Майская ночь» нравилась ему больше всего. Мысль использовать ее сюжет для оперы была подсказана летом 1872 года женой, тогда еще невестой композитора, а работа над оперой началась летом 1877 года и заняла около года.

Премьера оперы состоялась 9 (21) января 1880 года в петербургском Мариинском театре.

На сцене музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко она ставилась дважды. Первый раз — 80 лет назад самим создателем театра Константином Станиславским.

В последнее же время «Майская ночь» почти исчезла из репертуара музыкальных театров. Для сочине-

ний Римского-Корсакова нужны первоклассные исполнители, обладающие высокой вокальной школой, талантом драматического актера.

И вот снова — премьера. Режиссером выступил Александр Титель, художник спектакля — Владимир Арефьев, главный хормейстер — Станислав Лыковю, дирижер — Феликс Коробов, у которого это третья постановка по произведениям Н.А.Римского-Корсакова: «Золотой петушок», «Царская невеста», теперь — «Майская ночь».

Ведущие партии исполняют Леонид Зимненко, Анатолий Лошак, Лариса Андреева, Михаил Векуа. □

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

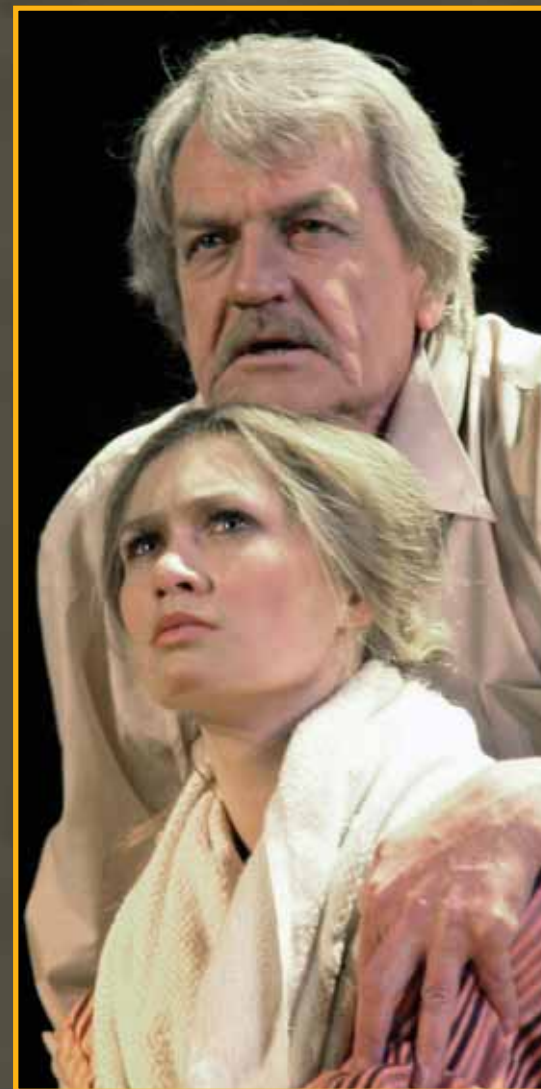
Что нового?

Машкова

Мария

Решила стать актрисой, сыграв... Бабу Ягу!

Знаменитая фамилия, обворожительная внешность, папа — секс-символ российского кино, мама — красавица-актриса и режиссер. В свои 23 Маша уже сама — почти кинозвезда. Фильмография солидная, да и несколько мощных премьер на носу. Работа — в одном из лучших театров страны. Казалось бы, что еще нужно для счастья? Сама Маша Машкова считает, что фамилия не помогает, а обязывает, на самом деле пока еще она ничего особенного не сыграла, а популярность и интерес режиссеров — это лишний повод доказать всем, что она самостоятельная творческая единица

В театральный вуз я осознанно пришла в 17 лет, и именно с этого момента все для меня началось

«Золотая» медалистка с двойкой по поведению

— *Светлана Светличная, Света Светикова, Маша Машкова... Наверное, не случайно вас так называли — звучит очень красиво?*

— Это самое лучшее имя на Земле. У папы даже не было других вариантов. А вот мама хотела назвать меня Федорой или Феклой. Но папа, так сказать, «спас» от этого... «бремени», за что я ему безумно благодарна.

— *Маша, вы уже в 7 лет сыграли в своем первом взрослом спектакле. Какие-нибудь яркие воспоминания остались от дебюта?*

— Еще бы! В спектакле «Виктория» в театре имени Маяковского я вышла на сцену за руку с Натальей Гундаревой, а в конце последнего акта бежала к Армену Борисовичу Джигарханяну, он брал меня на руки и уносил со сцены. Такое не забывается.

— *Может, еще и деньги платили?*

— А как же! На «Макдональдс» хватало... Но это был неосознанный период в моей жизни. А осознанно я пришла в театральный вуз в 17 лет, и именно с этого момента все для меня началось. Более того, я вообще не собиралась быть артисткой и всячески гнала от себя мысли о театральном попреще.

— *Почему же решились продолжить семейную династию?*

— Как бы это банально ни звучало, на меня повлияла невозможность заниматься ничем иным. В школе я сначала мечтала стать хирургом, а в старших классах серьезно увлеклась химией и собиралась поступать в Менделеевский химтех на «неорганику». Когда поняла, что с колбочками и со спиртовками долго не выдержу ни морально, ни физически, решила податься в экономику, — поступила в Плехановскую академию, и даже два месяца там проучилась. А потом... сбежала в «Щуку». Как видите, честно пыталась не заниматься театром, потому что прекрасно отдавала себе отчет в том, какие будут сложности. Но-но-но...

— *А какие сложности?*

— Ну, как же — мама, папа — известные актеры... Это же морально тяжело.

— *Есть множество примеров, когда актерские дети сами становятся актерами...*

— И часто все заканчивается довольно печально. По статистике, подобных «печальных» случаев — 99 процентов. Про таких потом говорят: «Мама с папой замолвили словечко», или «Природа на детях отдыхает». И эти стереотипы преодолеть очень сложно. Поэтому самое главное для меня было доказать, что Маша Машкова — отдельная от родителей творческая единица, и сама по себе на что-то способна. Правда, папа говорит, что гены еще никто не отменял, тем более, что он сам родился в артистической семье. Получается, я — артистка в третьем поколении.

— *У вас в детстве были серьезные творческие увлечения?*

— Я всем «по чуть-чуть» занималась. Когда жила с бабушкой и дедушкой в Новосибирске, увлекалась танцами. В старших классах побеждала на всевозможных конкурсах чтецов — читала рассказ Михаила Зощенко «Нервные люди», и он пользовался большим успехом. Мне всегда больше нравилось, когда люди, слушая меня, смеются, нежели плачут или молчат.

— *Ваша бабушка со стороны отца — наполовину итальянка. Чувствуете в себе горячую итальянскую кровь?*

— О! Я — очень эмоциональный человек. Скажу вам больше: я вообще итальянка самая настоящая. Моника Белуччи!

— *Вы знаете, что Владимир Машков в «нежные годы», по собственным словам, угнал 15 мотоциклов и две автомашины — «не корысти ради, а чтобы просто прокатиться», и был «головной болью» участковых оперуполномоченных?*

— Не удивляюсь. Знаете, моя мама — актриса Елена Шевченко — тоже была ой-ой-ой... Вообще, родители мои — удивительные и очень рискованные люди. А судя по многим моим поступкам, я вся пошла в них. А в кого же еще?!

— *Это правда, что в школе у вас была двойка по поведению?*

— Да. Представляете, окончить школу с золотой медалью и «неудом» за хулиганство на уроках!

— *Огрели шваброй завуча или отравили перекисью марганца химичку?*

— Ничего криминального не было. Просто мы с друзьями и подружками на уроках играли в «партизанов», а это не всем учителям нравилось. Но не буду вам все рассказывать, что я там творила. Скажу только, что предпочитала интеллектуальные «хулиганства». А вообще, я ни о чем не жалею. Двойки по поведению, Пле-

Презентация саундтрека к сериалу «Не родись красивой»

На предыдущем развороте: спектакль «Строитель Сольнес» по пьесе Ибсена. Леонид Кулагин, Мария Машкова

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Личное мнение

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Личное мнение

Мне всегда больше нравится, когда люди, слушая меня, смеются, нежели плачут или молчат

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Личное мнение

Если буду считать себя «звездой», значит, мне пора в психушку

— Вы начали сниматься в одиннадцать лет, дебютировав в фильме «Маленькая принцесса». Потом были съемки в лентах «Мама, не горюй 1,2», «Женщин обижать не рекомендуется», «Next», «Талисман любви», «»Все смешалось в доме...» Какую свою роль в кино считаете первой серьезной?

— Когда закончила 11-й класс, меня утвердили на главную роль в картине «Молодые годы Кощея Бессмертного», где я сыграла юную... Бабу Ягу. Там был просто сказочный актерский состав — Андрей Смеляков играл папу Кощея, Александр Феклистов — моего отца, Виктор Авилов сыграл одну из последних ролей... Я скакала галопом на лошади, у меня были рыжие, по пояс, волосы и безумно красивые наряды. Это же фильм про любовь Бабы Яги и Кощея Бессмертного, когда они были молодые и любили друг друга. Такой сказки еще никогда не было. Подозреваю, что именно после этих съемок я поняла, без чего жить не могу.

— Словом, Баба Яга вас «попутала»?

— По большому счету, да.

— Ваш папа в одном из интервью сказал: «Я не оказывал влияния на дочь только потому, что

Самое главное в моей жизни — доказать, что Маша Машкова отдельная от родителей творческая единица, и сама по себе на что-то способна

уже с четырнадцати лет ее непредсказуемость и проделки приводили меня в замешательство». Что он имел в виду?

— Может, то, что у меня было огромное количество метаний, связанных с выбором профессии. Он знал, что я с семи лет серьезно учила английский язык, занималась химией, ходила в ветеринарную клинику — смотрела, как делают операции животным. Поскольку мой отец не жил с нами и не видел меня так часто, как мама, его мои перепады настроения, разумеется, удивляли, и зачастую я его ставила своими решениями перед фактом. Когда он узнал, что я учусь в театральном вузе, то первым делом... расстроился. «Что же ты не посвятила меня. Я даже поволноваться не смог во время приемных экзаменов».

— Действительно, а почему не посвятила?

— Изначально для меня было принципиально важно, чтобы родители никак не участвовали в процессе и увидели только результат — желательный позитивный. Боюсь их разочаровать, хочу только радовать.

— Итак, вы поступали в театральный инкогнито...

— Да, я пришла в кабинет к Владимиру Петровичу Поглазову, который набирал курс, сказала, что я Маша из Новосибирска, хочу почитать стихи и прозу. Прочитала, и он меня взял. Как просто Машу. Не Машкову. Это была большая радость! Потом мама меня тоже поддержала: «Маша, получить

роль по блату можно. А вот сыграть ее по блату невозможно! Просто будь сама собой, и успех придет!»

— Многих молодых актеров, и неспроста, пугают звездной болезнью...

— И я даже наблюдала за этим... феноменом.

— Вам подобное не грозит?

— Если я буду считать, что снялась в «Не родись красивой», и уже стала «звездой», мне пора в клинику. Это как раз, наверное, и называется «звездная болезнь». Я реально оцениваю свои успехи, и оцениваю их довольно скромно... Еще я знаю нескольких актеров, у которых на этой почве, что называется, «крышу снесло», но, кроме жалости и смеха, это никаких эмоций не вызывает. Кстати, я заметила, что подобное случается с не очень хорошими артистами, чаще всего сериальными. Ни у одного настоящего талантливого человека я ничего подобного не замечала.

— Что в актерстве вас больше всего привлекает — слава, желание прожить тысячу жизней в одной, покорить мир?

— То, что вы назвали, лишь малая часть того, что может происходить в этой профессии. Отвечу просто: мне она нравится во всех ее проявлениях и возможностях.

— То есть вы жаждете творческих подвигов и верите в собственную неповторимость?

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Личное мнение

Если буду считать, что уже стала «звездой», значит, мне пора в клинику. Я реально оцениваю свои успехи, и оцениваю их довольно скромно...

— Наверное. Хотя, если честно, я об этом не думаю. Просто ставлю себе реальные задачи и стараюсь... И стараюсь. Точка.

Мечтаю выспаться и... прыгнуть с парашютом

— Вы сейчас работаете в театре «Ленком». Как удалось попасть в прославленную труппу?

— Помогала однокурсникам поступать, показывала отрывки, и меня взяли. Хотя, если честно, я вообще не собиралась идти ни в какой конкретный театр, потому что у меня к тому времени было три антрепризных спектакля и роли, которые я очень люблю.

— Интересно, какая из них на сегодня самая-самая?

— У меня две самые любимые — в спектаклях «Любофь» и «Штирлиц идет по коридору». Очень люблю свою роль в «Ленкоме» — в спектакле «Мадмуазель Бланш»... Но, по большому счету, я еще ничего не сыграла. Но очень хотелось бы. Например, в пьесе «Трамвай желание».

— Судя по интернет-форуму, у вас как у актрисы уже немало поклонников...

— Я — в тяжелых отношениях с интернетом. Знаю, что многие узнают меня, в основном, как Марию Тропинкину из сериала «Не родись красивой». И за это людям благодарна, так же, как благодарна режиссеру

картины Александру Владимировичу Назарову, собравшему удивительную команду и создавшему замечательную атмосферу. Мы относились к этим съемкам не как к «телемылу», а как к реальной истории из своей жизни. Мне приятно, что зрители этот доверительный разговор оценили.

— На улицах вас тоже узнают?

— Когда иду куда-нибудь, вся такая нарядная, расфуфыренная, конечно, подходят, просят автографы. Кстати, недавно был забавный случай. Моя мама пришла в парикмахерскую и услышала, как две девочки просили им сделать прически, как у Марии Тропинкиной. А потом обсуждали, что купят такие же платья, как у героини сериала.

— Вам уже приходилось отказываться от ролей?

— Да, конечно. По объективным причинам. Для меня важнее всего — какая роль и кто режиссер. Все остальное значения не имеет.

— А материальная сторона?..

— Деньги, конечно, важны — я все-таки девушка. Но и это все условно.

— Уже научились «грамотно» тратить свои гонорары?

— Нет, и никогда не научусь. На первый крупный гонорар я купила маме красивую-красивую дубленку, на другой — подарила себе машину, и это было хорошее вложение денег. Но обычно трачу на всякие глупости и девчачьи радости.

— Чем любите заниматься помимо съемок и работы в театре?

— Продолжаю совершенствоваться в английском. Очень хочу со следующего года начать изучать испанский. Люблю литературу и много читаю.

— А как предпочитаете отдыхать — горнолыжные курорты, экстрим или сладкий сон?

— Сон — это святое. Что касается экстрима, то пока нет, но когда-нибудь попробую. Мечтаю прыгнуть с парашютом.

Вышла замуж, и счастлива

— Маша, какие качества должны быть в мужчине, чтобы вы, как говорится, «потеряли голову от любви»?

— Для меня важно, чтобы рядом был любимый, а какой он... это уже другой вопрос. У меня нет жестких принципов, я ценю, когда все по-честному и по-настоящему.

— Ради вас совершали безумные поступки — неожиданные и красивые?

— Как же без этого? И на крыши забирались, и писали под окнами краской на асфальте «Ты мне нужна!» Но я не могу рассказывать такие интимные вещи. Безумные поступки всегда присутствуют в жизни, если это касается любви.

— Интересно, а какой вы человек в быту? Может, заядлая хозяйка или гений кулинарии?

— Последние два года я... не в быту. С тех пор, как вышла замуж за актера Артема Семакина. Могу сказать: мне очень повезло с мужем, он делает для меня все: стирает, готовит, одним словом, холит и лелеет. А до свадьбы... Без ложной скромности, хозяйка я — неплохая, многое сама умею — даже чебуреки готовить. А сейчас на хозяйство просто времени нет. Если муж заставит, то мне, конечно, придется. И думаю, что в скором времени это произойдет.

— Неужели Артем способен заставить?

— Конечно, способен! Он у меня — ярко выраженный деспот.

— Надеюсь, в кавычках?

— Безо всяких кавычек. А если серьезно: у меня все хорошо, все происходит только так, как я хочу.

**Я нашла все из того, что хотела.
Другое дело — теперь мне все
это надо удержать**

— До замужества вы говорили, что папа остается для вас неким утопическим идеалом настоящего мужчины.

— А он им и остается. Наверное, это нормальное желание для любой дочери, которая безумно любит своего отца... Мой муж — абсолютная его противоположность, но я же выходила замуж не за идеал, а за любимого мужчину. Тем более, что сейчас, когда стала взрослее, я понимаю, что с таким мужчиной, как отец, не смогла бы создать семью по простой причине: очень на него похожа по характеру. Если две такие фурии окажутся под одной крышей, нормальной жизни не получится.

— Последнее время вы — героиня светских сплетен. Как относитесь к подобным публикациям?

— Мне было смешно и приятно прочитать, будто бы я «тайно обручилась в Париже»... Раньше реагировала агрессивно, теперь стараюсь спокойно относиться, потому что если относиться беспокойно, то можно сойти с ума. Повторяются и пишутся одни и те же гадости, ничего новенького. Как-то из одной газеты узнала, что я, оказывается, алкоголичка. Написали, что водку я запивала шампанским. Я бы до такого не додумалась. Так что, ко всему, что пишут, нужно относиться с юмором.

— Кстати, сообщают вам еще один свежий слух. «Оказывается», Артем Семакин соблазнил вас и женился с корыстной целью — чтобы сниматься в фильмах вашего отца. Как вам это?

— Конечно! А как еще все произошедшее объяснить? Открою вам

больше: женившись, он еще и прописку московскую получил!

— То есть он добился всего, чего хотел?

— Да! Я-то зачем ему нужна? Знаете, даже если все это правда, я буду его любить еще больше!

— Вас не смущает статистика, касающаяся долговечности актерских брачных союзов?

— Никогда нет проблем, если есть любовь. Банально, но факт. У всех же — свои индивидуальные истории, и статистика здесь ни при чем.

— Я знаю, что вы продолжаете активно сниматься. В какой кинопремьере вас можно будет увидеть в ближайшее время?

— Скоро состоится премьера фильма «Закрытые пространства» режиссера-дебютанта Игоря Лебедева. Это история про молодого человека, страдающего агорафобией — боязнь открытых пространств, и про девушку. По сценарию, там все действие происходит в одной комнате. Я буду играть одну из главных ролей — Вику.

— Пословица «Не родись красивой, а родись счастливым» вроде бы вам не подходит. Если честно, что нужно для счастья лично Маше Машковой?

— Как это ни парадоксально прозвучит, но у меня есть все, то есть уже нашла все из того, что хотела. Другое дело — теперь мне все это надо удержать... □

Беседовал **Андрей КИСЕЛЕВ.**

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Личное мнение

**ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ
ГЕОМЕТРИЯ,
или**

ТАЙНА ТРЕУГОЛЬНИКОВ

**На нашей планете
есть места,
в которых происходят
удивительные
и загадочные явления:
по непонятным
причинам пропадают
люди, корабли,
самолеты...
Интересно, что самые
известные из них
носят название
геометрической
фигуры, знакомой нам
со школьной скамьи.
И хотя о них много
говорят и очень
хорошо знают, тайны,
заключенные в них, до
сих пор не разгаданы...**

ПОХИЩЕНИЯ ИНОПЛАНЕТЯН или ОБЫЧНЫЕ КРУШЕНИЯ?

1,5 миллиона квадратных миль между Пуэрто-Рико, Бермудскими островами и Флоридой издавна пользуются у мореплавателей дурной славой. Еще Христофор Колумб писал в дневнике, что видел на небе странное свечение, а компас вышел из строя и показывал куда угодно, только не на север.

После открытия Америки прошло немногим больше пятисот лет. За это время в Бермудском (или как его еще называют Дьявольском) треугольнике бесследно исчезли более тысячи кораблей и самолетов. Чаще всего со всеми находившимися на них людьми.

5 декабря 1945 года с аэродрома военно-морской базы в Форте Лодердейл поднялись в воздух пять бомбардировщиков-торпедоносцев. На базу «мстители» должны были вернуться примерно через два часа. Однако через полтора часа лейтенант Тейлор, старший 19-го звена, доложил о сбоях в работе приборов. «Кажется, мы сбились с курса... — слышали диспетчеры переговоры летчиков. — Мы не видим землю...

Мы не знаем, где запад... Ничего не получается... Даже океан какой-то другой...»

На поиски бомбардировщиков отправились три гидроплана. С одним из них связь прервалась, когда он подходил к району поисков. «Мартин маринер» исчез так же, как «мстители».

На следующий день были приняты крупномасштабные поиски, в которых участвовали более 300 самолетов и 20 судов. Следы гидроплана и бомбардировщиков найдены не были. Трагедия унесла жизни 27 человек. В результате расследования, проведенного министерством обороны, пришли к выводу, что гибель самолетов вызвана «необъяснимыми причинами», а один из членов комиссии даже сравнил исчезновение людей и самолетов с полетом на Марс.

Своим названием район обязан Винсенту Гаддису. В 1964 году в журнале «Аргосы» вышла его статья под громким заголовком «Смертельный Бермудский треугольник».

Однако главным популяризатором Бермудского треугольника счи-

5 декабря 1945 г. у берегов Флориды бесследно исчезли 5 американских бомбардировщиков - торпедоносцев.

тается Чарльз Берлиц. Суммарный тираж его книги, вышедшей в 1974 году, превысил 20 миллионов экземпляров. Именно благодаря Берлицу миллионы людей узнали о существовании Бермудского треугольника и поверили, что там действительно происходят загадочные явления. После рождения мифа его сторонники начали находить в архивах сведения и о более ранних исчезновениях. Так, например, в XIX веке в Бермудском треугольнике пропали, как минимум, 4 американских корабля и один британский военный.

В 1909 году в Бермудском треугольнике исчезла яхта «Спрей», управляемая Джошуа Слокамом, опытным моряком, первым совершившим одиночное кругосветное плавание.

В марте 1918 года «испарился» углевоз «Циклоп» с 309 членами экипажа и ценным грузом марганцевой руды, который шел из Барбадоса в Балтимор. Сигнал «SOS» с него так и не поступил.

В конце 1941 года в Бермудском треугольнике бесследно исчезли корабли такого же класса, что и

Главным популяризатором Бермудского треугольника считается Чарльз Берлиц. Именно благодаря ему миллионы людей узнали о существовании треугольника и поверили, что там действительно происходят загадочные явления

Чем только не пытались объяснить таинственные исчезновения: и искривлениями пространства, и ускорением времени, и черными дырами, и магнитными аномалиями. Конечно, говорили и о похищениях инопланетянами, о нападениях гигантских кальмаров и о множестве других не менее фантастических версиях

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известном

«Циклоп». И «Протей», и «Нерей» вышли с Виргинских островов, но до Майами так и не добрались.

В январе 1948-го пропал английский самолет «Стар тайгер», следовавший по маршруту Бермуды — Азорские острова, затем самолет «Стар Эриэл», также следовавший на Азоры. Связь с ними прервалась внезапно.

Много шума наделало исчезновение 28 декабря 1948 года «ДС-3» с 35 пассажирами, летевшего из Сан-Хуана в Майами. В 80 километрах от Майами летчик передал, что полет проходит нормально. После этого связь прервалась, а самолет пропал.

Таинственные исчезновения в Бермудском треугольнике можно перечислять очень долго. Как только не пытались их объяснять: и искривлениями пространства, и ускорением времени, и черными дырами, и магнитными аномалиями. Конечно, говорили о похищениях инопланетянами, о нападениях гигантских кальмаров и о множестве других не менее фантастических версиях.

Шумный хор сторонников Бермудского треугольника легко заглушал голоса скептиков, утверждавших, что этот район Мирового океана ничем не отличается от остальных.

Самый сильный удар по мифу Бермудского треугольника нанес Лоуренс Куше в книге «Загадка Бермудского треугольника разгадана». Он проверил десятки таинственных исчезновений и пришел к выводу, что подавляющее большинство, что называется, «притянуто за уши».

Если же учесть то обстоятельство, что это один из самых оживленных районов Мирового океана, то становится ясно, что в процентном отношении количество исчезновений в Бермудском треугольнике почти не превышает среднестатистическое.

Этого же мнения, кстати, придерживается и страховая компания «Ллойдс». Она боится суда, проходящие по Бермудскому треугольнику, по таким же расценкам, что и на остальных маршрутах.

Скептики приводят и научные объяснения. Наиболее убедительно

выглядит теория газового пузыря. Дело в том, что в этом районе обнаружены огромные залежи метана. Во время выбросов он создает вокруг корабля газовый пузырь. Метан легче воздуха и, растворяясь в воде, снижает ее плотность. Вода не может больше «держаться» судно, и оно камнем идет на дно. Метан искажает и показания альтиметров самолетов, анализирующих плотность воздуха. Ночью или в условиях плохой видимости они ошибочно показывают, что самолет резко набирает высоту. Летчик начинает снижаться и сталкивается с землей. К тому же метан «высасывает» из воздуха кислород, необходимый для сжигания топлива. Двигатели останавливаются, и самолет падает на землю.

Сейчас о Бермудском треугольнике говорят намного реже, чем тридцать лет назад. Но это не значит, что там больше никто не исчезает.

Одно из последних исчезновений произошло 29 июля 2002 года. В 5.35 утра с Багам вылетел самолет «пайпер ланс II» с шестью пассажирами на борту. Набрав заданную высоту, он взял курс на Флориду. Через 25 минут «пайпер» исчез с экранов радаров и вскоре упал в море.

Погода в тот день стояла отличная. Незадолго до трагического полета на самолете заменили двигатель и установили новые электронные приборы. Человеческий фактор тоже исключен — за штурвалом находился опытный летчик Крейг Хубер.

Что произошло с «пайпером», неизвестно. Бермудский треугольник продолжает хранить свои тайны.

СКАЗОЧНЫЙ СОБРАТ БЕРМУДСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

В самом центре Тихого океана, в месте с координатами: 20 град. 25 мин. 24 сек. сев. широты и 136 град. 5 мин. 14 сек. вост. долготы, в прошлом году под водой были обнаружены четыре предмета. Три — в форме дисков диаметром приблизительно

18 метров, четвертый — прямоугольника. Найденные при помощи спутника предметы имеют явно искусственную природу. Они сделаны или руками людей, или каких-то других мыслящих существ, то есть являются затонувшими НЛО.

Находка Дэна Гогина, 40-летнего адвоката, который, по иронии судьбы, в НЛО и пришельцев не верит и полагает, что это какая-то затонувшая баржа с ракетами, вновь привлекла внимание к так называемому Драконовому треугольнику.

Треугольники бывают разные. Один из самых известных — Бермудский, о таинственных исчезновениях в котором не писал только ленивый. Гораздо менее известно то, что на другом конце света существует свой треугольник. Он очень похож на Бермудский, и в нем так же, как в западном полушарии, происходят точно такие же таинственные события. Драконов треугольник, именно так называется это место Тихого океана, находится между Японией, острова Бонин и Гуагом и Тайванем.

Между обоими треугольниками так много общего, что их можно, пожалуй, назвать близнецами-братьями. И в Бермудском, и в Драконовом треугольниках загадочно пропадают суда и самолеты, гораздо чаще, чем в других местах, происходят сбои в работе приборов связи и навигации, нередко встречаются корабли-призраки, плавающие без экипажа.

Оба треугольника расположены примерно на одинаковом удалении от экватора, хотя и в разных полушариях, в восточном углу своих континентов: Америки и Азии, соответственно. Рельеф дна в этих районах неровный, он меняется от мелководья до одних из самых глубоководных впадин в Мировом океане.

Похожи в Бермудском и Драконовом треугольниках и погодные условия. В этих краях часто бывают внезапные густые туманы, непонятно откуда возникают гигантские волны и мощные водовороты, засасывающие все, что находится в радиусе нескольких километров, происходят

подводные землетрясения и налетают ураганы, которые почему-то за границы треугольников не выходят.

Оба треугольника отличаются высокой геологической активностью. Особенно переменчив рельеф дна в Драконовом треугольнике. Острова здесь возникают и исчезают за считанные часы, а порой даже и минуты. В старинных рукописях можно найти многочисленные упоминания о клочках суши, нанесенных на карту опытными мореходами, которые позже уходили под воду.

Еще одна общая черта — наличие так называемых агонических линий, то есть линий нулевого магнитного склонения. Главные агонические линии западного и восточного полушарий проходят именно через Бермудский и Драконов треугольники. Это обстоятельство, возможно, объясняет нередкие сбои в работе навигационных приборов.

Японцам и китайцам крутой нрав Драконова треугольника известен не одну тысячу лет. В Поднебесной, к примеру, эти места в старину называли Западным морем, а в Японии — морем Дьявола.

Древние летописцы писали о разъяренных драконах, которые даже в безветренные дни нагоняют высокие волны. Они поднимаются на поверхность из морских глубин, хватают корабли с несчастными мореплавателями и уносят их в свои подводные дворцы. Особой популярностью у китайцев три тысячи лет назад пользовался царь драконов Ли-Лунь, дворец которого украшали сокровища с потопленных им кораблей.

Специалисты полагают, что со времен Второй мировой войны в этих краях бесследно исчезли 1,5 тысячи судов и сотни самолетов. Несмотря на частые сообщения в японской прессе об исчезновениях в Драконовом треугольнике, новости о существовании аналога Бермудского треугольника крайне редко попадали в западные газеты и на новостные ленты информагентств.

В пятидесятые годы из-за большого количества пропавших кораблей

На другом конце света существует свой треугольник, и на нем так же происходят таинственные события. Драконов треугольник — место Тихого океана, находящееся между Японией и Тайванем

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известном

Из-за большого количества пропавших кораблей японское правительство объявило Драконов треугольник опасной для мореходства зоной. В 1952 году при полном штиле бесследно исчезло научно-исследовательское судно «Кайо Мару 5» с 22 членами экипажа и 9 учеными

японское правительство объявило Драконов треугольник опасной для мореходства зоной, а в 1952 году направило сюда научно-исследовательское судно «Кайо Мару 5». 24 сентября 1952 года при полном штиле оно бесследно исчезло вместе с 22 членами экипажа и 9 учеными.

Среди пропавших в этих водах кораблей, утверждает Чарльз Берлиц в книге «Драконов треугольник», танкеры водоизмещением более 200 тысяч тонн, японские и американские военные корабли и даже советские подводные лодки. Берлиц полагает, что одной из жертв Драконова треугольника могла быть и знаменитая американская летчица Амелия Эрхарт. По просьбе американской разведки, она отклонилась на север от маршрута кругосветного перелета, чтобы сфотографировать военные объекты.

В стародавние времена таинственные события, происходившие в Драконовом треугольнике, объясняли вмешательством богов, демонов и прочей нечисти. Но и сегодня, в 21 веке, судьба пропавших кораблей, самолетов и их экипажей по-прежнему остается неразгаданной загадкой. Сейчас порой тоже можно услышать жуткие истории о встречах с кораблями-призраками и загадочных огнях и свечениях.

Версий, как и в случае с Бермудским треугольником, выдвигалось великое множество. Это и похищения инопланетянами, и попадание в черные дыры, и уход в другие измерения, в другое время или параллельные вселенные. Немало говорили и о разрушительных природных явлениях, электромагнитных и атмосферных возмущениях, засекреченных военных экспериментах, о похищениях «враждебными силами»...

Наиболее убедительной сейчас выглядит, пожалуй, теория газового метанового пузыря. Кстати, метан можно по праву назвать газом-убийцей. Однажды, 251 миллион лет назад, он едва не уничтожил всю жизнь на нашей планете. Тогда на поверхность морей и океанов в результате, возможно, какого-то ги-

гантского подводного оползня, вырвались тысячи гигантских метановых пузырей.

В результате резкого снижения содержания кислорода в воде исчезли 95 процентов всех морских обитателей. На полное устранение последствий той катастрофы понадобилось, по подсчетам ученых, от 20 до 30 миллионов лет.

Каким бы ни было объяснение, Драконов треугольник наряду с Бермудским до сих пор остаются одной из самых больших загадок на нашей планете. Кто знает, может, все же правы были древние, когда говорили о спящем драконе...

Три года назад на северо-востоке США, в расположенном в штате Вермонт городке Беннингтон, отмечали необычный праздник. Горожане праздновали 55 годовщину прекращения таинственных исчезновений, которые держали эти места в страхе три десятилетия и принесли им название Беннингтонского треугольника.

Последней 28 октября 1950 года пропала 20-летняя Фрида Лангер. В тот погожий осенний день в небе светило яркое солнце, но в воздухе уже чувствовалось приближение зимы. Переночевав в лагере, Фрида и ее двоюродная сестра Клер собрали палатку и двинулись по лесной тропе к горе Глэстонбери. Фрида шла первой, за ней, в двух-трех метрах, следовала Клер. Настроение у сестер было прекрасным, они шли и обсуждали свое будущее. Фрида Лангер исчезла в тот самый момент, когда рассказывала, кем хочет стать после окончания колледжа. Девушка неожиданно замолчала на полуслове и, по словам Клер, «растворилась в воздухе».

После обеда приехали спасатели и полиция. Они обыскали каждый квадратный сантиметр леса, по которому проходили девушки, но следов Фриды не нашли. Через семь месяцев тело девушки было найдено в том же лесу, на той же тропе и на том самом месте, где она исчезла. Вскрытие не обнаружило причину смерти. Тело даже не начало разлагаться, как буд-

то она скончалась от разрыва сердца, увидев что-то очень страшное.

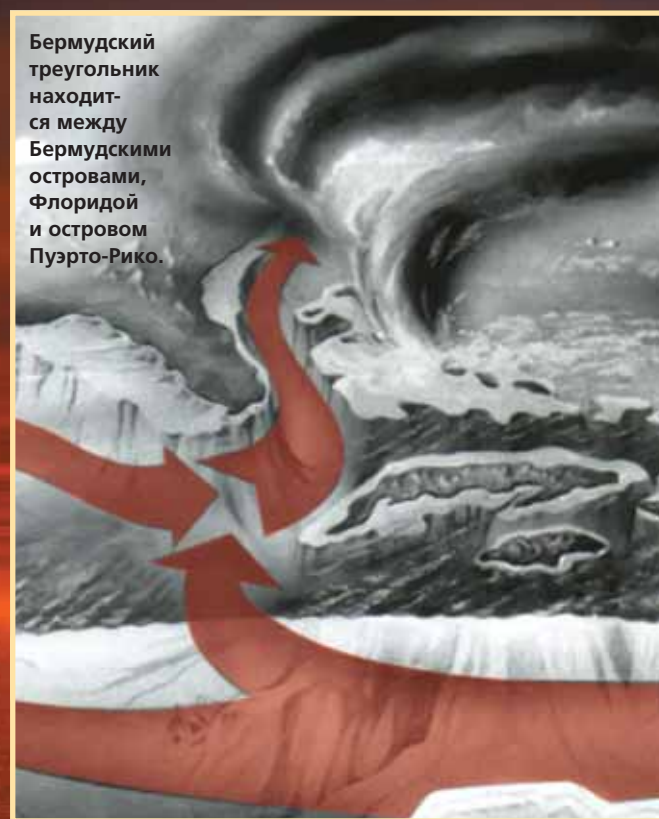
Фрида Лангер все же вернулась обратно неизвестно откуда, пусть и мертвая. А подавляющее большинство других жертв Беннингтонского треугольника, несмотря на все усилия властей, родственников и друзей, так и не было найдено. Всего в этих краях, на юго-западе штата Вермонт, бесследно исчезли несколько десятков человек. Беннингтонцы пропадали в своих садах, на улицах, бензозаправках, в кроватях, каменных домах и бревенчатых хижинах.

12 ноября 1945 года 74-летний Миди Риверс, отлично знавший леса, повел в горы четверых охотников. На обратном пути он поспешил вперед, чтобы развести костер в лагере. Больше его никто не видел. Несмотря на тщательные поиски, найти удалось лишь один-единственный патрон. Полиция предположила, что старик опустился на колени, чтобы напиться из ручья, и пуля выпала из кармана.

Большой переполох вызвало исчезновение бывшего солдата Джеймса Тетфорда. Тетфорд был убежденным материалистом и всегда смеялся над «чертовщиной» и исчезновениями. Узнать, изменил ли он свое отношение к жизни, к сожалению, не удалось. Он пропал 1 декабря 1949 года на глазах у 14 свидетелей прямо из автобуса, следовавшего из Олбани в Беннингтон.

Все пассажиры видели, как Джеймс занял свое место. Сразу после того, как автобус выехал с вокзала, он задремал. Однако, когда спустя час автобус, кстати, ни разу не остановившийся по пути, приехал в Беннингтон, вместо 15 пассажиров в нем оказалось 14. Сумка Тетфорда лежала на полке над сиденьем, а на соседнем месте лежало раскрытое расписание движения автобусов, которое он просматривал перед тем, как уснуть.

Самой юной жертвой Беннингтонского треугольника является восьмилетний Пол Джепсон, исчезнувший за 16 дней до Фриды Лангер. В День Колумба, 12 октября 1950 года, мальчик

Бермудский треугольник находится между Бермудскими островами, Флоридой и островом Пуэрто-Рико.

в ярко-красной куртке, видной издали, играл на родительской ферме рядом со свинарником. Его мать отправилась поить свиней. Через 2—3 минуты она вышла из свинарника, но сына уже не было. Отец вспомнил, что за несколько дней до исчезновения Пол говорил, что хочет пойти в горы. Пола Джепсона несколько дней искали сотни полицейских, спасателей и добровольцев, но поиски закончились безрезультатно. В здешних краях до сих пор говорят, что ищейки, шедшие по его следу, дошли до места, где за несколько лет до этого исчезла студентка Пола Велден.

Густые леса на юго-западе Вермонта испокон веков пользовались славой опасного и таинственного места. Люди исчезали здесь с незапамятных времен. Индейцы, жившие в Вермонте до появления европейцев, называли леса вокруг горы Глэстонбери

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известном

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известном

«проклятой землей». Они использовали их только как кладбище и старались обходить стороной. По индейским преданиям, здесь встречаются все четыре ветра, в результате чего и происходят всякие непонятные события, в том числе и исчезновения местных жителей. Беннингтонцы до сих пор верят, что где-то в лесах вокруг города лежат большие волшебные валуны, проходя мимо которых можно раствориться в воздухе.

Первые белые поселенцы рассказывали о странных огнях над горой, непонятных запахах и странных звуках. Говорили, что в здешних болотах живут чудовища. Охотники время от времени якобы видели огромное существо, поросшее густой шерстью и напоминающее «бигфута». Однажды, по местной легенде, оно даже набросилось на почтовую карету и перевернуло ее.

Загадочные исчезновения людей, подобные тем, что происходили в американском Беннингтоне еще 55 лет назад, не редкость. В XVIII веке в Англии много говорили об исчезновении бывшего моряка Оуэна Парфитта. Много поездив по свету и побывав в разных приключениях, в том числе и в плену у пиратов, Оуэн сильно заболел и в середине века вернулся домой в Шептон Маллет практически полностью парализованный. Все время он проводил в кресле на крыльце дома старшей сестры Сусанны и рассказывал о своих приключениях всем, кто соглашался слушать его.

Вечером 7 июня 1763 года Парфитт как всегда отдыхал на крыльце. Он сидел в ночной рубашке в кресле на сложенной шинели и наблюдал за рабочими, собиравшими сено на ферме Джозефа Джорджа, которая была расположена напротив дома Сусанны. Вечером ждали грозу, поэтому батраки торопились закончить работу до дождя.

Когда небо заволокли тучи и на горизонте засверкали молнии, Сусанна отправилась за соседкой, которая помогала ей отвести брата в дом. Женщины пришли за Оуэном, но не нашли его. На кресле осталась только шинель. Батраки не замети-

ли ничего необычного. Долгие поиски закончились безрезультатно.

Британский дипломат Бенджамен Бэтхарст исчез в 1809 году, возвращаясь домой после выполнения важного задания при австрийском дворе. По дороге Бэтхарст с приятелем остановились поужинать на постоялом дворе в немецкой деревушке Перельберг. После ужина они вернулись к карете, собираясь продолжить путь. Прежде чем сесть в экипаж, дипломат решил осмотреть лошадей и буквально растворился в воздухе, когда гладил одну из лошадей, запряженных в карету.

В 1975 году Джексон Райт ехал с женой из Нью-Джерси в Нью-Йорк. Проехав тоннель Линкольна, Райт заметил, что стекла «форда» неожиданно запотели. Он съехал на обочину, остановился и попросил жену протереть лобовое и заднее стекло. Марта Райт вышла из машины с тряпкой, подошла к лобовому стеклу и... пропала. Джексон тут же заявил в полицию, но поиски миссис Райт ничего не дали. Она исчезла, не оставив никаких следов.

Самый, пожалуй, известный случай внезапного исчезновения произошел в 1880 году в Америке на окраине городка Галлатин, штат Теннесси, на ферме Дэвида Лэнга.

Фермер Лэнг пропал 25 сентября 1880 года. Его дети, 8-летний Джордж и 11-летняя Сара, в момент исчезновения играли во дворе. Помыв после обеда посуду, Дэвид и Эмма Лэнги вышли из дома. Эмма подошла к детям, а Лэнг отправился к лошадям, пасшимся на лугу перед домом. Отойдя от дома на несколько десятков метров, он заметил двуколку, на которой к нему в гости ехал его хороший друг, судья Гест Пек, со своим зятем. Судью заметили и остальные Лэнги. Джордж и Сара, которым Пек всегда привозил подарки, радостно закричали и начали махать ему руками. Дэвид тоже помахал другу и, так и не дойдя до лошадей, торопливо направился назад к дому, чтобы встретить гостей.

Пройдя несколько метров, Дэвид Лэнг растворился в воздухе на гла-

зах пяти свидетелей. Эмма громко вскрикнула, испугавшись, что он провалился в скрытую яму. Она с судьей, его зятем и детьми обыскали все поле и, конечно же, особенно то место, где исчез муж, но никаких следов и ям не нашли. Ничего не дали и поиски, в которых участвовали около сотни соседей Лэнгов и горожан, — Дэвид бесследно исчез.

Об этом таинственном исчезновении больше ста лет назад писали все американские газеты. Версий выдвигалось великое множество, но ни одна из них не могла объяснить, что на самом деле произошло с фермером.

Порой пропадают не только отдельные люди, а целые группы. К примеру, в 1915 году во время известного сражения Первой мировой войны за турецкий полуостров Галлиполи трое новозеландских солдат оказались свидетелями исчезновения... целого батальона армии Его величества.

На их глазах несколько сотен британских солдат, весь батальон Королевского Норфолкского полка в полном составе вместе с командиром, начали подниматься на низкий холм в Сувла Бей. День был пасмурным, низко над землей нависли свинцовые тучи. В одну из них, закрывавшую вершину холма, на которой британским солдатам предстояло окопаться, они и вошли. После того, как последний человек скрылся в облаке, оно медленно поднялось над холмом и присоединилось к другим тучам. На голом холме, где не было естественных укрытий, не оказалось ни одного человека.

После войны британское правительство, считавшее, что батальон попал в плен к туркам, потребовало выдачи своих солдат. Однако турецкие власти никакого отношения к исчезновению британцев не имели.

Осенью 1930 года исчезла целая деревня с двумя тысячами жителей. Охотник за пушными зверьями по имени Джо Лабелл пробираясь в снегоступах к эскимосской деревне, расположенной на берегу канадского озера Анжикунни.

Лабелл хорошо знал эти места и не раз бывал в деревне. Однако в этот раз его никто не встречал, деревня будто вымерла. Все постройки и дома были пусты, в одном на догоравшем костре висел котелок с похлебкой.

Власти, получив сообщение о пустой деревне, немедленно начали расследование, но найти эскимосов так и не удалось. Около деревни не было ни одного следа, в домах оказалось много пушнины, вяленой рыбы и другой еды. Помимо исчезновения людей, полицейские обратили внимание еще на одну странную деталь. Могилы на кладбище эскимосов... тоже оказались пусты.

Треть века назад групповое исчезновение произошло в самом, пожалуй, таинственном на туманном Альбионе месте — Стоунхендже. В 1971 году доисторический каменный монумент еще не охранялся государством, доступ к нему был открыт и днем, и ночью. Семеро хиппи, кочевавших по Англии, решили заночевать среди каменных исполинов. Они поставили палатки, развели в самом центре круга костер, потом забили несколько «косяков» и начали петь песни.

Ночные посиделки оборвали около двух часов ночи глухие раскаты грома. Над равниной Солсбери быстро собиралась гроза, темноту прорезали яркие вспышки молний.

То, что произошло в ту ночь, известно со слов двух свидетелей, фермера и полицейского, проезжавших мимо Стоунхенджа. Огромные камни неожиданно осветились голубым светом. Свет был таким ярким, что резал глаза.

Услышав крики туристов, фермер с полицейским решили, что в кого-то из туристов ударила молния и бросились к монументу. К своему огромному удивлению, они увидели, что внутри никого нет.

Версий и гипотез по поводу загадочных мест на земном шаре, связанных с необъяснимыми исчезновениями, множество, но тайна их, вероятно, еще долго будет оставаться тайной... □

Порой пропадают не только отдельные люди, а целые группы. К примеру, во время известного сражения Первой мировой войны за турецкий полуостров Галлиполи трое солдат оказались свидетелями исчезновения... целого батальона армии Его величества

Сейчас наиболее убедительной выглядит, пожалуй, теория газового пузыря. Метан по праву можно назвать газом-убийцей. 251 миллион лет назад он едва не уничтожил всю жизнь на нашей планете

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известном

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Неизвестное об известном

Самый сановитый

Вельможа

Он был красавцем, сибаритом, «самым сановитым вельможей империи». Неподкупный дипломат и добрейшей души человек. Его любили женщины и уважали враги. Он мечтал о конституции и власти гуманного Закона. Ближайший советник Екатерины Великой определял внешнюю политику золотого века нашей истории.

«Когда хочешь рассуждений и хороших общих принципов, нужно советоваться с Паниным, но отнюдь не в делах частных, ибо тут он начинает увлекаться, и так как он очень упрям, то он только введет вас в заблуждение. Его доля — дела иностранные»

Екатерина II

Время приближалось к полуночи. В Зимнем дворце царила тишина. Как ни старался воспитатель цесаревича осторожно пройти в покои подопечного, лакей, заснувший у дверей учительской, расслышал шаги.

— Если кто спрашивать станет — буди немедленно, — приказал Панин, прервав оправдания заспанного слуги.

Никита Иванович стоял у изголовья спавшего наследника престола. «А, действительно ли, вы, ваше высочество, наследник? — грустно размышлял он, разглядывая лицо ребенка. — Государь открыто отрицает свое отцовство, а стало быть... На днях он прилюдно заявил, что упечет Екатерину и ее сына в казематы. Как там государыня? Удастся ли Орлову привести ее в Петербург? Что станется с Павлом, коли императрицу схватят голштинцы?.. Господи, спаси и сохрани сие невинное дитя!.. Вон, как тревожно почивает, будто чувствует, что грядущий день явится судьбоносным. Только неведомо, как фортуна-то распорядится».

Этот вечер Никита Иванович коротал у своей любимицы княгини Дашковой. Панин относился к Екатерине Романовне чрезвычайно заботливо, прощая ей любые эксцентричные выходки. Одни полагали, что он безумно влюблен в нее, другие же судачили, будто княгиня — его дочь, ибо некогда Панин был близок с ее матерью, известной в свое время красавицей.

Именно в доме Дашковой застала Никиту Ивановича дурная весть: капитан Преображенского полка Пасек арестован за государственное преступление — укрывательство бунтовщиков. Тревожась за мальчика, над головой которого сгустились тучи, Панин поспешил во дворец. Кто может и должен защитить цесаревича? Только он! Ему покойная императрица доверила наследника престола, и он выполнит свой долг. Сколько надежд связано с этим мальчиком! Ему предначертано изменить Россию, и Панин укажет путь реформ. Ведь ради великой цели — воспитание до-

стойного императора — он отказался от должности вице-канцлера.

Скрипнувшая дверь заставила Панина вздрогнуть.

— Ваше превосходительство, — испуганно прошептал лакей, — к вам господин офицер, кажись, Орловым назвались, требует немедля разбудить.

Панин перекрестился, тяжело вздыхая, подошел к постели цесаревича. Тот спал спокойно, что-то шептал, хмурился. Воспитатель осторожно погладил его по волосам.

— Вставайте, ваше высочество, нынче нам предстоит трудный день...

Дипломат

Панин родился в 1718 году в Данциге, где служил его отец по комиссариатскому ведомству. Для Никиты Ивановича весьма символично, что он родился в год смерти Карла Великого — короля Швеции. В этой стране он прослужит 12 лет, и здесь проникнется симпатиями к конституционному строю.

Детство Панина прошло в Пернове, куда его отца перевели комендантом. Иван Васильевич, как истинный человек Петровской эпохи, всецело посвятил себя военной службе, дослужился до генерал-поручика, но богатства не нажил. Правда, детям своим (а их было четверо) он сумел дать прекрасное по тому времени образование. Типичным оказался и брак Панина: незнатный, но преданный и толковый дворянин стал мужем племянницы светлейшего князя Меншикова. Аграфена Васильевна и ее чада всегда были желанными гостями в доме Александра Даниловича.

Никита Иванович пошел по стопам отца: службу свою начал в конной гвардии при императрице Анне Иоанновне. Но военная карьера неожиданно прервалась при Елизавете Петровне, которая обратила свой взор на красивого и обаятельного офицера. Разумовский с Шуваловым забили тревогу, поспешили избавиться от опасного соперника: отправить по-

Никита Иванович пошел по стопам отца: службу свою начал в конной гвардии при императрице Анне Иоанновне. Но военная карьера неожиданно прервалась при Елизавете Петровне, которая обратила свой взор на красивого и обаятельного офицера

Постигая дипломатическое искусство с азов, Никита Иванович был осторожен, гибок и терпелив, но в то же время настойчив в достижении цели. Соперничество с маститыми дипломатами заставляло его напряженно работать

дальше от августейших глаз. Их стараниями Панин назначается послом в Данию. Эта история сделала Никиту Ивановича врагом фаворитизма и, в частности, братьев Шуваловых.

Через несколько месяцев шведский король потребовал отозвать русского посланника Корфа, бесцеремонно вмешавшегося во внутренние дела его государства. И тут умный, хитрый, искусный в политических интригах великий канцлер Бестужев вверх дипломатический мир в шок: он заменил Корфа совершенно неопытным Паниным.

Постигая дипломатическое искусство с азов, Никита Иванович был осторожен, гибок и терпелив, но в то же время настойчив в достижении цели. Соперничество с маститыми дипломатами заставляло его напряженно работать. Прежде всего он взялся за организацию сети тайных осведомителей, поскольку обязан был снабжать свое правительство достоверной информацией, а Россия щедро выделяла деньги на подкуп. Для конспиративных встреч с агентами русский посол выезжал «поохотиться в лес близ столицы».

Панин блестяще справлялся со своими обязанностями, но его дипломатическая деятельность осложнялась придворными интригами в России. Покровительство Бестужева обеспечило Панину могущественного врага — графа Воронцова. Канцлер был доволен деятельностью Панина, но не раз сообщал в письмах, что она возбуждает «злостных критиков». Никита Иванович, убежденный, что в Коллегии иностранных дел «твердо решились искоренить его», писал Бестужеву, что счел бы себя счастливым, «если б представился случай честною смертью избавиться себя от всего».

Воронцову и братьям Шуваловым удалось одолеть Бестужева, и некогда всемогущий канцлер отправился в ссылку. Помощи от нового руководства ожидать не приходилось, и Панина спасла все та же придворная война. Граф Михаил Илларионович Воронцов, став канцлером, насмерть

схватился с недавними союзниками и отправлял в отставку шуваловских ставленников. В 1760 году Иван Иванович Шувалов метил на место воспитателя наследника престола. Воронцов, прекрасно зная, что Никита Иванович терпеть не может Шуваловых, выдвинул на эту должность его. Елизавета приказала срочно отозвать Панина из Швеции.

Воспитатель

Столь неожиданное и ответственное назначение обрадовало Никиту Ивановича. Ему было чему научить будущего императора. Елизавета Петровна дала Панину большие права: он мог на свое усмотрение составлять программу обучения, подбирать учителей и даже определять круг лиц, допускавшихся к особе великого князя.

В июне 1760 года Никита Иванович в сопровождении Ивана Шувалова и канцлера Воронцова отправился к своему воспитаннику. Маленький щуплый цесаревич сидел за столом в окружении многочисленных мамушек да нянюшек и настороженно глядел на вошедших.

— Ваше высочество, позвольте представить вам Никиту Ивановича. Отныне он будет у вас обер-гофмейстером.

Реакция мальчика на представление оказалась неожиданной: он со страхом посмотрел на Воронцова, затем на Панина и громко зарыдал. Позже выяснилось, что нянюшки пугали им маленького Павла. Говорили, что новый воспитатель — угрюмый старик, и как придет, так добрых женщин прогонит, да все веселости запретит. Но вскоре Панину удалось завоевать расположение своего воспитанника, и они стали добрыми друзьями. Павел оказался ребенком веселым, бойким, сообразительным, правда, чрезмерно впечатлительным. Никита Иванович искренне привязался к нему и с удовольствием исполнял свои обязанности.

Всесторонне образованный Панин составил насыщенный и разнообраз-

ный «План воспитания». Он выдвинул на первый план изучение истории, отмечая при этом, что следует обратить внимание «предпочтительно на свое Отечество». Никита Иванович подчеркивал необходимость «добротоу изучения нашего языка, успехом которого сильно содействовали Ломоносов и Сумароков», и советовал «блюсти за чистотой слова».

Вернувшись в Петербург, Панин сразу же встал на сторону Екатерины. Воспитатель наследника и его мать общались почти ежедневно. Вступление на престол Петра III, которого Панин терпеть не мог, еще более сблизило его с Екатериной Алексеевной.

Новый император, хотя и оставил Никиту Ивановича воспитателем Павла, но не доверял ему. Панину грозила опасность вернуться в Швецию, где ему предстояло совместно с прусским посланником хлопотать о восстановлении самодержавия, против чего он сам же боролся всеми средствами. А пока государь его лишь награждал: пожаловал чином действительного тайного советника и орденом св. Андрея Первозванного. Об очередном возвышении Панину сообщил генерал-прокурор Мельгунов. Известие совершенно обескуражило его.

— Никита Иванович, государь жалует вас в генералы от инфантерии.

— Алексей Петрович, если мне не удастся уклониться от этой чести, которой я не достоин, то я немедленно удаляюсь в Швецию.

Недипломатичный ответ дипломата в свою очередь несказанно удивил Петра Федоровича.

— Я всегда думал, что Панин — умный человек, но с этих пор я так думать не буду.

Император перестал считать Никиту Ивановича умным человеком, а императрица, напротив, окончательно сдружилась с ним.

Никита Иванович чрезвычайно располагал к себе людей, поэтому у него было много друзей и мало врагов. Он резко выделялся среди придворных своей сдержанностью, гордостью, честностью и добротой, за

что его уважали даже враги. Если прибавить к этому красивую внешность и умение изысканно одеваться, то станет понятным, почему Панин слыл «самым сановитым вельможей империи». За двенадцать лет дипломатической службы Никита Иванович стал блестящим знатоком европейской культуры. Таких людей в России было мало, а Екатерине этого, ох, как не хватало.

По вечерам, за картами, Екатерина и Панин обсуждали текущие события и неотвратимость перемен в России. Екатерина мечтала о демократических преобразованиях и свободе, Панин же — об уничтожении произвола и устранении самой возможности влияния фаворитизма. Он мечтал о такой «твердой форме правительств», при которой Сенат в своих решениях руководствовался бы исключительно законом, а не прихотью «припадочных людей», и государство управлялось бы «не изволением лиц, а властью мест государственных».

— Первое, что необходимо сделать, — вещал Панин, — это установить в стране власть закона. Пусть каждый подданный империи вне зависимости от его богатства или сословной принадлежности твердо знает свои права и обязанности. И никто, даже монарх, не будет вправе переступить через закон. Далее, необходимо преобразовать систему государственного управления и подчинить ее идее законности. Затем надо обратить внимание на увеличение внутреннего богатства страны, развитие коммерции, промышленности, земледелия.

Был у них и общий кумир — Петр Великий. Оба считали себя его духовными наследниками и продолжателями начатого им дела.

— История России начиналась с петровских преобразований, — говорил Никита Иванович, — а все, что было прежде, — это века непроглядной тьмы и дикого варварства. Но и сегодня в Европе еще многому можно было поучиться.

Сам Панин, находясь послом в Швеции, не преминул воспользовать-

Елизавета Петровна дала Панину большие права: он мог на свое усмотрение составлять программу обучения, подбирать учителей и даже определять круг лиц, допускавшихся к особе великого князя

Никита Иванович чрезвычайно располагал к себе людей, поэтому у него было много друзей и мало врагов. Он резко выделялся среди придворных своей сдержанностью, гордостью, честностью и добротой, за что его уважали даже враги

ся этой возможностью. Он посещает мастерские и мануфактуры, подолгу беседует с токарями, кузнецами, ткачами. Никита Иванович выучился многим ремеслам, считая, что и такое «не весьма важное любопытство свою пользу и еще немалую пользу приносит». Он интересовался всем — от медицины до истории театра. Панин часто бывал в гостях у шведского физика Либеркина, общался с первым президентом Академии наук знаменитым Карлом Линнеем, астрономом и физиком Андерсем Цельсием, разработавшим температурную шкалу, принятую большинством стран мира. Здесь же, в Стокгольме, творил выдающийся ученый и философ Эммануэль Сведенборг. Из Швеции Панин вернулся человеком обширных знаний и оригинального мировоззрения, что и располагало к нему Екатерину.

28 июня 1762 года на престол взошла Екатерина II. Треволнения — позади, правда, план самого Панина провалился: он желал, чтобы Павел стал самодержавным императором, а его мать — регентом. Да что поделать. Императрица знала о стремлении воспитателя, и, тем не менее, не удалила его, а сделала своим ближайшим советником по внешнеполитическим вопросам, а позже Никита Иванович возглавил Коллегию иностранных дел.

Один из их современников, анализируя положение дел в России, пришел к парадоксальному выводу: «Русское государство имеет перед другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самим Богом — иначе невозможно объяснить себе, каким образом оно может существовать».

О том, как исправить положение, думали многие. Размышлял об этом и Панин, который считал, что возможности обширного и еще слабо заселенного государства неисчерпаемы. Но для того, чтобы их использовать, нужна твердая рука правительства, способная направить, поддерживать, оградить от внешнего вмешательства и предостеречь от оши-

бок. В помощи нуждались все: и дворянство, разоряющееся от праздности и косности, и бессильное купечество, опутанное цепями бессмысленных запретов и ограничений, и крестьянство, изнемогающее под гнетом жестоких и корыстолюбивых помещиков. Поэтому главные усилия правительство должно направить на дела внутренние.

Некоторые меры необходимо принять безотлагательно. Следовало позаботиться о скорейшем развитии торговли, поощрять купцов, строить дороги, осваивать речные пути, создавать банки. В торговле с другими странами необходимо установить защитительные таможенные тарифы, стимулировать вывоз, а также ограничить ввоз, прежде всего предметов роскоши.

Панин считал, что внешняя политика — это лишь средство для достижения других, более важных целей государства. Она должна обеспечить благоприятные условия для внутреннего развития страны. Во внешней политике надо руководствоваться двумя главными правилами: избегать войн, в особенности наступательных, и, по возможности, не вмешиваться в споры между другими государствами.

Возглавляя Коллегию иностранных дел, Никита Иванович пытался создать систему «Северного Союза» или «Северного Аккорда», которой хотел сплотить вокруг России все северные державы для противодействия Бурбонской и Габсбургской династиям. Однако интересы этих государств зачастую не совпадали, и соединить воедино противоположные стремления дипломату не удалось.

Заключение союза с Пруссией дало России возможность расширить свое влияние в Польше, и Панин не желал делить это влияние, а тем более ее территорию. Он способствовал возведению на престол Станислава Понятовского, энергично поддерживал диссидентов... Но, желая сделать Речь Посполитую союзницей России, Панин не предусмотрел тех осложнений, которыми грозило вмешатель-

ство во внутренние дела этой страны. Увлечшись идеей создания «Северного Аккорда», Никита Иванович совершенно не был подготовлен к вспыхнувшей в 1768 году войне с Турцией, что отразилось на его положении.

Панина обвиняли во всех неудачах, в разрыве с Турцией, в том, что Россия осталась в этой борьбе без союзников. С другой стороны, русско-турецкой войной воспользовался Фридрих II, который довел до логического конца проект разделения Польши между Пруссией, Австрией и Россией. Первые две страны получили лучшие части даром, что чрезвычайно усилило Пруссию.

— Люди, составлявшие отдельный договор, заслуживают смертной казни, — резко выразил упрек в адрес Панина граф Орлов.

Эти неудачи, изменение курса внешней политики, которому противился Никита Иванович, постоянная оппозиция к императрице привели к отставке. Чтобы изолировать великого князя от Панина, Екатерина решила женить сына. Отныне воспитатель наследнику престола не нужен. Однако Никита Иванович сумел сохранить свое влияние на любимого воспитанника.

В сентябре 1781 года великокняжеская чета отправилась в путешествие по Европе. Как же Панин ждал возвращения Павла! Здоровье его пошатнулось, а ему столько всего еще необходимо сказать будущему государю. Наконец, прошел год. В ноябре Павел Петрович и Мария Федоровна вернулись в Россию и сразу же навестили больного Панина.

Великий князь был в ударе. Радясь возвращению на Родину и свиданию с наставником, он беспрестанно шутил, пародировал иностранных министров и монархов, а счастливый наставник хохотал до колик.

— Ваше высочество, смилюйтесь, — взмолился Панин, — возьмите серьезный тон, сил больше нет смеяться.

День проходил за днем, месяц за месяцем, а Павел словно забыл о существовании старика, даже не справлялся о его самочувствии. Силы «са-

мого сановитого вельможи империи» таяли. Он перестал сердиться и обижаться на своего воспитанника, видно, занят тот очень.

Никита Иванович угасал, но, когда ему становилось лучше, приглашал к себе верного друга и помощника — Фонвизина. Денис Иванович под диктовку записывал все, что не успел сказать старый дипломат цесаревичу.

Давно Панин не чувствовал себя так хорошо, как 29 марта 1783 года. Сидя у окна, он долго любовался на бегущую Неву, вспоминал прожитую жизнь. Вечером он и вовсе стал самым счастливым человеком — Павел приехал!

И снова — шутки, рассказы и смех...

Через сутки Никиту Ивановича хватил удар. Примчавшийся Павел не успел проститься с наставником, тот был без сознания. Но на столе лежал листок, исписанный рукой Фонвизина, — политическое завещание Панина наследнику престола.

«Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Государь не может равным образом озаменовывать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как поставя в государстве правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам. Он должен знать, что нация, жертвуя частью, естественно, своей вольности, вручила свое благо его попечению, его правосудию, его достоинству, что он отвечает за поведение тех, кому вручает дела правления, и что, следовательно, их преступления, им терпимые, становаются его преступлениями...»

Утром 31 марта 1783 года Никита Иванович Панин скончался, не приходя в сознание, на руках своего царственного воспитанника. Упокоился самый сановитый вельможа в Александрово-Невской лавре.

Павел Петрович, став императором, увековечил свою признательность наставнику, воздвигнув ему памятник в церкви Святой Магдалены в Павловске. □

Примчавшийся Павел не успел проститься с наставником, тот был без сознания. На его столе лежал листок, написанный рукой Фонвизина, — политическое завещание Панина наследнику престола

MATERIA PRIMA

«Вечность и покой»

Год выхода: **2008**
 Жанр: **классический**
 «тяжелая»

Страна: **Россия**
 Лейбл: **CD-Maximum**

Репетиция — дело затяжное, особенно, если длится чуть ли не десять лет. Спасибо «арийцу» Виталию Дубинину, погнавшему парней в студию на запись своих нетленок. Дело постоянно затягивалось из-за перманентной недоукомплектованности состава, ибо проект по большей части является побочным от основных деятельности музыкантов. Пробелы легко заполнились приглашенными корифеями отечественной металл-сцены. Создателям альбома помогли коллеги из «Кипелова», «Арии», «Легиона», «Тризна», «Фактора Страха». На поверку выходит очередной состав из легенд и титанов. Но, к сожалению, чуда не происходит. Хотя парни и не стремились никого удивить — они просто осуществили свою давнюю задумку и остались довольны достижением. Их музыка укладывается в рамки стандарта отечественной сцены, не претендуя на революционность. Положительный момент — нет очевидных сходств с кем-либо. Слушателя ждут умеренные напор и драйв, хорошие гитарные партии, некоторое количество интересных находок, не характерных для российских групп, а также грамотный профессиональный вокал. Работа достойна внимания ценителей жанра.

ПИЖОНЫ

«От Саксофона До Ножа»

Год выхода: **2008**
 Жанр: **Swing**

Страна: **Россия**
 Лейбл: «**Экстрафон**»

Мы держим в руках интересную работу, олицетворяющую собой своеобразный ренессанс эпохи биг-бэндов и музыкального стиля свинг (вторая четверть XX века). В свое время его окрестили «танцевальным джазом». Действительно, ритмический рисунок, настроение, положительная энергетика и легкость восприятия не позволяют слушателю оставаться безучастным. Для российских команд свинг не характерен, ибо любая его интерпретация выглядит лишь пародией на оригинал — нет традиции. Современная вариация стиля характеризуется максимальной упрощенностью и незамысловатостью, ввергающей знатоков лишь в ностальгию о временах расцвета (Глен Миллер, Бенни Гудмен, Дюк Эллингтон и другие). Тем не менее, основатель коллектива Олег Усманов («Мистер Твистер») поработал на славу, собрав вокруг себя настоящих мастеров своего дела, создав современную вариацию биг-бэнда. Участники группы, а также множество приглашенных звезд, приложили максимум усилий. Под характерные ритмы и звучание классических инструментов (контрабас, саксофон, пианино, гитара, труба и другие) слушатель погружается в атмосферу давно минувших дней. Релиз ориентирован на взрослого, понимающего ценителя. Альбом не поддается однозначной оценке, ведь свинг — классика, и каждый открывает в ней что-то свое.

IN EXTREMO

«Saengerkrieg»

Год выхода: **2008**
 Жанр: **Folk Metal**
 Страна: **Германия**

Лейбл: **Sony BMG / EMI / Universal / Warner**

Перед нами — релиз, не укладывающийся в традиционные рамки восприятия тяжелой музыки. Группа явно выделяется на фоне собратьев по цеху постоянными экспериментами и поиском нового или старого (говоря о музыкальных инструментах). Традиционная рок-группа включает в себя гитару, бас, барабаны, нередко — синтезатор. In Extremo же пошли дальше — парни активно используют самые разные музыкальные инструменты средневековой Европы (флейты, люти и так далее). С другой стороны, вполне логичное решение для избранного стиля. Помимо всего прочего, лирика пишется на разных языках, в том числе и старых (латынь, исландский, старо-французский и немецкий). Остается удивляться, как это им удается гармонично сочетать столь обширный «арсенал». Новый альбом — не исключение из правил, слушатель погружается в знакомую атмосферу. А характерный вокал с хрипотцой придает определенный колорит, антураж, добавляет убедительности. Разнообразные гитарные партии, интересные композиционные и музыкальные находки, заряд положительных эмоций. Песни с мощными рифмами активно перемежаются с лиричными балладами на средневековую тематику. Работа выглядит достойным продолжением предыдущих релизов. Объективно удивляться нечему, зато любители жанра оценят по достоинству.

BLACKMORE'S NIGHT

«Secret Voyage»

Год выхода: **2008**
 Жанр: **фолк**

Страна: **Великобритания**
 Лейбл: **SPV**

Подобные релизы пора смело выпускать с пометкой «Без комментариев». От признанного гения хард-рока, теперь еще и фолка, слушатель всегда получает то, что ждет. Коллективов, играющих различные вариации на музыку европейского средневековья, — море, тем не менее, семейный тандем Блекмора и Найт выделяется на их фоне. Музыкальный материал — отнюдь не революционен, тогда возникает вопрос: что же привлекает слушателей? Возможно, манера подачи, образы героев (к примеру, Ричи, как и в эпоху Deer Purple — средневековый звездочет), традиционная простота и некоторая наивность. Музыканты ни на шаг не отступают от избранного направления, стабильно выдавая качественный «продукт». Несмотря на легкость восприятия, в игре Блекмора чувствуется зажатость — хард-роковое прошлое дает о себе знать. Огромная армия отвернувшихся поклонников ждет от музыканта, что он плюнет на все и произведет на свет какой-нибудь гениальный риф в стиле «Дыма над водой». В дополнение к новому материалу, слушатель найдет на диске несколько кавер-версий: «Can't Help Falling In Love» (Элвис Пресли), «Rainbow Eyes» (Rainbow), а также «Виновата ли я?» (русская народная). Новый альбом порадует всех ценителей хорошей музыки.

Александр **Ж**урбин

Оглушительную популярность ему принесла музыка к первой в Союзе рок-опере «Орфей и Эвридика». Его песни распевали Пугачева, Пьеха, Кобзон, Гвердцители... Режиссеры наперебой стремились заказать ему музыку к своим фильмам, да каким! «Эскадрон гусар летучих», «В моей смерти прошу винить Клаву К.», «Джек Восьмеркин — американец», «Мелодия на два голоса»... Его оперу «Луна и детектив» поставил сам мэтр Борис Александрович Покровский. Казалось бы, карьера — на взлете, композитор — на расхвate, обожаем поклонниками и почитаем критиками. И вдруг в возрасте 45 лет он бросает все, уезжает «покорять Америку» и объявляется в Нью-Йорке в ресторане «Русский самовар» в качестве... тапера

**Я одержим
верой
в свои
силы**

— Александр Борисович, вы не намного старше меня, но такое ощущение, что композитор Журбин и его музыка были всегда...

— Между прочим, люди иногда на полном серьезе меня спрашивают: вы не родственник Журбиным из знаменитого советского фильма «Большая семья» о династии кораблестроителей, снятого в 50-е годы? Они не понимают, что те Журбины — вымышленные персонажи, придуманные писателем Кочетовым. Такие же вымышленные, как Павка Корчагин или Дон Кихот... Но, тем не менее, многие верят, когда я «признаюсь», что «кораблестроитель из меня не вышел, поэтому семья отправила меня писать двойные четырехголосные фуги для струнного квартета». Но вы действительно правы: и у меня такое

впечатление, будто я лет сто занимаюсь музыкой.

— У каждого музыканта — свой путь: кто-то грезил сонатами чуть ли не в утробе матери, кого-то заставляли «пиликать» на скрипке из-под палки, кого-то вдохновили «Битлз»... Как стали композитором вы?

— Я — человек все-таки классической культуры и мог бы, наверное, сказать: «Если бы не было Моцарта, Бетховена, Бизе или Россини — не было бы меня». Все началось не с «Битлз» и даже не с джаза и рок-н-ролла, а с классики. Родители мои были люди немзыкальные, однако это не помешало им отдать меня учиться в музыкальную школу. А потом, неожиданно для всех, я вдруг стал проявлять какие-то «большие способности». Поскольку денег на пианино у нас не было, я попал в класс виолончели, хотя поначалу даже не знал, как этот инструмент выглядит. Но довольно скоро стал всех удивлять — своей памятью и сообразительностью. На рояле, на котором даже не учился, легко подбирал на слух все шлягеры того времени. Тогда я перечитал биографии Моцарта, Бетховена, Рахманинова, Чайковского, и они произвели на меня сильнейшее впечатление. Узнав о том, как они делали свои первые шаги в музыке, мне страшно захотелось их всех догнать... К тому же, меня подгоняло честолюбие. Лет в 10 я уже сочинял, фантазировал, придумывал сюжеты, исписал десятки нотных тетрадей. А в 15 написал и самостоятельно оркестровал Симфонию...

Но при всем при этом я прекрасно понимал, что никаких шансов пробиться у меня нет. Мы жили в Ташкенте, в провинции, жили, как все —

Я — человек классической культуры и мог бы, наверное, сказать: «Если бы не было Моцарта, Бетховена, Бизе или Россини — не было бы и меня»

то есть от зарплаты до зарплаты. Даже при самом лучшем раскладе моим «потолком» могло бы оказаться место преподавателя музыки в каком-нибудь вологодском педучилище.

Но все сложилось иначе — судьба преподнесла мне царский подарок.

Я настолько был одержим верой в свои силы и предназначение, что сумел убедить родителей отвезти меня в Москву. Это было непросто, но мне удалось поступить в Гнесинский институт, и я познакомился с московской музыкальной элитой. Позже, в начале 70-х, мне снова сказочно повезло. Оказавшись в Ленинграде, я встретил там замечательных людей, знакомством с которыми до сих пор горжусь. — Барышникова, Довлатова, Бродского...

А в 1975-м произошло главное событие — я написал оперу «Орфей и Эвридика», и в мгновение ока моя жизнь круто перевернулась. Я стал знаменит, богат, нарасхват. Конечно, не совсем уж буквально так, но близко к этому.

— Мне приходилось слышать странную историю, как три молодых человека собрались за бутылкой коньяка, чтобы, ни много ни мало, «забабахать нетленку», не зная при этом толком даже, как и о чем. И написали! Это легенда или правда о первой советской рок-опере?

— Все так и было на самом деле. Я жил в Ленинграде, все шло нормально, но тогда, в 29 лет, казалось что так скучно! И тут произошла случайная встреча — именно случайная. Был в то время знаменитый ансамбль «Поющие гитары», и как-то в гостях мы случайно встретились: зна-

менитый руководитель группы Анатолий Васильев, оперный либреттист Юрий Димитрин и малоизвестный композитор Александр Журбин. Васильев купил бутылку коньяка за десять рублей, мы пришли ко мне в коммуналку, выпили, закусили, и вдруг выяснилось, что всем троим очень хочется сделать нечто эдакое. И мы стали думать. Помню, как произнес слова «Орфей и Эвридика». Всем сразу понравилось. Во-первых, звучит, во-вторых, абсолютно никакого политического подтекста. Древнегреческий миф — никто не запретит. Орфей — певец, значит, ясно, почему все поют. Я сел за пианино и сыграл: «Орфей полюбил Эвридику, какая старая история». Это и было началом рок-оперы. Короче, дело закрутилось, и пошло, и пошло... Я сочинял музыку, Димитрин писал либретто. Это был звездный час моей жизни. Озарение! Я писал, а на следующий день уже репетировали. Появился и режиссер — Марк Розовский. Удивительное дело — через полгода спектакль был готов.

Честное слово, не знаю, откуда народ узнал об опере, но буквально с первого выступления билеты сметали — аншлаги полные. И... будто пожар начался. Встречали невероятно! Не забывайте, что это была первая отечественная рок-опера, появившаяся за шесть лет до «Ююны» и «Авось»...

— Признайтесь: крышу-то не снесло по молодости от такой славы?

— Естественно, появились поклонницы и поклонники, мне дарили цветы, люди охотились за автографами. Но скажу честно: я перенес все это достаточно трезво. Главное,

Это был звездный час моей жизни. Озарение! Я писал, а на следующий день это уже репетировали. Удивительное дело — через полгода спектакль был готов

Женщина — это поразительное создание, которое создано специально, чтобы вдохновлять творцов. Я всегда замечаю хороших и хорошеньких женщин, но при этом всегда знаю о том, что лучше всех... моя жена Ирина

С того дня, как появилась «Орфей и Эвридика», моя жизнь сложилась счастливо — до сегодняшнего дня, уж точно, а дальше как человек суеверный загадывать не буду

чего хотелось, — это писать дальше, чтобы закрепить успех. Я готов был даже отказаться от всех заработанных денег, лишь бы не мешали и дали возможность творить.

— Кстати, а деньги были большие?

— Сказочно большие — по тем временам. Я получал по 10—12 тысяч рублей в месяц, при том, что «Жигули» стоили 4 с половиной тысячи. Причем получал их у государства легально — через кассу, к тому же исправно платил налоги. А потом... у чиновников началась паника, они не знали, что делать. Какой-то никому не известный мальчик, только что окончивший консерваторию, получает больше, чем Брежнев. Короче, издали специальный указ по министерству культуры за подписью замминистра Кухарского, в котором было записано: «Оперу

«Орфей и Эвридика» оперой не считать, а считать эстрадным представлением со сквозным сюжетом». И стали платить в 10 раз меньше. Так что, мое «миллионерство» продолжалось недолго...

— Что изменилось в вашей творческой жизни после первого триумфа? Стали разрывать на части?

— Конечно, посыпалось огромное количество интересных предложений, и я решил писать музыку для театра и кино. Работа оказалась действительно потрясающе интересной. Я писал музыку для изумительных режиссеров и актеров, она звучала во многих знаменитых театрах. Одним словом, с того самого дня, как появилась «Орфей и Эвридика», моя жизнь сложилась очень счастливо — до сегодняшнего дня, уж точно, а дальше как человек суеверный загадывать не буду.

Музыкальный спектакль «Лиромания», композитор — Александр Журбин

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Рандеву

Можно спеть все, что угодно, и остроумно пропеть любой прозаический текст. Но все-таки я — сторонник мюзиклов, в которых есть настоящая драматургия

— Это правда, что опера вошла в книгу рекордов Гиннеса?

— Да, вошла, а вот и диплом этой книги. Дан он за то, что в одном коллективе играет одно произведение на протяжении 32 лет. Такого нигде в мире нет. И я объясню, почему. Есть, конечно, мюзиклы, которые живут дольше. Например, «Моя прекрасная леди» ведет свою историю с 50-х годов. Но! Коллективы периодически меняются, а наш существует с 1975 года, и играют те же артисты. Причем некоторые до сих пор исполняют те же самые роли. Представляете? Такого прецедента в мире больше нет.

— Итак, вам посыпались предложения. Можете перечислить самые интересные, те, которые особенно дороги?

— Очень горжусь фильмом «Эскадрон гусар летучих». Для него я написал несколько романсов на стихи Дениса Давыдова, они и сегодня популярны и любимы. Помню, на одном из моих концертов женщина воскликнула: «Боже мой! Неужели это вы написали?!» Оказывается, она была уверена, что эти романсы пел еще Шаляпин... Другой случай. Попался мне в руки сборник нот с моей песней «Не пробуждай, не пробуждай...». На титульном листе обозначено: «Стихи Дениса Давыдова, музыка народная». Представляете? Моя музыка, можно сказать, «ушла в народ». Так я этим только горжусь...

Еще горжусь тем, что мою оперу «Луна и детектив» поставил Борис Александрович Покровский, главный наш корифей оперного искусства. Понимаете, список того, что я написал, огромен — люди не верят,

что на такое способен человек. Посмотрите сами: вот это только театральные постановки, оперы, рок-оперы, вот это балеты, а вот — мюзиклы, которых просто десятки. Что из этого мне больше всего нравится? Да все!

— Это не преувеличение, что рабочий день Александра Журбина — около 18 часов, и все это время maestro творит?

— Это правда, но, конечно, не до конца. Кто-то когда-то сказал: «Если тебе удастся зарабатывать деньги тем, что тебе нравится, а вот — счастливый человек». И, видит Бог, сейчас я абсолютно счастлив... У меня — огромный круг друзей. И когда мы устраиваем какие-то семейные праздники, у нас собираются 50—60, а иногда до 100 человек. Я подчеркиваю — это близкие друзья. Кроме того, сейчас почти каждый вечер мы с женой куда-нибудь ходим. Нас очень часто приглашают, и эти приглашения — самые разнообразные: например, на открытие галерей, ресторанов, бутиков, на презентации каких-то книг, на фестивали, конкурсы, где я часто сижу в жюри... То есть моя жизнь переполнена. А в остальное время, разумеется, я работаю — «пашу, как проклятый».

— Но должна же быть какая-то человеческая отдушина...

— Как ни странно, больше всего на свете я люблю писать музыку и читать книги. Вот такой я скучный человек — на футбол не хожу, грибы не собираю, дичь не стреляю, ничего не коллекционирую. Правда, есть одна семейная «слабость» — мы с женой любим путешествовать. За

все эти годы практически побывали всюду на земном шаре.

— Значит, можно написать, что нет такого места, куда бы не ступала нога Александра Журбина?

— Так и напишите! Хотя пара мест осталась, где мы еще не были...

— Если не ошибаюсь, кто-то из композиторов сказал, что телефонную книгу можно положить на музыку, и получится классная симфония для телефона с оркестром...

— На самом деле, эта шутка вроде бы принадлежит мне. Я несколько раз говорил в интервью, что могу положить на музыку что телефонную, что поваренную книгу, что железнодорожное расписание, и действительно это так. Можно спеть все, что угодно, и пропеть остроумно любой прозаический текст (что, кстати, я не раз в своей жизни делал!). Но все-таки я — сторонник мюзиклов, в которых есть настоящая драматургия.

— Многие композиторы претендуют еще на одну байку. Кто же все-таки говорил: «Для того, чтобы соблазнить женщину, мне просто нужно довести ее до роаяля»?

— Насколько я знаю, первым это сказал композитор Дмитрий Покрасс, и я всегда преподношу ее именно как фразу Покрасса. Он говорил: «Я бэру дэвушку, привожу ее к гроялю и играю: «Ми красные кавалеристы и про нас...!» И она — моя!»

— Если не возражаете, коснемся вашего отъезда в Америку в 1990 году. По одной версии, вам предложили райскую жизнь, по другой —

жена надавила... А как было на самом деле?

— Вы правы — во многом эта инициатива исходила от моей жены. Она считала, что надо «спасать» нашего сына. Действительно, в этом был какой-то смысл: ребенок рос явно талантливым, и именно поэтому в окружающую среду не вписывался. В школе не было контакта ни с детьми, ни с учителями...

— Не любят у нас чересчур умненьких...

— Да-да, что-то из этой оперы. Он даже убежал из школы, из дома... чего только не было. И моя жена решила, что его надо выручать. А если к этому добавить обстановку в стране — безработицу, пустые прилавки, закрытые театры... В Америке же мне предлагали шикарный контракт — с хорошими деньгами, предоставлением квартиры, отличными условиями для обучения ребенка. И мы решились. Тем более, в этом не было никакой сенсации — уже можно было уехать абсолютно легально, не теряя при этом советского гражданства. Я думал, что поеду туда на три года. Потом это продлилось еще на три, и, в итоге, затянулось на 12 лет. И даже в каком-то виде продолжается до сих пор, потому что у нас есть квартирка в Нью-Йорке, там живет наш сын Левочка...

— Я знаю, что был период в Америке, когда вы работали тапером в «Русском самоваре» и якобы даже аккомпанировали Бродскому?

— Было-было. Приехав в Америку, я стал искать себе применение и выяснил, что как композитору применения слишком мало. В той организа-

В Америке я очень старался пробиться как композитор, обращался к продюсерам, кинорежиссерам, известным артистам — но все это заканчивалось ничем...

ции, куда меня пригласили, и где у меня был контракт, платили, конечно, какие-то деньги, но музыка моя была никому не нужна. И я понял, что надо искать себе какое-то другое применение. Я начал работать журналистом, писал статьи, выступал на радио, телевидении. Потом пришлось стать продюсером — у меня был русско-американский музыкальный театр, в котором играли замечательные актеры — Борис Сичкин, Елена Соловей... Я их организовал, мы ставили спектакли, ездили на гастроли. Это было интересно, но, к сожалению, нормальных денег не приносило. А главное — уходило время. В итоге, я очутился в «Русском самоваре»...

— Можете назвать самый тяжелый момент в вашей «американской одиссее»?

— Самое тяжелое, что бесчисленное количество раз приходилось быть отвергнутым. Я очень старался пробиться как композитор, обращался к продюсерам, кинорежиссерам, известным артистам — атаковал их письмами, звонками. Но все это заканчивалось ничем. Они считают, что американское — самое лучшее, и им не надо никаких других. Поэтому я испытал немало разочарований...

— Признайтесь: трудно было принять решение вернуться, да еще не триумфатором?

— Скажу честно — после 11 сентября 2001 года в моей жизни произошел грандиозный перелом, который я воспринял как знак. Я физически был в этот момент рядом с Уорлд Центром, ехал на работу в метро. Именно там, рядом с Центром, располагался мой офис, и все это здание фактически падало мне на голо-

ву. Весь мой «бизнес» был в грязи и в пыли, все окна, все компьютеры... Именно это событие подтолкнуло к тому, чтобы паковать вещи.

— Зато когда вы вернулись...

— Многие издания вышли с заголовками «Возвращение Орфея»...

— Александр Борисович, несколько вопросов о прекрасном. Кто-то находит любимых женщин по запаху, кто-то — по длинным сексапильным ногам, кто-то — в троллейбусе. А как находят музыканты, и, в частности, вы?

— В принципе, я очень люблю женщин и считаю, что женщина — это поразительное создание, которое создано специально, чтобы вдохновлять творцов. Скажу честно, я всегда замечая хороших и хорошеньких женщин. Но при этом всегда знаю о том, что лучше всех... моя жена Ирина. Я ее действительно боготворю. И преклоняюсь. Она говорит, что, как только увидела меня, сразу решила, что я буду ее мужем. Хотя она в тот момент была замужем, а я был женат...

— Эта история достоверная, что в загсе вы отказались от исполнения марша Мендельсона, сказав, что вообще терпеть не можете музыку?

— Это была, конечно же, шутка, но история правдивая. Мне просто хотелось тогда, чтобы наше бракосочетание выглядело небанальным. Давно всем твержу, что пора новый свадебный марш писать...

— Может, вы и напишете?

— Хорошая идея! А почему бы нет?! □

Беседовал **Андрей КОЛОБАЕВ.**

Слева: Александр Журбин представляет свою книгу под названием «Александр Журбин. композитор»

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Рандеву

Анна
ШЕРКУНОВА

World press

С изобретением фотоаппарата у человека появилась возможность видеть себя не только в зеркале, но и на бумаге. Технический прогресс позволил из фотографии сделать настоящее произведение искусства. Ни для кого не секрет, что сейчас на всемирно известных аукционах работы некоторых фотографов продаются лучше, чем картины художников. Конечно, фотография обладает рядом преимуществ, которых нет, например, в живописи. Один щелчок затвора позволяет «поймать» секундный момент, который невозможно написать красками. А порой именно такой момент, взгляд, движение, выражение лица или простой

пейзаж способны охарактеризовать человека, ситуацию, да вообще всю нашу жизнь. Особенно это касается фотожурналистики, где тандем журналиста и фотографа наиболее полно способен представить картину произошедшего события.

В июле в Москве прошла знаменитая выставка победителей конкурса фотожурналистики World Press Photo. Экспозиция «приезжает» в Москву уже в третий раз, а до этого побывала в 80 странах!

Фонд World Press Photo — независимая некоммерческая организация, созданная в Нидерландах в 1955 г. под патронажем принца Королевства Нидерланды. Цель фон-

photo 2008

да — поддержка профессиональных журналистов-фотографов во всем мире и предоставление им возможности общения друг с другом. А результаты конкурса во многом определяют спрос и предложения на современном рынке фотографии в СМИ, и в нетрадиционных для фотожурналистики сферах деятельности: рекламной, книгоиздательской... Для достижения своих целей фонд проводит ежегодную выставку с одноименным названием, а также конкурсы, семинары, дискуссии и мастер-классы. В рамках World Press Photo в Москве прошли мастер-классы фотографов-победителей конкур-

са 2008 года: Эрики Ларсен (США), Эрика Рефнера (Дания), Питера Тен Хуупена (Agence Vu / Нидерланды) и Платона (Великобритания).

Ежегодно международное независимое жюри, состоящее из 13 профессиональных фотографов и фоторедакторов СМИ под председательством Мишель МакНэлли (The New York Times), оценивает претендентов в 10 номинациях. В этом году в конкурсе приняли участие 4460 профессиональных фотожурналистов, а стали победителями 59 фотографов из 23 стран: Австралии, Болгарии, Канады, Колумбии, Дании, Франции, Израиля, Италии, Японии, ЮАР, Великобритании, США, Зим-

бабве и т.д. Особенно приятно, что в этом году в число победителей вошел и российский фотожурналист Владимир Вяткин, представивший портрет хореографа Игоря Моисеева и его жены Ирины.

Основу экспозиции составляют преимущественно фотографии, на которых изображен весь ужас современного мира: голодные, грязные дети Африки, восстания местных повстанцев, травля животных, жертвы инцестов, ну, и, конечно, война, в любых ее проявлениях. Каждую фотографию сопровождает короткий комментарий.

Главный приз в номинации «Фотография года» получила работа британца Тима Хезерингтона, датированная 16-ым сентября 2007 г. На фотографии изображен американский солдат, лежащий в афганском бункере Рестрепо. Снимок является частью фоторепортажа, сделанного по заказу журнала Vanity Fair. Изображение слегка размыто, поэтому создается впечатление, что фотографировал не профессионал, а

однопольчанин солдата, либо фотограф, который слишком торопился. В данном случае такой дефект только усиливает впечатление от снимка, где отчаянный взгляд молоденького солдата передает весь ужас тех условий, в которые попадают десятки тысяч таких же, как он, не успевших пожить, но уже видевших смерть в лицо. «Эта фотография символизирует изнеможение отдельного человека — и изнеможение целой нации», — отметил председатель жюри Гари Найт.

Помимо войны, еще одна «любимая» тема World Press Photo — насилие в любых его проявлениях. В этом году была представлена серия о жертвах педофилов «Childhood sex abuse» испанки Лорены Рос, занявший 2 место в номинации «Проблемы современности», и фотография итальянца Франческо Зизоли «Violence in Colombia», получившего 2 место за работу в номинации «Люди в новостях». На фотографиях изображены молодые люди и девушки, подвергшиеся инцесту со стороны близких. Понять это невозможно, пока не прочитаешь краткую историю каждого героя, приведенную в комментарии к работе, а прочитав, смотришь на эти лица и понимаешь, что, видимо, справедливости в этом мире нет...

Выставка World Press Photo затронула страдания не только людей, но и животных. Пол Никлен занял второе место в категории «Естественные истории» с работой, изображающей убитого браконьерами нарвала. Фотография была опубликована в «Geographic Magazine». Первое место, уже в другой категории «Одиночные игры», занял репортер южноафриканского «Newsweek» Брент Стирон. Но, в отличие от Никлена, работа Стирона демонстрирует помощь человека животному миру. На снимке запечатлена эвакуация мертвой горной гориллы из Националь-

ного парка Конго местными жителями. Худенькие аборигены пытаются буквально на своих плечах вынести гигантскую мертвую обезьяну, истинную мощь которой понимаешь по скорченным от тяжести лицам несущих.

Также не могу не отметить фотографию британского фотографа Платона — большой портрет В. Путина, опубликованный на обложке журнала Time, который в прошлом году назвал уже бывшего нашего Президента «Человеком года». Снимок стал победителем в категории «Портреты».

Безусловно, World Press Photo — престижный международный конкурс фотожурналистов. Но, к сожалению, из года в год он демонстрирует приблизительно одинаковые по тематике фотографии: войну, насилие, смерть, несправедливость. Поэтому после посещения выставки даже самый убежденный оптимист может впасть в депрессию. Безусловно, главная задача организаторов — вызвать сострада-

ние. Но любой современный человек и без World Press Photo знает, как тяжело еще живется многим на Земле. Но ведь есть на свете любовь, радость, сочувствие, есть, в конце концов, люди, положившие всю жизнь на то, чтобы помочь окружающим. Почему же выставка не рассказала об этом? Такое впечатление, что все сделано для того, чтобы после выставки у посетителей осталось ощущение полной безнадежности. Выходит, что человек — не только самое разумное, но и самое жестокое существо на этой планете... □

«ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ»

Ирина ОПИМАХ

Леонардо да Винчи

В центре Милана расположен старинный доминиканский монастырь Санта Мария делла Грацие. Таких монастырей в Италии множество, и мало кто о нем знал бы, если бы не трапезная, украшенная великим творением гения Высокого Возрождения Леонардо да Винчи — знаменитой «Тайной вечерней» (1495—1498). Эта фреска,

прекрасная, несмотря на все разрушения, прекрасная и спустя почти пять столетий после своего создания, загадочная, таящая в себе тайны и скрытые смыслы, — ныне не только предмет серьезных исследований, но и тема захватывающих детективов, которыми зачитывается весь мир. «Тайная вечеря» создала в живописи

целую школу, целое направление. Копируя ее, искусство живописи осваивали самые разные художники (лучшая копия, как считается, была сделана Марко д'Оджоне). Многие до и после Леонардо пытались выразить этот сюжет на полотне, но, пожалуй, никому из них не удалось создать столь прекрасной, трагической, совершенной композиции

Многие до и после Леонардо пытались выразить этот сюжет на полотне, но, пожалуй, никому не удалось создать столь прекрасной, трагической, совершенной композиции

В 1482 году Леонардо, поняв, что при дворе Медичи его ничего не ждет, — Лоренцо Великолепный, при всем своем чутье и любви к искусству Леонардо не оценил, — решает уехать в Милан, где правит могущественный Лодовико Сфорца. Однако зная, что Сфорца — не большой любитель искусств, да Винчи пишет герцогу письмо — тонко продуманное, основанное на знании особенностей личности герцога и его политического положения. Великий художник говорит, что у него есть проекты нового оружия — пушек, катапульт, баллист поразительной мощности, а еще идеи, как построить легкие и прочные мосты, как пробраться в самые труднодоступные места, как взять самые укрепленные крепости. И только в конце письма мимоходом замечает, что весьма искусен в живописи и скульптуре и с удовольствием сделал бы что-нибудь для Сфорца.

Сфорца совсем недавно узурпировал власть, положение его было довольно шатко, а потому идеи о создании нового оружия не могли его не заинтересовать. И он приглашает Леонардо к своему двору.

Лодовико Сфорца, прозванный Моро (за смуглый, как у мавра, цвет кожи, или, как утверждают некоторые историки, потому что одной из эмблем семейства Сфорца было тутовое дерево моро), был человеком непростым. Хитрый, осторожный, он предпочитал интриги и козни открытым военным действиям. Чтобы достичь своих целей, он порой прикидывался тупым мужланом, однако за этой маской скрывался тонкий и расчетливый ум. Это было время, когда правители не гнушались ни яда, ни

кинжала и безжалостно убивали всех, кто стоял у них на пути. В этом смысле Сфорца был почти ангелом — он убил (как говорили, отравил) всего лишь одного своего родственника, племянника Джана Галеаццо Сфорца, обладавшего гораздо большим правом на миланский трон, чем Моро, да и то — убил юношу, только когда тот стал совершеннолетним и особенно опасным.

Милан в те времена считался богатым, процветающим городом. Источниками его процветания были текстиль и оружие. Население составляло сто тысяч человек, а крестьяне, жившие на плодородных равнинах Ломбардии, прекрасно кормили миланцев. Двор герцога был одним из самых блистательных в Италии, а возможно, и в Европе. Сфорца тратил огромные деньги на устройства пышных празднеств, содержание целой армии слуг, конюхов, поваров. При дворе жили музыканты — например, хор фламандских певцов, прекрасные дамы и уродливые карлики, художники и ювелиры (герцог питал страсть к драгоценным камням), а также в огромном количестве различные маги и астрологи. Личный астролог герцога Амброджо да Росате был столь знаменит, что к нему обращался за гороскопом даже папа римский. Что же касается нравственных норм, соблюдения христианских законов — с этим при дворе могущественного Лодовика было туго. Недаром один из историков писал, что тут «отцы продавали своих дочерей, братья — сестер, мужа — жен».

Конечно же, Сфорца не понимал, что ему необыкновенно повезло, когда Леонардо приехал в Милан.

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

История одного шедевра

Обдумывая композицию картины, Леонардо забросил все свои занятия — и строительство канала Мартезаны, и опыты по исследованию тайн полета птиц, приостановил работу над книгой по механике и еще множество других дел

Он мало прислушивался к советам гениального художника — и когда тот предлагал создать новое оружие, и когда показывал план застройки города, и когда давал советы, как избежать эпидемий. Зато когда при дворе затевались праздники, главным их устроителем всегда назначался Леонардо. Надо сказать, он очень любил организовывать пышные развлечения для придворных, а еще развлекал гостей герцога чтением сатиры и баллад, а также распеванием песен и игрой на лютне. Когда же Сфорца задумал увековечить память своего отца Франческо Сфорца, установив конную статую, и тут Леонардо оказался полезен — он предложил создать нечто небывалое по грандиозности и величию. Досконально изучив анатомию лошади, Леонардо действительно изготовил модель из глины, причем тех размеров, которые и должны были быть у скульптуры. Модель выставили на всеобщее обозрение публики в 1493 году, и статуя очень понравилась герцогу и его подданным. (К сожалению, глиняная статуя Франческо Сфорца на коне так и не была выполнена в бронзе, а в 1499 году, когда в Милан вошли французы, она была разрушена.) Сфорца ни разу не пожалел, что этот флорентиец к нему приехал! Более того, он повысил ему жалование, и у художника появилась возможность продолжать свои научные занятия.

У Моро всегда было множество любовниц, которые удостаивались его внимания за свою красоту и покладистость, но в жены он выбрал Беатриче д'Эсте из семейства, правившего в Ферраре, по соображени-

ям политической целесообразности. Беатриче оказалась умной, очаровательной, преданной ему супругой, и он влюбился в нее. Когда же она умерла, родив мертвого ребенка, — в 22 года! — горе его было безмерно. В душе Моро произошел глубокий переворот. Герцог задумался, так ли он живет. И может, смерть жены — Божья кара за его прегрешения?..

Вероятно, любовь к жене и стала одной из причин, по которой Сфорца заказал Леонардо «Тайную вечерю» для трапезной доминиканского монастыря Санта Мария делла Грацие. (Церковь монастыря была семейной капеллой Сфорца и их мавзолеем.) Сюжет фрески был выбран в соответствии с давней традицией украшать трапезные изображением этого важнейшего эпизода Нового Завета.

Леонардо долго готовился к работе. Для своей фрески он выбрал самый трагический момент Тайной вечери, когда Иисус произносит свои пророческие слова: «Один из вас предаст меня»...

За тему Тайной вечери брались многие художники и до, и после Леонардо, но, наверное, его «Тайная вечеря» — наиболее яркое и глубокое ее воплощение.

Он, конечно же, знал работы своих предшественников — Джотто, Гадди, Гирландайо, Кастаньо. Да, как и у них, его Христос будет в центре, а стол будет накрыт скатертью, как у Гирландайо, но его Иисус, его апостолы будут живыми людьми, его современниками, переживающими важнейший момент их земного бытия...

Он ведет к монастырской трапезной своего друга Донато д'Аньоло

*Портрет
Лодовико
Сфорца.
Неизвестный
художник*

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

История одного шедевра

Постепенно, в результате огромной, изматывающей работы рождалась великая картина. Порой Леонардо сутками не выпускал кисти из рук, а иногда не притрагивался к фреске неделями, лишь смотрел на нее

Эскиз к «Тайной вечер», фрагмент

ди Паскуччо. Этого замечательного архитектора прозвали Браманте (от слова «брама» — страсть) за его увлеченность искусством, одержимость прекрасным. Леонардо просит друга так продумать интерьер помещения, чтобы обеспечить наилучшее освещение его будущему творению. Таким образом, возможно, впервые в истории, архитектура подчинилась живописи, а не наоборот.

Браманте и Леонардо решили, что лучше всего расположить трапезную по оси север-юг, и фреска разместится на северной стороне зала. Браманте предлагал на боковых стенах вырезать одинаковые окна, но Леонардо попросил, чтобы окна были с одной стороны — так, по его мнению, свет лучше очертит затемненные фигуры. Кроме того, окна должны быть в западной стене, и под самым потолком — монахи будут видеть Вечерю в лучах закатного солнца, идущих сверху.

Леонардо и Браманте методами уважаемой ими геометрии точно

рассчитали положение и величину окон, а также ширину и длину трапезной — все в архитектуре и интерьере помещения было подчинено будущей фреске.

Ей же были подчинены время и силы Леонардо. Обдумывая композицию картины, он забросил все свои занятия — и строительство канала Мартезаны, и опыты по исследованию тайн полета птиц, приостановил работу над книгой по механике и множество других дел. Леонардо внимательно перечитывал Евангелие от Матфея — там подробно рассказано о Тайной вечере — и потому, когда монахи, пытающиеся понять, а нет ли ереси в том, что делает этот странный художник, задали ему какие-то вопросы, касающиеся традиций изображения этой сцены в христианском искусстве, Леонардо легко парировал, демонстрируя блестящее знание Писания.

Однажды к нему в трапезную зашел Лука Пачоли — монах-францисканец, но при этом известный математик, автор знаменитой книги «Сумма арифметики, геометрии, пропорции и пропорциональности». По приглашению герцога Моро, он читал лекции в миланском университете. Пачоли поразил точный расчет перспективы, дающей почувствовать пространство и рождающей ощущение, что монахи, которые будут вкушать пищу в этом помещении, словно окажутся за тем же самым столом, что и апостолы.

Математик и художник подружались, они даже задумали вместе написать труд, посвященный пропорции, — Лука напишет текст, а Леонардо его проиллюстрирует. Позже Пачоли напишет об этих рисунках: «Таковые были сделаны достойнейшим живописцем, перспекти-

Вероятно, любовь к жене и стала одной из причин, по которой Сфорца заказал Леонардо «Тайную вечерю» для трапезной доминиканского монастыря Санта Мария делла Грацие

вистом, архитектором, музыкантом и всеми совершенствами одаренным Леонардо да Винчи, флорентийцем, в городе Милане, когда мы находились на содержании сиятельнейшего герцога миланского Лодовико Сфорца».

Работая над фреской, Леонардо вспоминал своих учителей — и тех, кого он знал лично, и тех, у которых учился, читая их книги, разглядывая их картины или бывая в зданиях, ими построенных. Одним из наиболее почитаемых им людей был великий флорентийский архитектор Леон Батиста Альберти. Свой труд по архитектуре он закончил просьбой ко всем, кто будет его читать и пользоваться его открытиями: в знак благодарности изображать его лицо на своих картинах. И Леонардо отдает эту дань Альберти — апостол Фома очень похож на великого архитектора. Но Альберти был вольнодумцем, еретиком, а потому Леонардо пририсовал ему бороду, дабы монахи не испортили его лицо.

Леонардо и себя изобразил на картине — так было принято у итальянских художников. Вот он, и то-же замаскированный, с бородой — в образе Варфоломея.

Вот он, и то-же замаскированный, с бородой — в образе Варфоломея.

Постепенно, в результате огромной, изматывающей работы рождалась эта великая картина. Порой он сутками не выпускал кисти из рук, а иногда не притрагивался к фреске неделями, лишь глядя на нее и что-то напряженно обдумывая. «Рассказывают, — пишет Вазари, — что приор монастыря очень настойчиво требовал от Леонардо, чтобы тот окончил свое произведение, ибо ему казалось странным видеть, как художник целые полдня стоит, погруженный в размышления, между тем как ему хотелось, чтобы Леонардо не выпускал кисти из рук, наподобие тому, как работают в саду». Противный приор даже пожаловался герцогу, после чего тот вызвал к себе художника. Леонардо подробно рассказал Моро, как идет работа, как трудно рождаются новые идеи, посвятил его в свои трудности и заметил — особенно сложно найти натурщиков для об-

Эскиз к «Тайной вечер», фрагмент

Еще никто из мастеров прошлого не вкладывал в картину «Тайная вечеря» столько знания человеческой природы, столько жизни, драматизма... Художника, в отличие от его предшественников, волновало не установление христианского таинства, а человеческий аспект трагедии: предательство того, кому доверяешь, кого любишь

Апостол
(возможно,
святой Петр),
эту

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

История одного шедевра

если не найдет ничего лучшего, он готов использовать голову этого самого приора, столь назойливого и нескромного». Герцог рассмеялся, а приор, испуганный такой перспективой, оставил художника в покое.

Леонардо писал не библейских героев, хотя и их тоже, а живых людей, своих современников. Их жесты, их лица он искал везде — на улицах Милана, на рынках, в трактирах среди бедняков и на приемах в замке герцога, среди аристократов, а найдя, тут же делает зарисовки в блокноте. Рождались образы замечательной силы. Он рассказывает своих апостолов и Христа так, что позы их — абсолютно естественны, при этом ракурсы сложны. Фигуры выпуклы благодаря его знаменитому sfumato — игре света и тени, которой он владел в совершенстве. Он нисколько не заботился об архаике, и на столе, за которым сидят апостолы, появляются предметы и блюда, что были на столе его современников монахов-доминиканцев. Живописец и математик, гуманист и психолог, знаток Библии и вольнодумец, теоретик и практик — Леонардо создает свою «Тайную вечерю»...

Иисус и его ученики празднуют Пасху — праздник во славу избавления от египетского рабства. Они разламывают хлеб. «Возьмите — это тело мое, ломимое за вас», — говорит Он. Затем берет в руки общую чашу с вином и произносит: «Пейте от нее все. Это есть кровь моя Нового Завета, за многих изливаемая для прощения грехов». Совершается таинство Евхаристии. И вот наступает самый трагический момент — Иисус уже знает, что среди собравшихся за

разов Христа и Иуды. Он «не в силах выдумать форму, которая выразила бы черты того, кто после стольких полученных им благоденствий нашел бы в себе достаточно жестокости, чтобы предать своего господина и Создателя мира. Эту голову он хотел бы еще поискать, но, в конце концов,

столом есть предатель. «Один из вас предаст меня...»

Именно эта минута — на фреске Леонардо. Апостол Петр, порывистый, страстный, схватив нож, жаждет узнать имя предателя, апостол Филипп прижал руки к груди, словно спрашивая — а не я ли этот негодяй? Растерян Иаков, опустил глаза Иоанн, Фома неверный, этот известный скептик, не верит словам Учителя, Варфоломей всей своей позой говорит о готовности постоять, защитить Иисуса от всех врагов, а Иуда, который не отделен от других апостолов, как на картинах предшественников Леонардо, сидит тут же, рядом с ними, судорожно сжимая кошелек с проклятыми сребрениками. Художник выделил его, написав отпрянувшим от Христа, — на Иуду словно легла печать одиночества и вековой, несмываемой вины. Все напряжены, все с ужасом ощутили близость смерти, и только Иисус спокоен — он уже все знает, он ко всему готов, и — что бы ни произошло, это не конец. Фигура Христа — центр всей композиции. Он — главный герой драмы. Лицо Учителя долго не давалось Леонардо — смирение, знание, прощение, принятие своей человеческой судьбы, боль за всех, кто с ним рядом и за все человечество, написать нелегко.

Еще никто из мастеров прошлого не вкладывал в картину «Тайная вечеря» столько знания человеческой природы, столько жизни, драматизма...

Художника, в отличие от его предшественников, волновало не установление христианского таинства Евхаристии, а человеческий аспект трагедии: предательство того, кому доверяешь, кого любишь. Он пытается понять, как

низко может упасть человек и как высоко возвысится свой дух, прощая, идя на жертву. В этой работе все было новым — и композиция, и психологическая сила, напряженность, философская глубина. Новой была и техника росписи, придуманная Леонардо и ставшая причиной одной из самых страшных трагедий в истории искусства. Дело в том, что художник решил применить в росписях трапезной новый способ грунтовки стены и новый состав красок. Он покрыл каменную стену составом смолы и мастики, надеясь защитить фреску от сырости. В качестве красок он использовал темпера, которая позволяла выделять даже самые тончайшие оттенки цветов. Сначала все выглядело замечательно, но уже спустя несколько лет на фреске проступили пятна сырости, и стал отходить красочный слой. Первые разрушения видел и сам Леонардо, но что-либо изменить уже был не в силах.

Творение Леонардо высоко оценили современники, причем не только соотечественники художника. Так, например, фреской восхищался король Франции Людовик XII, а другой французский король, большой почитатель таланта Леонардо Франциск I, хотел даже вырезать всю стену трапезной, чтобы увезти фреску в свою страну. Лишь чисто инженерные трудности остановили его.

В конце пребывания в Милане Леонардо столкнулся с финансовыми проблемами — дело в том, что Лодовико для поддержания своей власти пускался в самые дорогостоящие аферы и порой отказывался платить своим художникам. Да Винчи был вынужден писать умоляющие письма герцогу, которые тот попросту не замечал — или делал вид, что не замечает. В начале 1490-х годов трон

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

История одного шедевра

На помощь реставраторам пришли достижения науки и техники XX века. Был разработан метод борьбы с сыростью, применялись новые материалы, и именно тогда усилия реставраторов стали приносить некоторые плоды

Сфорца зашатался. Неаполь оказался в руках его врагов, отношения с Флоренцией тоже были испорчены. Отчаявшись, Сфорца уговорил французского короля Карла VIII пойти войной на Неаполь, поскольку Карл имел наследственные права на этот город. Король последовал его совету, но, проходя через богатый и красивый Милан, вспомнил, что и на этот город он по праву рождения может претендовать. Поняв, как страшно ошибся, Сфорца объединился со своими недавними врагами и с их помощью прогнал алчных французов с итальянской земли. Однако те не успокоились, и уже в 1499 году Людовик XII напал на Милан и завоевал город. Лодовико Моро был взят в плен и отправлен во Францию. Легенды рассказывают, что, сидя в тюрьме, он до конца жизни вырезал на стенах камеры слова «Я — несчастный».

Леонардо еще некоторое время оставался в Милане. Свои записи, посвященные судьбе герцога, он закончил так: «Герцог потерял свое положение, свои владения и свободу, не увидев ни одно из своих начинаний осуществленным». Вскоре он вместе с верным другом Лукой Пачоли и учеником Андреа Салаи покинул Милан, где провел семнадцать лет, и отправился во Флоренцию.

А его великая фреска зажила своей жизнью, и, к большому огорчению всех ценителей искусства, жизнь эта была полна невозвратимых потерь...

Еще до начала работы художника внутростенные пространства трапезной были заполнены щебнем, удерживающим влагу, однако со временем соль стала проступать на

кирпиче и покрытых известью поверхностях — монастырь располагался в низине. Гете, побывавший в Милане в 1800 году, заметил, что после сильного ливня трапезную затопило — слой воды стоял примерно на полметра. А в 1500 году в Милане было сильнейшее наводнение, и Гете заключает, что, наверное, тогда вся трапезная была в воде. Через десять лет Милан умирал от эпидемии чумы, и конечно же, монахам было не до фрески. Позже, для удобства сообщения кухни и трапезной, они прорубили дверь в стене и уже навсегда уничтожили нижнюю часть фрески — ноги Христа и рядом сидящих апостолов. Постоянная сырость и разъедающие выделения из стен делали свое дело — краски отслаивались, фреска разрушалась. В 1556 году Вазари, увидев творение Леонардо, с горечью писал: «Ничего не видно, кроме грязных пятен».

В деле разрушения фрески природе помогали и люди. Так, например, в 1796 году наполеоновские солдаты не придумали ничего лучше, как превратить трапезную в конюшню, и испарения навоза покрыли фреску толстым слоем плесени, вдобавок бравые французы, изрядно выпив, развлекались, кидая в головы апостолов кирпичи.

Надо сказать, что в XVII—XVIII в. фреска не раз реставрировалась, но далеко не высококвалифицированными мастерами. Порой, не умея сохранить то, что еще оставалось на стене, они попросту рисовали фигуры апостолов — как могли. Можно себе представить результат их деятельности...

В 1901 году Габриэль Д'Аннунцио написал эпитафию Леонардову шедевру: «О, поэты, его больше нет!»

Однако реставраторы не успокаивались, им на помощь пришли до-

стижения науки и техники XX века. Был разработан метод борьбы с сыростью, применялись новые материалы, но именно тогда, когда усилия реставраторов стали приносить некоторые успехи, главный руководитель проекта по спасению фрески был послан Муссолини в отдаленную провинцию. Работы законсервировали, а потом, уже во время Второй мировой войны, бомбы, обрушившиеся на монастырь, тоже внесли свой вклад — одна из бомб упала на трапезную всего в нескольких метрах от «Тайной вечери», заложенной мешками с песком. То, что фреска уцелела, было настоящим чудом!

К концу войны фреска фактически уже не существовала — оставшиеся краски и грунтовка почти превратились в пыль, и тогда итальянское правительство предприняло последнюю попытку спасти шедевр — в случае неудачи оно ничего не теряло, зато успех сулил нескончаемые потоки туристов и их денег. Ну, и, конечно же, спасение фрески Леонардо было во всех отношениях делом благородным.

Работами, продлившимися долгие восемь лет, руководил известный мастер реставрации Мауро Пелличоли. Для начала он закрепил оставшийся живописный слой на стене с помощью тогда только изобретенного шеллака, чистого и лишенного воска. Результат был удивительный: краски закрепились и приобрели силу. Затем Пелличоли осторожно снял наслоения поздней живописи и добрался до изначального температурного слоя Леонардо.

Когда в 1954 году Пелличоли завершил работы, стало ясно — картина, хоть и чудовищно поврежденная, спасена и приближена к оригиналу настолько, насколько это вообще было возможно.

Св. Иаков Старший, этюд

В Милан устремились толпы туристов и ценителей прекрасного, о фреске вновь заговорили, ее образы и композиция снова стали предметом исследований. Заговорили и о том, что в гениальной Леонардовой «Тайной вечере» спрятаны забытые символы и зашифрованные послания потомкам.

Американские ученые К. Принс и Л. Пикнет написали целый труд, посвященный загадкам фрески. Впервые, их внимание привлекла рука, сжимающая нож, — она видна между Иудой и Петром. Но это не рука Петра, более того, авторы утверждают, что эта рука вообще не принадлежит никому из персонажей картины. Тогда что это все значит? Группа итальянских ученых во главе с Викторией Хациел высказала две версии: в соответствии с первой, это все-таки рука Петра, одного из главных фигур христианства, готового покарать гнусного Иуду. По второй версии, рука с ножом — рука самого Леонардо, сим-

К концу войны фрески фактически уже не существовало — оставшиеся краски и грунтовка почти превратились в пыль, и тогда итальянское правительство решило предпринять последнюю попытку спасти шедевр

Иуда, этюд

вол его неприятия Ватикана, чье моральное падение подрывает святость церкви Христа. В пользу этой версии говорят сохранившиеся записи Леонардо, где он возмущается греховностью, алчностью и низостью ватиканских правителей. Там, например, можно найти такую фразу: «Они претендуют на звание друзей Господа, а сами проводят время в праздности в своих роскошных покоех... Вижу, как они вновь и вновь распинают Христа, как подвергают мукам его Святых». Праведный гнев Леонардо вполне понятен — в те годы в Ватикане правило прославившееся своей жестокостью и похотью семейство Борджа, во всех странах Западной Европы продавались фальшивые реликвии, произ-

водившиеся в стенах монастырей, и индульгенции, сулившие прощение грехов.

Но самые острые дискуссии среди искусствоведов и историков вызвала фигура Иоанна. Многие ученые полагают, что по правую руку от Христа сидит совсем не Иоанн, а некая женщина (Принс и Пикнет утверждают, что видны даже очертания груди), причем между фигурами ее и Христа словно вписана буква V, а сами эти фигуры образуют букву M, при этом буква V говорит о женском начале, а буква M указывает на то, что женщина, изображенная рядом с Христом, — Мария Магдалина. С ними согласна и Виктория Хацет, которая утверждает, что эта Магдалина-Иоанн очень похожа на женщину, изображенную на картине «Мадонна в гроте» — тот же поворот головы, изгиб шеи, овал губ, и «Мадонна в гроте», созданная за год до начала работы над «Тайной вечерей», была своего рода наброском для фрески.

Леонардо, как и многие его современники, относился к официальной версии христианства с некоторой долей скептицизма, утверждают Принс, Пикнет и Хацет. В частности, тогда среди людей его круга было распространено мнение, что на самом деле Мария Магдалина оставалась с Иисусом до его последних минут и вместе с апостолами присутствовала на Тайной вечере. И посадив Марию Магдалину за стол Тайной вечери, Леонардо выражал свое неприятие официальной Церкви и таким образом тоже. Конечно же, многие ученые не согласны с утверждениями Принса, Пикнет и Хацет.

Кстати, в записных книжках Леонардо, относящихся ко времени ра-

боты над «Тайной вечерей», рядом с заметками о том, кто может стать моделью для головы Христа, стоит такая запись: «Джованнина из больницы Святой Катерины, великолепное лицо». Возможно, эта Джованнина и стала прообразом Марии Магдалины?

Но если принять, что рядом с Христом — не Иоанн, а Мария Магдалина, то где тогда Иоанн? Полагают, что художник поставил его за спины апостолов, и это именно его рука держит карающий нож...

Несколько лет назад вышла книга Дэна Брауна «Код да Винчи», которая подлила масла в огонь этих споров. Автор на страницах романа доказывает, что Мария Магдалина стала женой Христа, а после его распятия бежала в Иерусалим с его ребенком. Сведения об этом веками хранили члены некоего тайного ордена, в рядах которого был и Леонардо.

Конечно, роман есть роман, но основой для этих построений Брауну послужили вполне научные изыскания американки Маргарет Стаберд, нашедшей в Евангелиях множество доказательств того, что Иисус был женатым человеком, и его женой была Мария Магдалина, а нечистой, грешной ее называли потому, что она была беременной! Нечистыми у иудеев называли женщин в период месячных и во время беременности.

Кроме того, Стаберд полагает, что впоследствии Мария Магдалина бежала с рожденным ею сыном из Иудеи в Галлию, где умерла в 63 году. На фоне этой версии выглядит более достоверной средневековая легенда о том, что династия правителей Галлии Меровингов произошла от Христа.

О фреске вновь заговорили. Заговорили и о том, что в гениальной Леонардовой «Тайной вечере» спрятаны забытые символы и зашифрованные послания потомкам

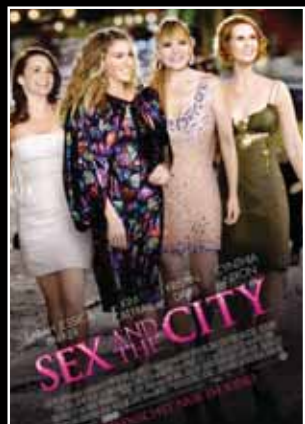
Итак, дискуссии и разгадывание тайн «Тайной вечери» продолжают. Вот уже совсем недавно в одной из итальянских газет появилась заметка о том, что некий программист из Сардинии, вместе со своей женой, нашел в картине закодированную нотную запись молитвы, и специальный комитет экспертов будет проверять его открытие. А в прошлом году другой программист, уже из Мантуи, при совмещении картины и ее зеркального отображения обнаружил проявляющиеся фигуры тамплиера и человека с ребенком на руках. Похоже, великий Леонардо оставил потомкам множество загадок.

Обитатели монастыря Санта Мариа делла Грацие давно покинули свою обитель. Рядом с входом в монастырь стоит киоск, где продаются буклеты с фотографиями, на которых фреска Леонардо — до реставрации и после. Здесь всегда много людей, и звучит разноязыкая речь — со всего мира едут туристы, дабы ощутить высоту Высокого Возрождения, прикоснуться к шедевру Леонардо, почувствовать трагизм слов Спасителя: «Один из вас предаст меня»...И, стоя перед знаменитой фреской, невозможно не думать об одиночестве человека в этом мире, о жертвенности, любви, предательстве и обмане, о неизбежности смерти. Но одновременно и о невыразимой красоте жизни и радости творчества, и конечно же, о подвиге реставраторов, сохранивших для нас творение великого художника, философа, ученого, титана Возрождения Леонардо да Винчи. □

СЕКС В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ («Sex and the City»)

Год выхода: 2008
Режиссер: Майкл Патрик Кинг
Жанр: комедия
Страна: США

Длительность: 148 мин.
В главных ролях: Сара Джессика Паркер, Ким Кэтролл, Кристин Дэвис, Синтия Никсон

Нередко хороший фильм порождает сериал, ибо зритель всегда ждет «продолжения банкета». В данном же случае мы наблюдаем продолжение популярного сериала в полнометражном варианте. Бесспорно, одноименная «мыльная опера» завоевала сердца многих подростков. И все благодаря фрейдовскому подходу. Картина не сулит ничего принципиально нового по отношению к сериалу: те же герои, ситуации, проблемы, только менее растянутые во времени и снятые на хорошем голливудском уровне. Фильм рассказывает о событиях, происходящих спустя четыре года после окончания последней серии. Жизнь героев не стоит на месте, каждый достигает каких-то целей или только пытается достичь. Сюжет, как таковой, отсутствует в принципе, то есть глобальных интриг, захватывающих и зрелищных ситуаций ждать не приходится. Юмор хоть и присутствует, но заливаться смехом не заставит, так, пару раз улыбнуться. Кстати, секса в прямом смысле в картине нет. Создатели вкладывают в это слово совершенно иной смысл, а ля мода, возраст, проблемы человека из современного общества, жизнь в большом городе и так далее. Несмотря на «сиквел», картина вышла самодостаточной и придется по вкусу непритязательному зрителю.

КУНГ-ФУ ПАНДА («Kung Fu Panda»)

Год выхода: 2008
Режиссеры: Марк Осборн, Джон Стивенсон
Жанр: комедия

Страна: США
Длительность: 91 мин.
В главных ролях: Джек Блэк, Дасти Хэффман, Анджелина Джоли, Йен МакШейн, Джеки Чан

Ну, вот, — со скукой задумается читатель, — очередной компьютерный мультфильм. На этот раз он ошибется, ибо впервые за долгое время на суд зрителей предлагают действительно стоящую картину по всем параметрам: сюжет, музыка, качество прорисовки и, без сомнения, море положительных эмоций от неудержимого смеха, хлопаний в ладоши до поросычьего визга. О новаторстве или революции в кинематографии речь не идет, но и вторичностью не пахнет. Во всем «виноваты» создатели, придумавшие забавных персонажей, интересные комичные ситуации, неожиданные повороты событий. Чего только стоит бой за пельмешку или то, что отец панды По — утка. Как и положено в «кунг-фуйских» картинах, сюжет закручивается вокруг героя, который избран для «боя века» ради спасения всего и вся, в данном случае, неуклюжий и вечно голодный панда. Обучить медведю мастерству восточного единоборства взялись великие воины: Тигр, Обезьяна, Богомол, Гадюка и Журавль. Естественно, он обучится, даже «хеппи-энд» гарантирован, но на то, как это произойдет, стоит посмотреть. Огромную роль сыграло приглашение на дубляж личностей с мировыми именами (Блэк, Хэффман, Джоли, Чан), а также музыкальный ряд авторства Ханса Зиммермана. Отечественный же дубляж вышел не менее звездным. Удачным решением оказался выбор Галусяна на роль панды. Набираем побольше воздуха в легкие и готовимся получать удовольствие. Заряд положительных эмоций обеспечен всем — от мала до велика.

ИНДИАНА ДЖОНС И КОРОЛЕВСТВО ХРУСТАЛЬНОГО ЧЕРЕПА

(«Indiana Jones and the Kingdom of the Crystal Skull»)

Год выхода: 2008
Режиссер: Стивен Спилберг
Жанр: приключения
Страна: США
Длительность: 140 мин.
В главных ролях: Харрисон Форд, Кейт Бланшетт, Карен Аллен, Шайа ЛаБаф

Ностальгия — мощная сила, но дело не только в ней. На протяжении всего фильма трио (Спилберг, Лукас, Форд) доказывает, что есть еще порох в пороховницах. Казалось бы, со времен выхода последней картины серии прошло, ни много ни мало, почти 20 лет, а настрой, дух, колорит, атмосфера такие, будто премьеры первых трех эпизодов прошли совсем недавно. Даже постаревший Форд выглядит не сильно изменившимся, что подливает масла в огонь положительных впечатлений. Возродить дух оригинальных картин помогло также возвращение актрисы Карен Аллен, сыгравшей давнишнюю возлюбленную Джонса. Сюжет строится вокруг черепа мифического существа, обладающего великим знанием, которое так жаждут заполучить враги в своих корыстных целях. Картина специально смонтирована и снята в духе приключенческих фильмов 30-х годов, что изначально подразумевает определенную наивность. Зрителя ждет динамичный, наполненный юмором, захватывающими сценами погонь, сражений, исследований древних гробниц фильм, выдержанный в классическом стиле и с характерным почерком создателей. «Да прибудет с вами сила!»

СПИДИ ГОНЩИК («Speed Racer»)

Год выхода: 2008
Режиссер: Энди Вачовски, Ларри Вачовски
Жанр: спорт

Страна: США
Длительность: 135 мин.
В главных ролях: Эмиль Хирш, Николас Элиа, Кристина Риччи, Джон Гудман

Еще один фильм-ностальгия, на этот раз по одноименному японскому детскому сериалу конца 60-х годов. Российский зритель его видел на телеканале «2x2» в начале 90-х. Тогда анимэ воспринималось как нечто диковинное и не обладало огромной популярностью. Ажиотажа по поводу новой картины тоже не наблюдается — просто проходной фильм. Создатели картины, семейный тандем Вачовски, стремятся воссоздать героев, атмосферу и зрелищность сериала до мельчайших деталей. Не обошлось без применения новаторских находок. Объективно, ранее никто не выпускал ничего подобного, тем не менее мировой прокат говорит сам за себя — абсолютный провал, ибо фильм едва окупил себя на треть. Основной упор на видеоряд, зрелищность, лихорадочный монтаж... к середине просмотра усталость гарантирована. Для взрослого картина интереса не представляет, а вот дети оценят ее по достоинству.

Кирилл ПОДОЛЯК

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Что нового?

В одной небольшой московской квартире более 15 лет живет целый звериный театр с семидесятью профессиональными артистами. А именно: носатый медвежонок куати (он же носуха Гуслик), дикобраз Влас, тукан кювье

Цирк

на дому

Рикардо, говорящий попугай Карлуша, медведица Глаша, восьмиметровый питон Антон, а также лама, енот, мартышки, гамадрилы, макака лапундер, бубуин, коза с козленочком, собаки, кошки, крысы, куры, утки, голуби... и крокодил. А руководит всем этим уникальным звериным действием бывший факир, достаточно известный во времена СССР, Александр Тетерин

Наш спектакль — это маленькое «кругосветное путешествие». Помогают нам в этом звери и птицы, собранные из самых дальних уголков планеты

Идея театра пришла из-за пробки

— Александр Трофимович, почему вы, будучи в свое время иллюзионистом московской филармонии, вдруг стали дрессировщиком? Ведь ваша профессия весьма далека от дрессуры...

— Действительно, дрессировкой животных я никогда профессионально не занимался. Но меня тянуло к ним еще с раннего детства, с тех пор, как в цирке увидел номер с тиграми знаменитой пары дрессировщиков — Марицы и Вальтера Запашных. К тому же я родился на улице Беговой, рядом с ипподромом. Два забора перелез, и ты там.

Мы, мальчишки, днями напролет не вылезали с конюшен — выезжали лошадей, учились ухаживать, находить контакт с ними. Есть и главная, на мой взгляд, причина, у меня был великолепный учитель, иллюзионист и дрессировщик, Виктор Алексеевич Мельников — человек, который научил меня любить сцену и животных... А дрессировщиком я стал так. Лет двадцать назад мы с женой Надеждой (к сожалению, ныне покойной) ехали в такси, минут сорок стояли в пробке и вдруг — р-р-раз! — озарило: нужен частный детский театр зверей и птиц. Даже название придумали сразу — «Артемон».

— Частный театр в начале восьмидесятых? Это же было нереально!

Для нас важно, чтобы мы не только жили одной семьей, но и выступали, как одна дружная семья

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

Братья меньшие

— Разумеется. Поэтому идею мы вынашивали долгие пять лет, с 1983-го по 1988 год, пока в стране не начались перемены, и была разрешена частнопредпринимательская деятельность. Все это время я продолжал работать на эстраде, а жена — в кино. В качестве второго режиссера она участвовала в съемках таких известных лент, как «Алые маки Иссык-Куля» и «Земля Санникова». И только с появлением первых кооперативов появился и наш «Артемон». Между прочим, нам выдали удостоверение под номером 17 — всего семнадцатая по счету негосударственная фирма в Москве. А главное — первый частный театр в СССР...

— Чем же он принципиально отличался от цирка? Размерами штатов и отсутствием склок?

— Когда мы с женой обсуждали эту идею, кажущуюся тогда чуть ли не бредовой, то задавали себе вопрос: что больше всего любят дети? Клоунов, фокусы и зверюшек! Так и возникла концепция нашего дети-

ща — мы сделали театр, в котором все это есть. К тому же он несет не только развлекательную, но и познавательную функцию. Наш спектакль — это маленькое «кругосветное путешествие». Помогают нам в этом звери и птицы, собранные из самых дальних уголков планеты. Они демонстрируют свои таланты, а мы рассказываем о дальних странах, где жили их предки. Но даже не в этом основное принципиальное отличие. Если вы бывали в цирке, наверняка видели такую картину: дрессировщик на арене работает с медведями, а ребенок в зале плачет. Почему? Потому что дети — натуры очень чувствительные, особенно к фальши. Глядя на трюки, они четко улавливают отношения между человеком и животным, и сразу понимают, если что-то не так. Поэтому для нас важно, чтобы мы не только жили одной семьей, но и выступали, как одна дружная семья. Уже после первых гастролей я понял: нам удалось уловить и передать

зрителям необходимый для понимания домашний тон, очень добрый и душевный. Удивительно — представление идет полтора часа, а около тысячи детей сидят, как завороченные...

Под знаком Козы

— Начиная с 90-го года, мы прочесали на своем стареньком «ЛиАЗике» всю Россию вдоль и поперек. Только за один год исколесили Заполярье, Кольский полуостров, Карелию, отработали в Питере, Москве, Ростове-на-Дону, объездили все побережье Черного и Азовского морей. Четыре с половиной месяца гастролировали в Париже, объездили 16 городов Франции.

Сначала делали спектакль на двоих — Надежда была ведущей, а я работал на сцене. Потом, когда количество зверей увеличилось и театр

дился 10 ноября — в день работников милиции, и в этот же день пришел к власти Джордж Буш-старший. Поэтому никак не могли решить, как его назвать — Ментом или в честь Буша. Выбрали второй вариант — зачем мальчика связями с милицией компрометировать! Жорик был у нас не только первый, но и самый старожил — 16 лет честно выполнял свою собачью работу. По молодости крутил сальто, делал пируэты, восьмерки, брал барьеры. Последние годы, даже будучи пенсионером, полубольной, слепой, и то работал в фокусах. К сожалению, несколько лет назад его не стало... И тут же неожиданное пополнение — родился козлик Остап. Остап Ибрагимович родился на Крещение. Его мама Белочка в Новый год ездила со мной выступать в мэрию, по ресторанам, фотографировалась, никто и не подозре-

Я считаю, что, если после наших спектаклей хотя бы один человек вынесет с собой каплю доброты, это уже победа. Если хотя бы один ребенок станет честнее и коммуникабельнее — это тоже победа. Ведь надо помнить, что дети — это завтрашние взрослые

стал разрастаться, появилась одна партнерша, вторая, два ассистента, служащие по уходу за животными. Доходило до того, что у нас в штате было до ста артистов, не считая... людей. Потом мы пережили огромное горе — безвременно скончалась моя супруга. Но, к счастью, остались сподвижники, просто преданные животным люди. Сейчас всеми делами театра занимается профессионал высшего класса и мой большой друг Вера Федоровна.

— Кто был самым первым актером труппы?

— О! Первым был всеобщий любимец — карликовый пинчер. Он ро-

вал, что она — на сносях. А потом — раз — и родила.

— Может, нагуляла в ресторане от какого-нибудь...

— Козла? Ха-ха-ха! Возможно. Там их было больше, чем достаточно.

Бандиты получают дырку от бублика

— Считается, что царь зверей — лев, самый хитрый зверь — лисица, трусливый — заяц и так далее. Кто, по вашему мнению, самый умный, самый талантливый на сце-

Я всегда говорю детям: прежде, чем завести животное, обязательно подумайте, нужно ли оно вам. Надо помнить одну аксиому: если вы купили обезьяну и выпустили ее не в вольер, а в комнату, то скоро сами будете жить в обезьяньем вольере...

не, а кто не поддается дрессировке вовсе?

— Приведу пример. У меня жили куры. Как-то захожу в курятник, и вдруг меня как по голове огрели — замечаю, что у каждой курицы — свое лицо. Конечно, отличия небольшие, но они есть. Так и любое животное никогда не повторяется — ни внешностью, ни повадками, ни талантами. Господь Бог всех наградил индивидуальностью как внешне, так и внутренне. Например, считается, что собаки шикарно поддаются дрессуре. А у меня были неподдающиеся. Была изумительная собачка породы шицу, но она «сказала» примерно так: «Ребята, идите к черту вместе со своим театром! Не-хо-чу!» И пошла спать. А с медведицей сколько мы бились! Красоты неписаной, умница, но не идет у нее ничего. Пришлось отдать... А еще была кошка, звали Кошмара — просто гений импровизации! Все свои номера придумывала сама, а больше всего обожала, когда ее снимали на камеру. На обычной репетиции прыгнет пару раз через кольцо с тумбы на тумбу, потом ложится — отдыхает. Говорю: «Вставай!» А она, мол: «Не-а...» Настоящая актриса. Зато увидит камеру — только держись! Помню, в Париже нас пригласили на ток-шоу, в одну из самых популярных передач. В номере участвовали ёжик ушастый, енот, носуха, Кошмара и огромный ручной орел «могильник». Выхожу в русском костюме с орлом на

руке, он как взмахнет крыльями — все просто обалдели. И тут пошла накладка за накладкой. Ёжик укусил за палец одного из ведущих, а другие двое, бурно радуясь, что не их, чуть не пустились в пляс. Прямой эфир, камер пятнадцать работают, вокруг — куча народа. В этот момент Кошмара увидела устремленные на нее объективы. Что тут началось! Загнала енота с носухой на тумбы. Они прыгали, скакали, кувыркались, а она «рулила» этим процессом. Был полный фурор! На следующий день прихожу в магазин, мне говорят: «Месье, месье, я вас видел по телевизору. О ля-ля! Кошмар, Кошмар!» Так Кошмара покорила Париж.

Что касается «царя зверей», то люди вообще склонны очеловечивать в окружающей природе свои слабости, свое общественное устройство перекладывать на животный мир. Мол, не мы одни такие придурки. А на самом деле этот мир гораздо демократичнее и правдивее, чем наш. И гораздо справедливее. Хотя и более жесток — так уж природа устроена, выживает сильнейший.

— Александр Трофимович, любой частный бизнес подразумевает такие понятия, как бандиты, наезды, крыши и так далее. Если честно, лично вам приходилось сталкиваться?

— Никогда! Да и что с меня взять-то?! Допустим, заработал я бублик. Разрезал на части и раздал всем животным. Тебе отдам дырку. Устроит? По-моему, нынешние бандиты за дырку мараться не будут.

— Насколько у нас распространена нелегальная торговля «живым» товаром?

— Еще как! Мое правило: никогда не пользоваться услугами «черных» торговцев. Во-первых, у них — запредельные цены, во-вторых... в общем, покупаю только в зоопарках.

— А как вы относитесь к моде последних лет держать дома таких экзотических, в сущности, домашних животных, как крокодилы, медведи, тигры, ядовитые змеи?

— Я всегда говорил детям: прежде, чем завести животное, обязательно

подумайте, нужно ли оно вам. А что говорить взрослым? Есть желание и возможность содержать их, пусть держат. Может, сами лучше станут от общения со зверюшками. Но надо помнить аксиому: если вы купили обезьяну и выпустили ее не в вольер, а в комнату, то скоро сами будете жить в обезьяньем вольере. Она быстро установит свои порядки...

Теперь пчелы знают, как им роиться

— Известно, что классическая методика воспитания у дрессировщиков такова: кому — пряник, а кому — и увесистый кнут...

— Вас интересует, не бью ли я их? Вы знаете, как воспитывает самка шимпанзе своего детеныша? Обильными тумаками по поводу и без. А наш бубун что-то не производит впечатления пришибленного.

Я не так давно участвовал в одной телепередаче и сказал, что нам не-

обходим закон о содержании животных в городских условиях. В США, например, он принят на федеральном уровне. Попробуй нарушить пункт о температурном режиме в доме, вытяжке или — не дай Бог — ударить зверя. Не обрадуешься! А у нас такой закон городская Дума до сих пор не приняла. Зато Госдумой (!!!) принят «архиважный» закон о перемещении и роении пчел. Куда они летят, за чем, как им надо роиться...

— А кто самый дорогой артист в театре?

— Они все для меня дорогие, потому что в каждого столько вложено сил, времени и денег на содержание, что оценить их только материальными ценностями я не могу. Как можно подобрать денежный эквивалент к латиносу тукану Кювье (если его можно увидеть только в зоопарке, а чтобы он работал на сцене — нигде, кроме нашего театра)? Или к носухам, кенгуру, бабуинам — большой редкости на эстраде?

— Если бы вы писали книгу мемуаров, какие комические или тра-

гикомические случаи из жизни театра туда вошли бы?

— У меня один раз медведь убежал со сцены за кулисы. А там репетировал наш клоун, толстый-претолстый. Увидел он медведя и с испугу прыг — как сиганет на стол. Спиной! Я ему потом говорю: «Лень, я тебе литр поставлю, сделай еще раз». Не смог. А самый смешной случай был, когда мы возвращались из Франции. На польской границе вошел поляк таможенник и давай разглядывать нашего попугая ару. Тот как выпалит: «Ур-род! Ур-род, урр-рррод!!» У меня аж сердце ёкнуло. Ну, думаю, сейчас этот пан нам устроит. А таможенник только улыбнулся: «Умна птица — по-польски разумеет!» Потом я узнал, что «урод» в переводе

У медведицы отняли титул «Мисс ОРТ»

— Аналоги вашему театру в России есть?

— Как вам сказать... Халтурщиков много, качества мало. Корней Иванович Чуковский говорил: «Для детей все нужно делать так же, как и для взрослых, только лучше». А сейчас столько, как я их называю, цирковых трупп-пираций развелось, что прохождению не стало. И с ними практически невозможно бороться. Работают почти по одному сценарию: дают рекламу, где обещают привезти в любую точку страны, к примеру, жирафа или африканских львов, хоть черта лысого, а привезут полу-

Мое настоящее богатство заключается в театре, а хозяйство держится на таком зыбком нулевом балансе, что иногда подкрадывается неуверенность в завтрашнем дне

означает «красота, красивый». Самое удивительное, что никогда, ни до, ни после, этот попугай слова «урод» не произносил...

Еще была забавная история с другим попугаем. В Калининградском зоопарке я купил огромного говорящего красавца, стоил он очень дорого, по тем временам за эти деньги можно было купить новые «Жигули». Однажды мы вышли во двор подышать воздухом, а он как вспорхнет с руки. Зову — не откликается. Меня чуть кондратий не хватил. Улетел! Обшарил каждый куст, облазил всю округу. Никто его не видел, не слышал. Расстроился, конечно, ужасно. Возвращаюсь и думаю: как же теперь выступать без него? Вдруг отчетливо слышу: «Ррр-ручку давай!» Сидит, голубчик, как ни в чем не бывало, на асфальте и протягивает лапку: «Ррр-ручку, ррр-ручку давай!»

дохлого питона и такую же обезьяну. Труппа набирается так: умеешь подкидывать два шарика — жонглером будешь. Потом они проносятся по региону, как саранча — живого места не остается. Ехать по их следам бесполезно — обманутые люди еще долго никуда не пойдут.

— Неужели в таких труппах нет настоящих профессионалов?

— Безусловно, есть! Есть великолепные дрессировщики — Борис Майхровский, у него сейчас изумительная программа с морскими львами, пингвинами, есть Боря Федотов — у него цирк «Радуга» на ВВЦ, Комиссаров Андрюша. Тот же Юрий Куклачев — просто гений, особенно, когда говорит свою знаменитую фразу: «Кошка не дрессируется!» Когда впервые увидел в цирке на Цветном бульваре номер «Тигры без сетки», я был просто потрясен.

Как можно не восхищаться: три здоровенных тигра бегают в сантиметрах от партера, рыча, выполняют сложнейшие команды и...

— Зрители целы!

— Они даже не чувствуют страха, настолько номер захватывает.

— В каждой театральной труппе обязательно есть свои звезды, примы, на которых, что называется, ходят. А у вас?

— Прима номер один — это наша медведица Глаша. Она — звезда канала ОРТ, участвовала во многих телевизионных программах. Вальжная такая девушка, любит публику, с народом потусоваться. А как танцует! Катается на самокате, собирает грибы... Другая телезвезда — Карлуша, попугай ара. Снимался везде, где только можно. Последний его хит — реклама йогуртов. Видели? Дети на пароходе уплетают йогурты, а Карлуша сидит на плече у капитана и кричит: «Эррр-мигут! Эррр-мигут! Безупррр-речен от прр-рироды!»

— Интересно, сколько Карлуша заработал в общую семейную копилку?

— Коммерческая тайна! Остальные тоже много снимались — в передачах

«Пока все дома», «Что хочет женщина», «Доброе утро», «В мире животных». Почти все — и обезьяны, и попугаи, крокодилы, еноты, носухи — были героями около сорока выпусков «Спокойной ночи, малыши».

— А «большое кино» обошло вас стороной?

— Ни в коем разе! Не так давно наши артисты снимались у самого мэтра отечественного кино Александра Митты в его картине «Лебединый рай», где все трюки с лебедями поставлены нами. Пока мы репетировали, с нами связался никто иной, как знаменитый Кшиштоф Занусси. Предложил серьезную работу. Его лента в рабочем варианте называется «Персона нон грата», и там, судя по всему, работы нашим питомцам будет выше крыши...

Сокровища старого дрессировщика

— Какую самую большую аудиоторию вы собирали?

— Самую большую не назову, а вот самая необычная была в Бобруйске, в восьмидесятые годы. В набитом до отказа зале, уж не знаю, как поместились, но сидели и стояли тысяч десять ... ззков. Они работали в закрытой зоне местного шинного завода и, судя по всему, их привели прямо из цехов, потому что лица были черными-черными, одни только зубы белели.

Буквально позавчера мы с собаками, кошками, енотом, носухой и Глашей выступали в обычной городской квартире. Зрители — человек пятнадцать взрослых и трехлетний мальчик. Я рассказывал, в каких странах эти животные водятся, пока-

зывал, что они умеют, отвечал на вопросы. И не знаю, кто от увиденного больше удовольствия получил, взрослые или ребенок.

— **И сколько стоит пригласить вас к себе домой?**

— Не буду называть расценки, а то меня коллеги побьют! Понимаете, есть рынок и правила игры на этом рынке. Поэтому все стараются держать определенную ценовую планку. Кто-то берет меньше, кто-то — больше, кто-то беспредельничает, старается хапнуть. Плюс агентства, через которые мы работаем, делают свои накрутки. Лично я работаю и через агентства, и через свою фирму, а также имею свой сайт в интернете.

Когда работаешь с животными столько лет, это уже даже не считается работой, а как бы входит в ткань твоей жизни. Честно скажу: я не был в отпуске 16 лет, за эти годы у меня практически не было даже выходных. Согласитесь, нормальный человек так жить не будет.

— **То есть вы считаете себя немножко... не от мира сего?**

— Безусловно. Конечно, я не совсем сумасшедший, но, с точки зрения нормального обывателя, это нечто очень близкое по смыслу.

— **Вы хотите сказать, что работаете не ради денег?**

— Конечно, нет!

— **А если бы театральное хозяйство было убыточным?**

— Оно и есть убыточное! Если вы думаете, что за эти 14 лет я стал безумно богатым, построил шикарный особняк, купил недвижимость за границей, завел автомобильный парк, то это далеко не так. Единственное, что мы заработали, — денежный президентский грант как лучшему театру России и звание заслуженных артистов. К врученным лично министром культуры 15 тысячам долларов добавили все свои сбережения и купили двадцатичетырехметровый гастрольный автопоезд «Мерседес», в который помещаются и животные, и оборудование. Так что, все мое настоящее богатство заключается в театре, а хозяйство держится на таком зыбком

нулевом балансе, что иногда подкрадывается неуверенность в завтрашнем дне. Честно говоря, я сам до конца не знаю, как мы выживаем...

Если раньше ставили огромные спектакли, собирали большие манежи, стадионы, то теперь переходим на более мелкие формы работы. Берем из спектакля отдельные номера и делаем маленькие праздники для детей. Сейчас стало модно приглашать домой артистов. И мы ни от чего не отказываемся — что поделаешь, жизнь застывает.

— **И последний вопрос. У большинства артистов есть заветная вековая роль, которую он мечтает сы-**

нашего спектакля хотя бы один человек вынесет с собой капельку доброты, это уже победа. Если хотя бы один ребенок станет честнее или коммуникабельнее — это тоже победа. Поэтому если такой Центр по экологическому воспитанию когда-нибудь удастся сделать, главной его задачей будет оградить детей от всей грязи, накопленной человечеством, помочь оглянуться вокруг и задуматься, правильно ли мы живем. Надо помнить, что дети — это завтрашние взрослые. □

Беседовал **Алексей РЯЗАНКИН.**

Фото **Игоря КАРАСЕВА**

грать на том или ином этапе своей жизни. О чем мечтает заслуженный артист России Александр Тетерин сегодня?

— Я мечтаю открыть Центр по экологическому воспитанию детей. Не под детей, а для детей. Ведь очень много ребятшек хотят серьезно заниматься дрессурой, изучать животных, черпать от них те замечательные качества, которые, к сожалению, во многом человеком утрачены, заниматься экологией. Я недавно с удивлением узнал, что, оказывается, Москва стоит на сто сорока четырех больших речках, не считая малых. А что мы о них знаем? Конечно, я понимаю, это не панацея от таких заболеваний общества, как детская проституция и наркомания, потому что эти болезни — больше социальные, но всегда считал: если после

МЫ ВСЁ ЕЩЕ — ХОМОЗАВРЫ...

Сергей КАЛЕНИКИН

Им, казалось бы, подвластно невозможное. Они — прозорливцы, преодолевая барьеры времени, сопresentствуют будущему, как настоящему. Это люди с особой печатью Небес. Они — в контакте с «Реальностью Высшего плана», энергоинформационным полем Земли, Космоса, где, как утверждает, в той или иной форме запечатлен каждый миг Космобытия, где одновременно пересекаются Прошлое, Настоящее и Будущее...

Члену-корреспонденту Международной Академии экологии и природопользования, биологу Вячеславу ПЛОХОВУ удалось не только «проникнуть» в иные пласты энергоинформационного поля, не только открыть алгоритм эволюции, но и заглянуть в немислимые глубины Вселенной, где и открылась невообразимая пляска человеческих перевоплощений...

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Смена представлений

ТРИЛЛИОНЫ ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

По утверждению Вячеслава Плохова, он сумел открыть заветный алгоритм эволюции. Это тот самый золотой ключик, с помощью которого открывается весь ход развития живой и неживой материи, причем, возможно, как «снимать» информацию с давно ушедших времен, так и прогнозировать грядущее, и — достаточно точно. Это — отнюдь не откровения под Нострадамуса, а расчеты.

— И рассчитать, в принципе, можно что угодно — к примеру, модель зарождения и развития нашей Солнечной системы, — поясняет Вячеслав Плохов. — Удалось установить, что поначалу наше Светило представляло собой черную дыру, которая, подобно аккумулятору, за-

Понятно: чем дальше от Солнца планета, тем она старше, и наоборот...

Но оказывается, по тем же законам зачиналась и развивалась Жизнь.

Мы знаем, что самая благодатная для нее ниша — была и есть третья от Солнца орбита (наша Земля), на ней-то первым и оказался Плутон, на котором впервые и зародилась Жизнь по знакомой нам со школьной скамьи схеме: после примитивных одноклеточных появились колонии многоклеточных, а после них — более развитые биоформы. И, в конце концов, на вершине эволюционной пирамиды оказались растения, животные и высшее разумное существо — гомо сапиенс — Человек Разумный.

По мнению Вячеслава Плохова, первые люди объявились именно на Плуtone! Отличались ли они от нас? И да, и нет. У них было такое же клеточное строение, однако на антропологические, физические данные человека влияют масса, скорость вращения, прочие характеристики планеты, поэтому обитающий на Плуtone человек отличался и ростом, и массой, но интеллект — тот же — земного уровня. И на Плуtone же возник первобытнообщинный строй. Но на нем все и закончилось, ибо случился естественный общепланетарный катаклизм — Плутон, пройдя свой временной этап, переместился на следующий круг — на орбиту, где сейчас пребывает Марс, то есть вышел из зоны жизни...

На мой вопрос, когда именно первобытный человек появился на Плуtone, В. Плохов выдает шокирующий ответ: триллионы лет назад... Не слабо.

ПРОШЛОЕ УЖЕ ВПЕРЕДИ, А БУДУЩЕЕ БУДЕТ ...

Стремясь не только понять свое прошлое, но и найти себя в настоящем — будущем, человек не раз пытался раскрыть тайну происхождения жизни и разума на Земле. Однако пронзить многовековую или даже

многомиллиарднолетнюю пространственно-временную мглу — дело не легкое. При всех успехах науки, наше мышление еще во многом консервативно, мы то и дело оказываемся в сетях ложных или тупиковых теорий. И примеров тому — уйма: известно, с какими муками рождалась и развивалась гелиоцентрическая система, которую ныне мы воспринимаем как очевидную данность. А вспомним трагическую судьбу профессора А. Чижевского, с каким трудом утверждалась его гелиобиология...

Да, это уже дела прошлых лет. Но все ли предрассудки и заблуждения мы преодолели? Отнюдь. Ведь до сих пор утверждается, что Жизнь, во всем ее многообразии, возникла здесь, на Земле. Причем как бы вдруг,

ненароком, случайно. Между тем еще академик В. Вернадский полагал, что многие естественнонаучные факты характеризуют жизнь, живое вещество и биосферу как «космическое, не специально земное явление» и отодвигают возникновение и развитие жизни в более далекое космическое прошлое, нежели известные науке сроки существования Земли и человека. Казалось бы, учение о Биосфере как планетной форме организации жизни, являющейся закономерной частью космической организованности, и должно нас в мыслях продвинуть дальше, вывести на качественно иные законы Мироздания и развития.

А мы до сих пор не в силах понять, в какой же Вселенной живем, как

Алгоритм эволюции — это тот золотой ключик, с помощью которого открывается весь ход развития живой и неживой материи

рядившись необходимой энергией, вспыхнула звездой. Представьте себе расходящиеся круги от брошенного в воду камня. Так и Солнце, эволюционируя, с определенной цикличностью отторгало от себя внешние слои, из коих — одна за другой — творились планеты. Поначалу появился Плутон, Нептун, затем — Уран, Сатурн, Юпитер... И никакой путаницы в этом строе нет. Дело в том, что, скажем, Плутон в свое время находился на орбите Меркурия, но через некоторое время переместился на нынешнее место Венеры, а затем — на орбиту Земли, Марса и так далее, достигнув своего нынешнего положения. То есть при рождении новой планеты происходил сдвиг на одну орбиту. В той или иной мере этот путь прошли и все другие планеты.

По мнению Вячеслава Плохова, первые люди объявились именно на Плутоне! Отличались ли они от нас? И да, и нет

она обустроена. На сей счет — десятки гипотез! Где и в чем истина? Как одно соотносить с другим? На что ориентироваться? К тому же пытаемся описать Вселенную, не зная, кто мы такие! Давайте сначала и зададимся вопросом: кто мы, откуда и зачем?

Представим себе некую кинолентку, на которой запечатлена вся история возникновения и развития Вселенной, галактик, солнечных систем, планет и жизни. История же многих тысяч лет нашего существования на Земле вмещается всего лишь в один кадр... Но перед и после него миллиарды миллиардов других кадров, и в каждом из них — своя историческая, палеонтологическая или планетная Эра. Мы — где-то посередине. И, увы, находясь внутри своего кадра, мы не можем заглянуть в соседний, ибо не в силах преодолеть существующие непроницаемые для нас границы. Чтобы просмотреть со стороны эту пленку — нужно быть бессмертным. И только с помощью «кривых зеркал» науки и религии мы видим смутные изображения наших предков и некоторые фрагменты более далекого

нашего прошлого, на чем и строим предположения о своем происхождении, жизни и смерти, настоящем и будущем. Изучая физико-химические составляющие «кинолентки» (в частности, ДНК), мы пытаемся понять свои истоки через биохимию, генетику, микробиологию.

Вечная, как мир, проблема, и вечные, как мир, вопросы: курица или яйцо, бытие или мышление? На каждом этапе своего развития человек ставил эти же вопросы, чему есть многочисленные свидетельства... Но ни решить проблему, ни ответить на вопросы так и не смог... Что же мешало и мешает ему это сделать? Неспособность или недостаточная тренированность мысли? А может быть, повседневная забота о хлебе насущном, ради которого человек способен проявить удивительную изобретательность в борьбе с природой и даже со своим ближним? Или все же консерватизм мышления, постоянно подпитываемый ложными теориями? Если попытаться охватить мысленным взором ту часть пройденного исторического пути, которую только способны охватить, мы легко заметим, что верно и первое,

и второе, и третье. Почему же, если мы видим и осознаем, что идем по ложному пути, мы продолжаем идти по нему, неумолимо приближаясь к опасной черте? Для того ли природа миллиарды лет лепила человека, чтобы он за несколько тысяч лет своего существования уничтожил и себя, и планету, его породившую?

Только поставив перед собой такие глобальные вопросы, можно попытаться рассмотреть их по существу и, насколько это возможно, найти способы решения. Отправной точкой решения глобальных проблем мирового развития — экологической, энергетической, демографической и других — является учение о биосфере как планетной форме организации жизни, являющейся закономерной частью космической организованности, а также о неизбежном переходе биосферы в ноосферу.

При Копернике люди не могли привыкнуть, что Земля вертится вокруг своей оси, что она вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Наблюдая, как Солнце восходит на востоке и движется по небосводу к западу, они не замечали движения Земли, видимое только из Космоса. На процесс освоения научной мыслью этого астрофизического факта (ныне столь элементарного) ушли столетия.

Сегодня, подобно коперниканской революции в представлениях о Земле, рухнул другой, державшийся тысячелетиями, геоцентрический догмат науки, — о только земном и, к тому же, случайном происхождении жизни. Мы подошли к такому моменту, когда математика бессильна, а физика бесполезна в оковах старой математики для описания движущейся реальности Вселенной — явлений жизни и человека. Все говорит о том, что мы — на грани нового качественного скачка в освоении природы, законов мироздания и развития.

В. Плохов, на основе имеющихся разработок и расчетных данных, с уверенностью может утверждать, что в реальности существует совершенно иная картина мира, нежели та, на которой до сих пор зиждется наше

мышление и практика, и в этой истинной картине природных законов развития, только начинающей открываться мысленному взору, человек и все живое прошло многопланетные стадии эволюции от низшего к высшему в пределах Солнечной системы и галактики. Люди не могут представить себя в положении наблюдателя, охватывающего своим взором триллионы и триллионы лет, и все этапы эволюции материи от низших до высших форм и человека.

На сегодняшний день существуют сотни моделей Вселенных, моделей мироздания и т.п., но нельзя сказать, какая из них отвечает критерию истинности. Вернее, можно сказать, что никакая из них не отвечает этому критерию.

И все же моделирование эволюционных процессов позволяет не только посмотреть со стороны на отдельные кадры кинолентки истории

Происхождение жизни, живого вещества и человека есть многопланетный, многоступенчатый космический процесс эволюции материи планет Солнечной системы и Вселенной

Мы подошли к такому моменту, когда математика бессильна, а физика беспомощна для описания движущейся реальности Вселенной — явлений жизни и человека. Все говорит о том, что мы — на грани нового качественного скачка в освоении природы, законов мироздания и развития

сотворения и развития мира, но и прокрутить ее с нужной скоростью и в определенном алгоритме: чтобы увидеть развитие галактик, солнечных систем, планет и жизни на них, в движении и динамике, чтобы почувствовать запах вымершего цветка и услышать рев динозавра, и даже выявить «рецепт» самой «пленки»... Что позволяет это утверждать? Во-первых, расчетные данные моделирования, в том числе хронологии происхождения и эволюции жизни и общества на Земле, в истории Солнечной системы и Космоса; во-вторых, методика экспериментальной проверки расчетных данных — различных процессов, событий, явлений, в том числе касающихся космических объектов, удаленных во времени и пространстве, — основанная на знании природных законов развития органической и неорганической материи, в-третьих, знание законов сохранения информации и ее количественно-качественных преобразований в информационном круговороте природы и общества, а также использование выявленного на базе моделирования единого алгоритма развития как инструмента анализа и прогнозирования прошлого, настоящего и будущего.

О едином алгоритме сегодня можно говорить как о состоявшемся факте, который дает цепную реакцию ответов на бесконечное множество вопросов, веками волновавших че-

ловечество и повергавших в отчаяние своей абсолютной непроницаемостью. Одним из таких главных мировоззренческих вопросов, ключевых в развитии науки о жизни, бесспорно, всегда была проблема происхождения жизни и разума на Земле и во Вселенной. Сегодня можно уже с полной уверенностью сказать, что такой проблемы больше не существует. Матрично-периодический закон эволюции справедлив во всех «уголках» и для всех точек Вселенной, и наша Солнечная система, и Земля, в частности, не являются исключением из правил. Не гипотезы, а расчеты на основе природных закономерностей развития указывают, что происхождение жизни, живого вещества и человека есть многопланетный, многоступенчатый космический процесс эволюции материи планет Солнечной системы и Вселенной...

В основе эволюционной теории развития природы, человека и общества — научные доказательства эмпирических обобщений академика В. И. Вернадского о «космичности, всюдности, вечности, вселенскости и безначальности жизни» и выдвинутая им теоретическая возможность «не специально земного, космического происхождения жизни». Изучение биосферы как «планетной формы организации жизни, связанной с космической организованностью», а жизни как космического явления Вернадский считал началом «эры точных знаний о природе, человеке, истории», стартом новых, небывалых прежде научно-технических возможностей цивилизованного человечества. Предвидения ученого оказались пророческими. Данные разработанных автором эволюционной теории развития природы, человека и общества и основ космического учения о живом веществе и биосфере получены путем расчетов и дают совершенно новую картину мира и науки, принципы новых социальных технологий экобезопасной жизнедеятельности. Матрично-аналоговый метод анализа и прог-

нозирования апробирован в расчетах прошлого — в восстановлении событий истории Земли, в том числе выявлении причин так называемого. вымирания и смены видов биосферы и исторических циклов человечества, а также в расчетах настоящего и в различных прогнозах будущих природно-социальных ситуаций.

Разработан инструмент получения знаний и информации не гипотетических и вероятностных, а путем точного расчета и прогноза в любой области, интересующей пользователя, в том числе в прошлом, настоящем и будущем. И этот инструмент позволяет, в частности, уже сегодня начать разработку оптимального поведения социума и всех его структур как по отношению друг к другу, так и к природе в целом. Не зная прошлого, нельзя ориентироваться в настоящем, а не понимая процессов настоящего, нельзя строить будущее — такое будущее всегда будет катастрофичным и неожиданным... Сегодня основа будущего — космическое учение о природных законах развития жизни и человека.

Материя нашей Солнечной системы, прежде чем достичь сегодняшнего уровня развития, эволюционировала многие триллионы лет в различных частях Вселенной и нашей Галактики. И наша материя, пройдя все стадии развития материи Галактики и Вселенной — от космического вакуума, пылевых туманностей, черных дыр, планет и комет до сегодняшней стадии развития, — в нашей информационной матрице хранит всю эту память в законсервированном виде.

Постепенно человек, а именно мы и все живое, поднимая с одного планетного этапа на другой, более высокий по уровню развития. И так до тех пор, пока не оказался на Земле. Но, прежде чем родиться как земляне, мы, как и на предыдущих планетных этапах, повторили в краткой и быстрой форме биологические ступени развития в палеонтологическом прошлом, а затем и

социальные в историческом прошлом. Таким образом, мы прошли семь планетных этапов развития социума, в том числе и ступень Фаэтона, который мы разрушили (на Земле мы этот период закончили повторять в 1945 г.). В конце 2003 — начале 2004 мы закончили повторение этапа Марса и вступили на восьмой планетный этап развития — пока мы еще социальные эмбрионы, или «хомозавры». И не только мы — все живое вещество биосферы находится в конце планетного эмбриогенеза. Но в недалеком будущем все начнет изменяться — увеличится продолжительность жизни, уменьшится продолжительность сна, будут постепенно происходить другие биологические изменения (в частности, биоритмов человека). В течение более тысячи лет мы будем отрываться от пуповины биосферы Земли, приобретая (осваивая заново) опыт прошлых планетных этапов. Мы получим и материализуем за это время все знания, накопленные нами за триллионы лет существования, в том числе в области информационной энергетики, управления гравитацией и многое другое. Новые определения информации и энергии дают совершенно иной взгляд на понимание сути вещей, в частности, в переводе вечного тандема «человек — природа» из паразитического (со стороны человека) в симбиотический. Итак: ИНФОРМАЦИЯ есть записанное движение. ЭНЕРГИЯ есть аккумулированное движение. Принципиальные отличия информации от энергии: при воспроизведении (!) информации с носителя воспроизводятся только свойства движения (звук, изображение, в будущем, возможно: свет, тепло, холод) без разрушения носителя. Энергия же высвобождается (но не производится!) при деформации или расщеплении носителя, то есть то, чем мы сегодня занимаемся в энергетике, есть расщепление материи (или ее разрушение) — чтобы получить свет, тепло, возможность передвижения в пространстве. Знание при-

Одним из главных вопросов в развитии науки о жизни всегда была проблема происхождения жизни и разума на Земле и во Вселенной. Сегодня можно уже с полной уверенностью сказать, что такой проблемы больше не существует

роды энерго-информационных процессов даст выход на управление термоядерным синтезом, создание информационной энергетики, информационной медицины, нового вида транспорта, передвигающегося во всех средах пространства, на решение проблемы жизни и смерти, долголетия, омоложения и многое

межцивилизационные), палеонтологические, планетные и многие другие. То есть барьеры памяти и есть те границы между кадрами «киноплёнки» сотворения мира, через которые мы не могли до сих пор заглянуть в соседние кадры. Таким образом, знание о существовании барьеров памяти и матричном характере нашего пространства даёт нам механизм преодоления существующих границ пространства-времени, и мы можем сегодня уже точно сказать: КТО МЫ И ОТКУДА... Можем представить научные, расчетно-экспериментальные доказательства справедливости древних эзотерических учений «посвященных» Египта и Индии, которые говорили, что «индивиды, составляющие нынешнее человечество, начали свое человеческое существование на других планетах, что человек прошел «семь планетарных циклов эволюции» и ступит на восьмой на Земле, и «что наступит момент, когда человечество перейдет на другую планету, чтобы начать там новый цикл эволюции».

Наука и религия, по сути, говорят об одном и том же. Из текста Священного писания явствует, что древние библеисты знали о планетных ступенях эволюции жизни, их повторяемости и в условной форме донесли эти знания до нас. Так, Библия, в частности, гласит (Откровения Иоанна Богослова): «Первое воскресение» или начало возрождения человечества наступит тогда, когда будет раскрыта тайна семи звезд и семи светильников и открыта «книга жизни», написанная «отвне и изнутри», и сняты с нее семь печатей (краткое повторение семи планетных и солнечных циклов — на Земле это семь циклов социального эмбриогенеза).

Сегодня мы можем выполнить завет наших «предков» (вернее нас самих), владевших этой информацией, — наше будущее зависит от знания нашего прошлого и корней своего происхождения.

Древние говорили: «Что вверху, то и внизу». Развивая эту мысль,

другое. То есть, кроме всего прочего, мы сегодня можем констатировать тот факт, что информация неунитарна, значит, биологическая смерть не является смертью информационной. Смерть — это полная консервация информации: один из главных барьеров памяти. Сон — частичная консервация информации. Жизнь — расконсервация новой информационной матрицы, которую мы интуитивно называем душой. Жизнь и смерть, бодрствование и сон — как активные и пассивные циклы — характерны для всех природных явлений и процессов.

Итак, если все объекты Вселенной имеют границы жизни и смерти, бесконечное множество пассивных и активных циклов и соответствующее число консервации и расконсервации информации, это значит, что каждое рождение и смерть объектов сопровождается прохождением через барьеры памяти. Поэтому и каждый из нас, только родившись, терял память о своем эмбриональном прошлом. Границы барьера памяти у человека достигают 2,5—3 лет, и мы не помним себя ни в эмбриональном прошлом, ни в младенческом возрасте.

Кроме того, существуют барьеры памяти исторические (в том числе

можно сказать: «То, что мы заложили в прошлом, проявляется в настоящем».

И это правило касается не только затронутых вопросов, а абсолютно всего спектра наших «подвигов» в прошлом, плоды которых мы будем пожинать (и пожинаяем) в настоящем. И если не примем превентивных мер, то и в будущем, которое мы уничтожаем сегодня.

НЕ ВСЁ ПЛОХО У ПЛОХОВА

— Вячеслав Иванович, о будущем вы знаете больше других. Поделитесь, что нас, информационных матриц, измученных всяческими переключениями, ожидает впереди? Скажем, можно ли как-то подправить нашу программу жизни, дабы продлить свое время пребывания на Земле?..

— Видите ли, мы все еще социальные эмбрионы, много не знаем, не понимаем, не умеем, не осознаем. Конечно, продолжительность жизни человека увеличится, но не сразу. В течение века она, увы, останется на нынешнем уровне. А в третьем — четвертом тысячелетиях возраст людей достигнет двухсот — трехсот лет.

Познав законы жизни, мы научимся управлять информационными потоками — наполнение «смертельной» емкости в значительной степени будет регулироваться человеком.

Видимо, ускоренные темпы развития, всяческие достижения наук и само время, которое будет работать на «сжатие», как-то отразятся на внешнем облике человека? По этому поводу моделей — схем хватает. Так, предполагается, что в будущем у человека резко увеличится мозг и, соответственно, череп, у него останется одно ребро, сблизятся таз и плечевой пояс... Словом, человек трансформируется в некий чисто мыслящий организм. Иначе говоря: ходячий череп, причем трехпалый. Судя по всему, для информационной матрицы лучшей оболочкой не сыскать...

Если доживем — увидим. И потом, никто точно не знает, сколько рыбы в Мировом океане, но квоты на вылов рыбы распределяются. Никто не знает, какова будет продуктивность сельхозугодий в следующем сезоне, но правила их эксплуатации устанавливаются.

Без чудес — жизни нет. Чудо — всегда где-то рядом. А верить в него или нет — личное дело каждого. □

Знание о существовании барьеров памяти и матричном характере нашего пространства даёт нам механизм преодоления существующих границ пространства-времени, и сегодня мы уже можем точно сказать: КТО МЫ И ОТКУДА...

Анна ШЕРКУНОВА

БЛОГИ!

БЛОГИ?..

Интернет стремительно ворвался в нашу жизнь. Еще 15 лет назад никто и не подозревал, что в будущем можно будет отправлять почту, узнавать информацию, общаться с дальними родственниками, совершать покупки, не выходя из дома. Да и вообще, развитие новых технологий позволило человеку жить виртуально. Не обременяя себя лишними делами и не тратя времени на то многое, что теперь можно сделать с помощью интернета, люди обдени-

лись окончательно и, к сожалению, бесповоротно. Зачем идти в библиотеку, если эти же книги можно прочитать в электронном виде? Зачем встречаться с друзьями, если можно поговорить с ними по ICQ? Компьютер из технического средства превратился в собеседника, друга, практически в одушевленное существо! Конечно, интернет облегчил нам жизнь, но при этом и лишил нас возможности познавать мир воочию, без логинов и паролей. Мы перестали совершать свои личные открытия, а открываем с помощью клика мышкой лишь новую страничку...

С развитием интернета связано еще одно модное ныне течение — ведение блогов и интернет-дневников. В конце 2007 года российская интернет-компания «СУП» полностью приобрела интернет-сервис LiveJournal, самый популярный в России сайт, где любой желающий мог зарегистрировать, вести свой дневник и читать дневники других пользователей. Такая заинтересованность российской компании ресурсом LiveJournal абсолютно понятна. По данным «РИА новости», в настоящее время во всем мире насчитывается 14,3 миллиона зарегистрированных пользователей LiveJournal (из них 1,7 миллиона регулярно обновляют свои дневники). Русскоязычный сегмент ЖЖ насчитывает 1,3 миллиона пользователей, при этом 523 тысячи из них являются постоянно пишущими авторами.

Помимо LiveJournal, создать свой блог также можно на сайтах mail.ru (<http://blogs.mail.ru>), yandex (<http://blogs.yandex.ru>), blogrus.ru, blog.inf.by и т.д. Вести дневник стало просто модно. Звезды шоу-бизнеса, актеры, телеведущие, просто публичные персоны — все теперь имеют свою страничку, где делятся переживаниями, радостями или комментируют события жизни. Что уж говорить о «простом» обывателе! На первом курсе я была в шоке от того, что почти каждую неделю все обсуждали, как какой-нибудь наш однокурсник выложил провокационную фото-

графию или написал неелестный комментарий в чей-то адрес! Обычный «письменный» дневник держат в укромном месте, скрывая информацию, которую обычно доверяют только бумаге. Дневник же в интернете, по-моему, нужен только для того, чтобы все, наоборот, видели, какого ты мнения о Васе, Пете, или как ты классно сходил в клуб в выходные. Информация, которую можно выкинуть в мусорное ведро, даже не читая.

По сути блог — открытое пространство для обмена мнениями, получения новой информации от

Конечно, интернет облегчил нам жизнь, но при этом и лишил нас возможности познавать мир воочию, без логинов и паролей. Мы перестали совершать свои личные открытия, а открываем с помощью клика мышкой лишь новую страничку...

друзей, соратников или случайных знакомых. Однако, выступая «рупором народа», блог может оскорбить, унижить, причинить душевную боль тому или иному человеку. Так, по данным «РИА Новости», в марте 2007 года прокурор Сыктывкара направил в суд уголовное дело сыктывкарского блоггера Саввы Терентьева, обвиняемого в связи с негативным отзывом в блоге о милиции.

15 февраля 2007 года блоггер и музыкант Савва Терентьев под ником «terentyev» оставил комментарий в «Живом Журнале» местного журналиста Бориса Суранова. Комментарий содержал, по мнению прокуратуры, негативное мнение о правоохранительных органах, дословно Терентьев обозвал милиционеров «быдлом, гопотой» и

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Стиль жизни

«самыми тупыми, необразованными представителями животного мира».

В апреле 2007 года прокуратура завела уголовное дело по статье 282.1 УК РФ («возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), обвиняемому была выбрана мера пресечения в виде подписки о невыезде.

По ходу следствия, в результате судебно-лингвистической экспертизы, специалисты пришли к выводу, что в комментарии не содержатся призывы к разжиганию социальной вражды, а высказывается лишь личное мнение. Вторая, социо-гуманитарная экспертиза, которую проводили сотрудники Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, установила, что текст, написанный Терентьевым, «направлен на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по принадлежности к социальной группе, совершенные публично, с использованием средств массовой информации».

22 февраля 2008 года Савве Терентьеву было официально предъ-

Если Терентьева осудят, это будет первое в России обвинение по делу подобного рода. Напомню, в сентябре 2007 года прокуратура уже выдвигала обвинения против пермского блоггера в размещении заведомо ложных сведений о теракте (молодой человек написал что-то из серии «ненавижу всех, куплю пистолет, заберу десятки жизней»), но в итоге его оправдали.

Процесс над Терентьевым вызвал более широкий общественный резонанс, ведь делу дали полный ход, и, скорее всего, доведут его до конца.

Среди пользователей интернета появляется все больше комментариев в защиту обвиняемого, некоторые даже призывают к проведению митингов в поддержку блоггера, который, как мне кажется, просто «попал под раздачу». Не секрет, что каждой день миллионы людей оставляют в своих дневниках комментарии похлеще терентьевских, однако их никто ни в чем не обвиняет. Показательное обвинение — дело обычное для нашей прокуратуры. Правозащитники стали причислять Терентьева чуть ли не к Ходорковскому: и тот и другой позволили себе высказывания против властей. Конечно, в масштабе опального олигарха, не вовремя решившего перейти дорогу Путину, блоггер из Сыктывкара выглядит невинно. Но все же «дело Терентьева» может развязать руки тем, кто выступает за самоцензуру в виртуальной сети.

Конечно, такая цензура просто необходима в делах, касающихся распространения порнографии через интернет (Россия — единственная европейская страна, где подобных сайтов открывается больше, чем закрывается) и любых других преступлений, нарушающих закон. Однако многие уверены, что под видом борьбы за «честь и достоинство», начнется борьба со свободой слова, которая, пожалуй, только в интернет-пространстве пока никак не контролируется.

Помимо блогов и ЖЖ, недавно в России появились набившие уже оскомину odnoklassniki.ru, vkontakte.ru (поиск людей по обучению в тех или иных школах, вузах).

Как сообщает Би-Би-Си, одним из крупнейших веб-проектов такого рода является британский сайт FriendsReunited.co.uk, запущенный летом 2000 года. Количество его зарегистрированных пользователей превысило 15 млн. человек!

Российский аналог — odnoklassniki.ru — намного моложе, но уже за год существования число зарегистрированных на сайте людей превысило 8 млн.! По словам Альберта Попкова, создателя сайта, сейчас в России насчитывается около 20 млн. интернет-пользователей, а через некоторое время, согласно данным прогнозов, это число увеличится до 60 млн. человек. «Одноклассники» — это, несомненно, коммерческий проект, ведь рынок рекламы в интернете растет впечатляющими темпами, особенно в сравнении с рекламой на ТВ, радио, в печатных СМИ. Не удивительно, что с учетом всех этих факторов инвесторы прочат сервисам по поиску друзей большое и счастливое коммерческое будущее и не боятся вкладывать в них деньги.

В ближайших планах команды Попкова — создание дополнительных и игровых сервисов, которые будут платными. При этом, как уверяет автор, «ядро проекта — возможность находить друзей и общаться с ними — будет оставаться бесплатным». Создатель и идейный вдохновитель odnoklassniki.ru уверяет, что сайт создавался лишь для того, чтобы люди имели «нормальное человеческое общение», и никаких интересов для ФСБ или, того хуже, иностранной разведки он не представляет. Правда это или нет, боюсь, нам никогда не узнать...

Блоги очень похожи на странички пользователей сайтов odnoklassniki.ru и vkontakte.ru. Отличие только в том, что блог-дневник содержит больше мыслительной информации, нежели фотографической. Без-

условно, нельзя утверждать, что ведение интернет-дневника — бесполезная трата времени или, как выразился известный журналист В. Паюшкин в своей статье для газеты

По сути блог — это открытое пространство для обмена мнениями, получения новой информации от друзей, соратников или случайных знакомых

«Ведомости», «все блоггеры — ничтожество». Примеров того, что блог уже превратился в полноценное средство массовой информации, а многие пользователи пишут лучше любых журналистов, достаточно много. Но мне все равно непонятно желание людей выставлять личную жизнь на обозрение миллионов. Крик души, интересные и полезные заметки, которые могут помочь другим пользователям, — да, но не интимные подробности. То, что для конкретного человека было индиви-

То, что для конкретного человека было индивидуальным, в блоге становится общественным. А общественное мнение порой бывает очень жестоким

дуальным, в блоге становится общественным. А общественное мнение порой бывает очень жестоким. И это надо понимать. Мне кажется, виртуальная жизнь никогда не сможет сравниться с реальной, где один взгляд, одна улыбка способны заменить любой набор букв и смайликов на клавиатуре компьютера... ☐

Звезды шоу-бизнеса, актеры, телеведущие, просто публичные персоны — все теперь имеют свою страничку, где делятся переживаниями, радостями или комментируют события жизни

явлено обвинение в преступлении, предусмотренном частью 1 статьи 282 Уголовного кодекса РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства).

После оглашения обвинения адвокаты Терентьева подали ходатайство о прекращении уголовного дела, но получили отказ.

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Стиль жизни

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Стиль жизни

Песчаные тайны

Воспоминания детства всегда прячут в недрах своих беззаботные летние месяцы... Шепот листвы, плеск воды, ласковые поцелуи ветра, танец солнечных зайчиков, ладошки, погруженные в теплый прибрежный песок. Куличики... Камушки... Стеклышки... Палочки... И, наконец, великолепные замки — зыбкие памятники вечному желанию оставаться творцом, созидателем окружающего мира

Воздействуя на тело человека, песок вызывает необычные ощущения и переживания. Иногда взаимодействие с ним приносит приятные ощущения, иногда — чувство тревоги. Один человек, зарытый в песок, будет чувствовать себя погребенным, другой — защищенным и спокойным

Текущий, шершавый, послушный, засасывающий — песок как материал для игры рождает множество ассоциаций. Воздействуя на тело человека, он вызывает необычные ощущения и переживания. Иногда взаимодействие с песком приносит приятные ощущения, иногда — чувство тревоги. Все строго индивидуально. Один человек, зарытый в песок, будет чувствовать себя погребенным, другой — защищенным и спокойным.

В книге «Воспоминания, сновидения, размышления» Карл Густав Юнг, после разрыва со своим учителем Зигмундом Фрейдом, писал: «... Я отчетливо помню, как строил маленькие дома и замки, используя бутылки

для строительства ворот и сводов. Несколько позже я стал использовать обычные камни и грязь в качестве вяжущего раствора. К моему удивлению, это воспоминание вызвало множество эмоций. Элементы сознания маленького мальчика все еще живы в подсознании, и они связаны с творческой жизнью. Именно такой жизни мне сейчас не хватает. Если я хотел понять этот период жизни, мне не оставалось ничего другого, как вернуться снова к детской жизни и детским играм. Я начал собирать подходящие камни на берегу озера и часть в воде. Потом я стал строить... Я продолжал заниматься моей игрой каждый день после обе-

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Свобода от известного

Так в истории психологии начал обозначаться новый метод практической работы — «Sandplay» — терапия песочной игры

Песочная терапия — это возможность выразить то, для чего трудно подобрать слова, соприкоснуться с тем, к чему трудно обратиться напрямую, увидеть в себе то, что обычно ускользает от сознательного восприятия

да до прибытия пациентов... Я не мог объяснить точной цели моего занятия, но у меня была уверенность, что я нахожусь на пути к открытию моего собственного мира. Потому что игра в строительство домиков была только началом. Она высвободила поток фантазий, которые я потом тщательно записал».

Так в истории психологии начал обозначаться новый метод практической работы — «Sandplay» — терапия песочной игры. Истоки ее мы можем обнаружить в книге известного

писателя-фантаста Герберта Уэллса «Игры на полу», в которой автор описывает, как его сыновья, играя с миниатюрными фигурками, находили многочисленные способы решения сложных ситуаций, возникающих в человеческих отношениях. В первом десятилетии прошлого века врачи подметили целебный эффект детской игры с игрушками на полу. А 20 лет спустя клиент Лондонского детского психиатра Маргариты Ловенфельд, некий изобретательный ребенок, отнес эти игрушки в песочницу. Именно Карл Юнг, по мнению которого песок как текучий материал символизирует жизнь во Вселенной, а отдельные песчинки — людей и живых существ, посоветовал своей ученице Доре Калф поработать в данном направлении. Дора Калф, прошедшая обучение у Маргариты

Лоуенфельд, увидела в этой методике инструмент, который позволит клиентам выражать их типичный и глубоко личный мир, способ усилить связь с глубокими слоями психики, а также соединить их внутренние представления с каждодневной реальностью.

Понаблюдайте за детьми в песочнице. Как по-разному они ведут себя! Один бросается горстями песка, отбирает игрушки, другой позволяет соседу претендовать на свою территорию, ломать куличики. Один малыш ищет под «барханами» спрятанный клад, другой — разыгрывает приключенческую сагу. Каждый из них проецирует на пе-

сочный лист картинку своего внутреннего мира.

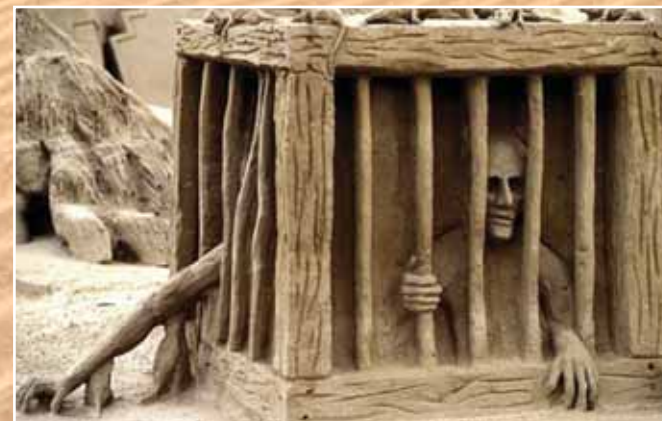
Галина Эль, автор книги «Человек, играющий в песок», пишет: «Казалось бы, все очень просто. Но именно это простое, естественное для человека действие хранит уникальную тайну бытия: все приходит и уходит, нет ничего такого, что было бы непорочно разрушено — просто старое уступает место новому. Многократно проживая эту Тайну, человек достигает состояния равновесия в его внутреннем пространстве, существенно уменьшается доля тревоги и страха... Долгое время мы изучали внешний мир: его географию, законы, расчеты. Когда же мы познакомимся с собой? Мир внутри нас так же многообразен и бесконечен, как и внешний. В нем — не слова и числа, как полагают некоторые. В нем — об-

разы, романы и фантазии. Если мы не узнаем свой внутренний мир, мы не сможем знать, как развиваться дальше, и тогда нам поставят цели другие. И мы забудем про свою. Потому что чужая может оказаться ярче и привлекательнее...»

Ученые уверяют, что песок обладает огромным, еще до конца не познанным, лечебным эффектом. Особенности взаимодействия с песком определяются его свойствами. Если речь идет об игре с песком на пляже, то в работу вовлекается все тело, едва прикрытое одеждой. Даже простое лежание на песке — это тоже работа с ним. Основоположник психосоматики Вильгельм Райх считал, что именно морской песок, испускающий мощное излучение, источни-

ком которого является солнце, может помочь освободить эмоции человека от блокирующего их «мышечного панциря».

В основу работы по методу «Sandplay» Дора Калф положила «создание свободного и защищенного пространства», в котором пациент, ребенок или взрослый, в атмосфере принятия и отсутствия осуждения может выражать, исследовать собственный миниатюрный мир, превращая неосознанные чувства и переживания в зримые близкие образы. На сегодняшний день, данный терапевтический метод при-

Дора Калф увидела в этой методике инструмент, который позволяет клиентам выразить их типичный и глубоко личный мир, способ усилить связь с глубокими слоями психики

меняют психологи и психотерапевты разных направлений. Песочная терапия — это возможность выразить то, для чего трудно подобрать слова, соприкоснуться с тем, к чему трудно обратиться напрямую, увидеть в себе то, что обычно ускользает от сознательного восприятия. Она предполагает использование особых материалов: коллекции миниатюрных фигурок, подноса с песком и воды. В присутствии терапевта клиент выбирает фигурки, располагает их на песке, создает ландшафт песочной картины, после чего расска-

зывает о ней. В отличие от рисунка, создание песочной композиции не требует особых умений, здесь невозможно ошибиться или «сделать что-то не так». Поскольку в нашем сознании не заготовлено стереотипов восприятия для «песочной картины», ее трудно оценить простыми параметрами «красиво — некрасиво». В искусстве создания песочных картин заложен важнейший ресурс — возможность созидательного изменения формы сюжета взаимоотношений.

Человек опускает руки в песок и строит свою историю. Историю свое-

го подсознания, которое он застрял так, чтобы и самому не встречаться с ним. Набор предметов, используемых в песочной терапии, был бы «безжизненным», если бы в него не входили камни, кости, раковины, ископаемые фрагменты, минералы, дерево, солома, семена, сухие цветы и листья, обработанное водой стекло, перья и т.д. Изготовленные человеком предметы могут быть сделаны из пластмассы, резины, металла, обожженной глины, стекла и других материалов путем литья или штамповки, а также вырезаны вручную из дерева или камня. Фигурки людей, животных, птиц, водных обитателей, миниатюрные предметы

интерьера, домашняя утварь, деревья, растения, заборы, дорожные знаки, мосты, ворота, зеркала, ларцы, оружие, небесные тела... Не много ли? Может, еще и маловато, потому как любые предметы или материалы, используемые в песочной терапии, могут быть выбраны человеком интуитивно. Однако, будучи включенными в песочную композицию, они становятся символами, обозначающими определенные качества.

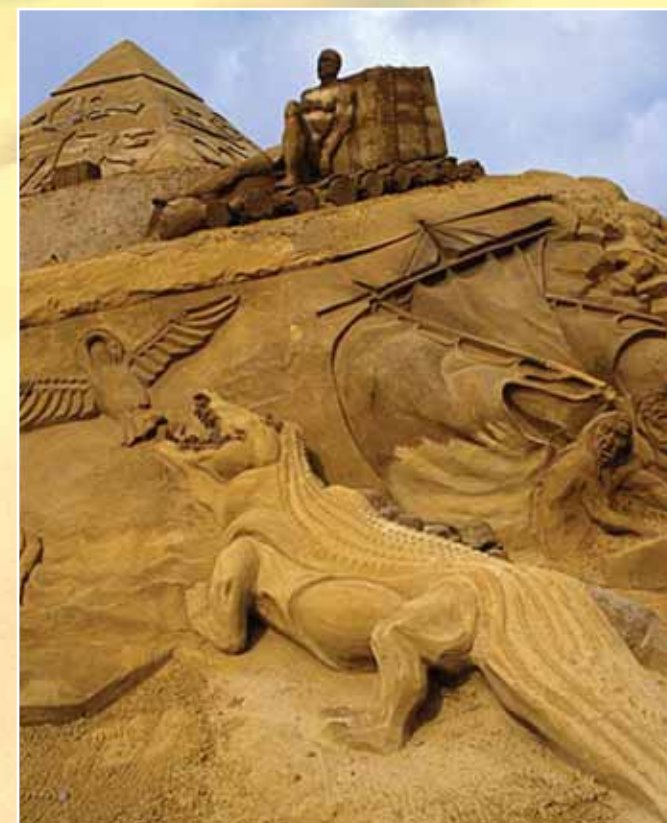
Песок символизирует бесформенность, за которой следует этап сотворения форм. Он может вызывать ассоциации со зноем, холодной водой, наготой, похоронами или строительством. Ровная поверхность песка говорит о равномерном распределе-

ризонтовых и наклонных плоскостей говорит не только психологу, но и просто наблюдательному человеку о многом. На вершинах и горах могут присутствовать пещеры. Эти углубления притягивают и пугают одновременно, в них спрятано самое сокровенное. Это может быть нечто спрятанное ото всех и разрешенное только для себя. Ямы могут обозначать ловушки или уединенные места, в которых хочется укрыться от беспоконного течения жизни. Равнины — гармоничные поверхности — создаются в большинстве своем людьми, достигшими высокого духовного уровня. Моря, реки, океаны, озера указывают на человека, исполненного любви. Дороги, тропинки, мосты появляются тогда,

Мир внутри нас так же многообразен и бесконечен, как и внешний. В нем — не слова и числа, как полагают некоторые. В нем — образы и фантазии. Если мы не узнаем свой внутренний мир, мы не сможем знать, как развиваться дальше

нии энергии. Любое давление руки на песок — нарушение равновесия, напряжение в композиции. Часто руки выражают чувства раньше слов. Идти вслед за руками — значит, идти за чувствами. Руки реально покажут то, от чего закрылись глаза. Песок между пальцев проходит легко. И вода проходит сквозь песок.

Левая часть песочного поля — информация о прошлом, правая — о будущем, центр символизирует настоящее. Размещая фигурки в определенной части поля, человек достает из информационных глубин свои воспоминания и свои программы на будущее. Появление в ландшафте более высоко или низко расположенных участков, скопления песка в одной части и уменьшение его количества в другой, формирование го-

Наблюдения и опыт показывают, что игра в песок позитивно влияет на эмоциональное самочувствие детей, и это делает его прекрасным средством для профилактики и коррекции агрессивных проявлений

Спрятать голову в песок небезопасно, зато приятно — ничего не вижу, не слышу, не знаю, как-нибудь обойдется. Но разум обмануть легко, подсознание — невозможно

СУТЬ ВЕЩЕЙ

Свобода от известного

когда что-то отделено и нужно это соединить. Сначала человек потратил силы для того, чтобы отделить событие или проблему, потом приложил усилия, чтобы проложить туда путь или построить мост, затем тратит энергию на посещение отделенного пространства. Спрятать голову в песок небезопасно, зато приятно — ничего не вижу, не слышу, не знаю, как-нибудь обойдется. Ничего не решается само, а прилагать усилия не хочется. Но разум обмануть легко, подсознание — невозможно.

В песочном поле закодированы все четыре стихии: песок — земля, небо — воздух, голубое дно под слоем песка — вода, огонь — душа, которая соприкоснется с тремя другими стихиями. Создавая композицию, человек, волей-неволей, становится участником взаимоотношений четырех стихий, понятия о которых зафиксированы во всех человеческих

культурах. Человек и сам является их воплощением. Организуя себя, он привносит в мировой хаос состояние ритма и гармонии.

Песок и вода — естественные природные вещества, присутствующие в любой экосистеме, которые находятся между собой в особых отношениях. В «Книге перемен» сказано: «Вода течет непрерывно и достигает своей цели. Она течет и нигде не капливается. Она не утрачивает своих свойств даже тогда, когда течет в опасных местах». Песок и вода существуют с незапамятных времен, лишены каких-либо границ и пребывают в постоянном движении, а соединяясь, могут образовывать устойчивые формы или превращаться в грязь. Аналогичным образом, испытывая сильные чувства, человек утрачивает равновесие.

Песок — идеальная развивающая среда, где можно творить, без страха что-либо испортить или сломать. Наблюдения и опыт показывают, что игра в песок позитивно влияет на эмоциональное самочувствие детей, и это делает его прекрасным средством для профилактики и коррекции агрессивных проявлений. Здесь также создается «мануальный интеллект» ребенка, ведь наши пальчики наделены огромным количеством рецепторов. Чем выше двигательная активность пальцев, тем лучше развита речь. Поэтому перенос традиционных обучающих и развивающих заданий в песочницу дает дополнительный эффект, процесс развития

познавательных процессов происходит интенсивно и гармонично. Если малыш учится писать и читать — песок станет хорошим подспорьем. Обучение истории и географии в песочнице происходит намного эффективнее, чем за партой. Запаситесь солью, пенопластом или ватой — и можно смело отправляться в путешествие на север!

Таинство знакомства с песком пойдет на пользу и будущим мамам: ведь он активизирует жизненные силы, снимает эмоциональное и физические напряжение, помогает создавать для себя и малыша ласковый, добрый и приятный мир...

Наиболее удобная песочница — это водонепроницаемый ящик размером примерно 50x70x8 см. Такой размер соответствует оптимальному полю зрительного восприятия и позволяет охватывать ящик взглядом целиком. Хорошо бы окрасить

дно и борта в синий или голубой цвета, тогда дно ящика будет символизировать воду, а борта — небо. Чистый просеянный песок можно прокалить в духовке. Желательно обновлять песок каждые два месяца, поскольку этот чуткий природный материал склонен к энергетическому загрязнению.

Завершить нашу маленькую экскурсию помогут мудрые слова Галины Эль: «Сыграем в песок. На полот-

не собственной души мы увидим свои заблуждения и свои находки. Мы взлетим над собственным миром, и с высоты птичьего полета распознаем в нем покой или непокой, битвы или не битвы, заброшенные мечты, забытые желания, оставленные мысли и чувства. Что строим мы: песочные замки или реальный мир, чудесную страну или ничего не делаем, а просто сидим и ждем, когда что-нибудь изменится в нашу пользу? Мы проходим через мир, не оглядываясь и не думая, что мы делаем в данный момент времени, а если чуть-чуть задуматься, нет, не о смысле жизни, не о количестве заработанных денег, а о себе. О себе в этом мире и в этом солнечном потоке. О своем общении и связях с другими, себе подобными и не подобными, о своих реакциях, о своем здоровье, которое связано со здоровым духом, о предках и потомках, и о середине между двумя пропастями, и о том, что серединой являемся мы». □

Мы едем в Кострому

Иосиф ГОЛЬМАН
Фото автора

Эти заметки — ни в коей мере не записки путешественника, и уж тем более — не труды географа-исследователя. А лишь жгучее и, заметьте, постоянное желание просто уехать куда-нибудь, смотреть по сторонам и наслаждаться окружающими красотами. И, конечно, общаться с нескучными людьми.

Если честно, некрасивых мест в нашей реально необъятной стране мне пока не попадалось.

Почему Кострома?

Чтобы нас понять, произнесите это слово вслух — Кострома! Поразмышляйте немного и произнесите еще раз. И теперь уж согласитесь, что туда нужно съездить обязательно.

Хоть и спешим мы в древнюю Кострому, но по дороге пару раз надо остановиться или даже съехать с трассы. Повернуть налево, к Плещееву озеру, по улочке перед древними валами.

И оказаться — в среднерусской Венеции. Потому что в улочку с правой стороны неожиданно... впадает речка! Впадет — и так и заплетает посередине. По берегам — избы. Лодки вместо машин. Попетляв с километр, речка, слегка раздавшись вширь, втечет-таки в Плещеево озеро.

А здесь, вплотную к озеру, на крошечном пятачке-полуострове, стоит

пятнышком. Так что, все-таки стоит попетлять вдоль берега — иначе вам храма не увидать...

В город мы въехали очень поздно. Гостиницу, как обычно, не бронировали. У нас всегда так, на авось. Миновали современные районы города, подъехали к мосту через Волгу. Река здесь уже довольно могуча, тем более, что пару километров выше она приняла в свои объятия очередной приток — реку Кострому, по одной из версий, и давшую название городу.

На другом берегу стоит крупнейшая в городе гостиница. Название можно угадать и без справочников — «Волга». Туда мы и направили свои стопы.

Места в гостинице имелись, мы попросили как всегда — повыше, и с окнами на реку. Зато как были вознаграждены: красный закат на западе, длиннющий, уже освещенный мост, и вдаль — стрелка двух рек с Ипатьевским монастырем, который мы собирались посетить на следующий день.

Почувствовать душу города

Наутро нас уже ждал наш добрый спутник: костромской краевед, профессиональный историк Николай Сорокин. Прежде, чем ехать в Ипатьевский монастырь, давший России аж две царские фамилии, он предоставил нам возможность просто побродить по городу. И это оказалось очень важным для нас. Конечно, в Костроме есть, чем удивлять и чему удивляться.

Огромнейшая центральная площадь (по-местному — «сковородка») с относительно невысокими окружающими зданиями и знаменитой «беседка Островского», на крутом волжском берегу.

Сусанин, конечно же, героически заведший в чащу агрессоров-поляков и ставший, как Чапаев, не только героем истории, но и героем анекдотов — великое их множество знает всякий костромич. Из того же числа

исторических анекдотов — памятник Владимиру Ульянову-Ленину. Ильич-костромич, как и в жизни, слегка экспроприировал экспроприаторов: здесь должен был стоять памятник 300-летию династии Романовых, многофигурная композиция с фигурами государей-императоров. Впрочем, такой удачный рейдерский акт не принес счастья ни самому вождю мирового пролетариата, ни возглавляемому им мировому пролетариату.

Обратили внимание, что исторические анекдоты костромичи черпают из обычной костромской жизни? И это один из методов не забывать собственную историю.

Скажем, один из предков нашего замечательного гида — точнее, прадед — вошел в советские книги как настоящий революционер. Когда царский пароход шел по Волге к городу, он поднял у себя на огороде красный стяг. Все это было в Красном Селе — ныне известном центре ювелирного дела, расположенном на высоком берегу. Сразу прибежа-

ли царские опричники-полицейские, схватили бунтовщика (правда, в отличие от будущих советских — мягко и ненадолго: говорят, продержали лишь до вечера).

Так писал советский литературный источник. Но в Костроме долго помнят семейные истории. И в жиз-

ни все было чуть иначе. Привязал-то парень на огороде не стяг, а рубаху. В самом деле, красную, в белый горох — это точно помнят потомки.

Однако в публикациях тридцатых годов постепенно исчез белый горох. Ну, а к расцвету социализма и рубаха пропала, заменившись алым стягом.

И в самом деле, несерьезно как-то — социализм и рубаха в горошек...

Но, конечно, не анекдотами писана история Костромы. Возьмем хотя бы архитектуру. Достаточно просто посмотреть вокруг!

Мало где найдешь такую концентрацию древних соборов и храмов. Богоявленский монастырь, Ипатьевский монастырь, храм Воскресения на Дебре — список далеко не полон.

Но лично меня поразило другое. А именно — неразрывная связь времен. Это не город-музей, как, например, Суздаль. Это город, содержания которого хватит на десятки музеев, и при том оставшийся просто городом.

Идешь по самому центру — дома двух- и трехэтажные. А свернул в

сторону — не на километр, а на десять метров! — и, пожалуйста, деревянные дома с резными наличниками. Эти дома не демонстрируют — в них живут.

Разумеется, есть в Костроме и свои маленькие — неофициальные — городские традиции. Например, в городе имеется очень уважаемое учебное заведение — высшее военное училище химзащиты, в просторечье — «хим-дым» (кстати, удивительно красиво и аккуратно обустроенное, по крайней мере, то, что видно с улицы). Так вот, каждый выпуск считает за честь одеть в противогазы двух пионеров.

Ничего сложного, скажете? Еще как сложно. Потому что пионеры — каменные. И стоят они в нише прямо под крышей дома, в самом центре города, охраняемые патрулями. Но в день очередного выпуска «хим-дыма» пионеры снова оказываются в противогазах...

А вообще, после Москвы — какая-то удивительная бессуетность. Никто

не торопится, никуда не бежит. Машины не гудят и не топчутся в «пробках». Хотя, конечно, — никакой курортной праздности. Город, несомненно, работает, просто, не суетятся.

Евроремонт в доме Романовых

Вдоволь нагулявшись и надышавшись, — воздух в Костроме, в отличие от московского, можно в банки закатывать, — мы с нашим гидом поехали в Ипатьевский монастырь. Для этого нужно проехать весь центр, пересечь мост через реку Кострому, и вот мы на месте. Ехать минут десять-пятнадцать, типичное для города Костромы «время подлета».

Снаружи монастырь — очень аккуратен, хотя чувствуются века неустанного боевого дежурства. Главный собор — Троицкий — неплохо отреставрирован, причем фрески восстановлены с высочайшим качеством, о чем говорят так называемые «клейма» — участки старой

росписи. Их оставили, чтобы сравнить то, что было, с тем, что стало.

Интересно, что реставраторы трудились много лет. А впервые храм был расписан за... одно лето! Правда, и бригада была немаленькая, и старались живописцы очень — необходимо было управиться до зимы, храм тогда не отапливался.

Об этапах той работы тоже осталась запись, идущая вдоль всех стен храма: ее можно прочесть, слегка лишь приноровясь к старорусскому языку и сложному декоративному шрифту, примененному старыми мастерами. Редкий, кстати, случай: исографы оставили для истории свои имена. Наверное, понимали, что создали...

Парадокс же истории состоит в том, что один и тот же старый Ипатьевский был вотчиной и Годуновых, и, впоследствии, Романовых. И был не столько религиозным, сколько политическим центром России.

Именно сюда приезжало боярское посольство просить на царство Михаила Романова, будущего первого

го царя новой династии. Именно здесь в 1913-м с размахом праздновалось 300-летие Дома Романовых. (Кстати, именно тогда в основание памятника, узурпированного впоследствии Лениным, приехавший в Кострому Николай II заложил закладной камень). И судя по старинной кинохронике, демонстрируемой тут же, в Ипатии, никто и не предполагал, как сложатся события в самом скором будущем...

Сегодня древний Ипатий, как ни странно, остается в строю «политбойцов». Здесь уже побывали все Президенты новой России: Ельцин, Путин, Медведев.

В общем, впечатлил нас Ипатьевский монастырь. Особенно, когда под его старинными сводами услышали церковную музыку в самом высокопрофессиональном исполнении. Пел замечательный мужской хор, и это пение очень помогает осознать пресловутую связь времен.

Ну, а что времена все-таки меняются, мы поняли, покупая диски с записями хора. В среднем — втрое дороже, чем стоит любой музыкальный диск в магазине.

Огорчило нас, пожалуй, только одно: стены внутри музейных помещений теперь ровненькие, гладень-

кие, зелененькие. Как и полы — в аккуратной такой плиточке. Ни дать, ни взять — евроремонт.

Только вот в таком историческом месте, может быть, — не надо?

Кострома художественная. Точнее — высокохудожественная

Как и почти все крупные волжские города, — истари, соответственно, богатые, — Кострома славится искусством. Архитектуру уже вспоминали. Но и художники в Костроме тоже были выдающиеся. Да и сейчас есть.

Обязательно надо посетить художественный музей города.

О ныне действующих «труженниках кисти и мастихина» нам помог узнать хозяин местного небольшого арт-магазина В.В. Балыков, как это часто бывает в таких случаях — не столько бизнесмен, сколько ценитель, и, по возможности, — меценат. Из продемонстрированного особенно запомнились работы Виталия Ивановича Рассыпнова, не так давно отметившего 80-летие большой персональной выставкой.

Вот уж удивительный художник! По его картинам можно изучать историю родного края. Я бы сказал — классик жанра, мягкий, романтический пейзажист. В прошлые времена прошел мимо мейнстрима — рука не поднималась изображать тракторы и башенные краны. А сейчас и подавно не вписывается в современное искусство — воссоздает все те же березки, туманы и родные костромские переулки. И, может, слава Богу, что не перешел на создание произведений из разряда тех, что мы видим на «Арт-Москве». Правильно ведь говорят китайцы — «пусть цветут сто цветов»...

До свидания, Кострома!

А нам пора уезжать — и мы покидаем город по тому же мосту, что привел нас в центр. В последний раз взглянув на сверкающие купола, на речку, мы понимаем, что еще не раз вернемся сюда. Чтобы посмотреть музей деревянного зодчества, что разместился под открытым небом рядом с Ипатием. Чтобы походить по старинным храмам. Чтобы погладить ручных лосей на лосеферме. Да, наконец, чтобы просто еще раз походить по этим улицам и подышать этим воздухом. А потому — до свидания, Кострома! □

Иллюстрация Льва РЯБИНИНА

Поэт, прозаик, мемуарист, Галина Николаевна Кузнецова (1900—1976) родилась в Киеве и, окончив в 1918 году гимназию, вышла замуж за офицера Белой армии Д.М.Петрова, вместе с которым в 1920 году эмигрировала через Константинополь в Чехословакию. Здесь она начинает писать стихи и рассказы и публикует их в различных журналах и газетах. После переезда в Париж в 1924 году она вскоре знакомится с И.А.Буниным, расходуется с мужем и с начала мая 1927 года живет в доме Буниных в Грассе на правах ученицы. Бунин помогает ей советами и нередко исправляет конкретные недостатки в ее сочинениях, влияет на формирование ее художественного вкуса и эстетических принципов. В 1930 году вышла первая ее книга рассказов «Утро», в 1933 — роман «Пролог», в 1937 — сборник лирики «Оливковый сад».

В 1933 году поэтесса сопровождала Бунина в поездке в Стокгольм для получения Нобелевской премии. На обратном пути из Швеции Бунины и Кузнецова посетили философа Федора Августовича Степуна, жившего в Дрездене, где познакомились с его младшей сестрой оперной певицей Маргаритой (Маргой) (1897—1972). В мае-июле 1934 года Марга гостила у Буниных; в том же году Кузнецова ездила в Германию к Марге. Когда она вернулась в Грасс в начале 1935 года, произошел ее разрыв отношений с Буниным. Кузнецова, вступившая в интимную связь с Маргой, уезжает к ней. Однако уже в феврале 1937 года они обе, одна за другой, приезжают в Грасс и живут у Буниных до апреля 1942 года, после чего уезжают в Германию.

В последние годы стихи и рассказы писательницы публикуются в журналах

и сборниках. Наиболее значительное произведение Кузнецовой — «Грасский дневник». Написанная с большим тактом, эта книга воссоздает яркий, объемный образ Ивана Алексеевича Бунина, воспроизводит его суждения о литературе и писателях, о политике и творчестве, передает атмосферу писательской жизни в эмиграции. Восемь лет, с 1949 года, Кузнецова работала в издательском отделе ООН в Нью-Йорке, затем — в Женеве, а в 1962 году поселилась в Мюнхене.

Ее произведения русским читателям почти не известны, большой архив, находящийся у французского литературоведа Р.Герра, совсем не изучен. Но творчество Кузнецовой, вдохновленное Буниным, представляет для нас ценность именно благодаря ее близости к великому писателю, чьи уроки она восприняла и сумела по-своему реализовать

Друзья

Дом стоял так укромно, что с шоссе, пролежавшего перед воротами сада, увитыми густым плющом, его почти не было видно. Широкая аллея замысловатым изгибом, медленно подымаясь, вела, среди вольно стоявших там и тут царственно-высоких сероствольных пальм, к площадке с цветником, особую прелесть которого составляли год за годом роскошно цветущие левкои — белые, лиловые, желтоватые, розовые, — наполнявшие сад сво-

им перечно-пряным благоуханием. Стеклянные двери столовой открывались прямо на эту площадку, и тяжелые, мощные, точно из зеленой бронзы вырезанные ветви пальм в солнечные дни свергались в стекла этих дверей вместе с синевой неба и крутым горячим облаком, застывшим в ней.

Встречала гостей на пороге обычно Амалия. Темные блестящие волосы, белый пробор посреди всегда чуть клонящейся набок, точно усталой головы, черные глаза, ослепительная улыбка — в ней было что-то восточное — маленькая нога в узкой туфельке. Небольшой рост, полнота, все, что портило ее, затмевалось взглядом и этой улыбкой, тем чем-то неопределимым, что составляет неповторимую особенность некоторых людей. Не помню, чтобы она когда-нибудь много говорила: в роли хозяйки она предпочитала молчать, улыбаться и слушать, опершись локтями на стол и запахиваясь в наброшенную на плечи шаль — она была зябкой. Но уж если ей случалось разговориться и рассмеяться — прелести ее чуть хриплого, какого-то смуглого смеха никто не мог противостоять. А между тем Амалия была строга, даже своенравна в выборе друзей и знакомых; Илья Исидорович часто жаловался на то, что она не хочет «впустить к себе в дом» того или другого из знакомых, кого он считал нужным пригласить. Но зато когда она хотела принять кого-нибудь, она делала это с такой женственной грацией, с такой прелестью шаловливой улыбки, наклона маленькой блестящей головы, блеска темных глаз, что даже не любившие ее вдруг оказывались во власти ее очарования.

Грасскую виллу Beau site, в которой Фондаминские обычно проводили полгода с января по июль, посещали по очереди все их близкие друзья, не считая тех, кого Илья Исидорович находил нужным пригласить на день-два. Правда, и эти приглашения проходили через строгий контроль Амалии — когда она чего-нибудь не хотела, сладить с ней было нелегко, и Илья Исидорович лучше всех знал это. Зато одобренные и «несомненные» встречали такой прием, что тому же Илье Исидоровичу приходилось потом всячески изворачиваться, чтобы свести концы с концами. Она испытывала особое наслаждение, когда могла предложить гостю что-нибудь особенно редкое и дорогое. Помню одну пасхальную ночь, когда она, не христианская сама (хотя на ночном столике у нее всегда лежало Евангелие), устроила разговоры после заутрени в Каннах на двадцать человек, кроме англичанок, владелиц виллы. На этом столе было все, что можно было достать в Провансе, не считая прекрасных вин, швейцарского шоколада и великолепных цветов из местных оранжерей. Помню восхищенные англичанок и гостя француза, при виде куличей, пасок и шоколадных и расписных яиц, которые Амалии прислали из Ниццы. Жили Фондаминские в доме, некогда принадлежавшем Ротшильдам, один из которых завещал дочери своего служащего англичанина эту «недорогую» виллу.

Сад виллы Beau site видел в своих аллеях многих из тех, кого потом будут, вероятно, называть самыми блестящими представителями русской эмиграции начала нашего века. Бунин, Алданов, Степун, Керенский, Федотов, Вл. Ильин, К.М. Лопатина (сестра философа Лопатина), мать Мария, поэт Анатолий Штейгер, не говоря уже о Зензинове, считавшемся в доме своим, всех не перечтешь, но многие, многие перебивали там. Илья Исидорович, или, как мы все называли его, Илюша, составивший странную противоположность Амалии в смысле отказывания себе во всем (Амалия жаловалась: «Тузик» — так она называла мужа — ни за что не хочет заказывать себе второй костюм: всегда один черный костюм на целый год!), считал своим долгом порой принимать людей, с которыми Амалии, может быть, и в голову не пришло бы никогда общаться. Он, живший по своим внутренним «законам духа», неустанно двигавшийся вперед по этому пути, умел сразу увидеть, кого надо вовремя поддержать, кому сказать привет-

ливое слово, кому просто под видом какой-то мифической работы сунуть 50—100 франков. По отлогой аллее их сада подымались разные люди — от сухощавого, небольшого, стройного, во все белое одетого Бунина, с горделиво закинутой, выбритой наголо по-летнему головой и профилем римского патриция, до неловко держащегося в помятом пиджаке и стоптанных туфлях монпарнасского поэта и краснощекой, статной женщины в черном шлыке и монашеском платье — в прошлом поэтессы Кузьминой-Караваевой, а теперь матери Марии, неустанной общественной деятельницы, благотворительницы и соратницы Ильи Исидоровича, — оба они медленно и неуклонно двигались к скрытому где-то в тумане будущего мученическому концу: их ждала газовая камера в нацистской Германии.

Мое знакомство с Фондаминскими началось задолго до того, как они поселились в Грассе — осенью 26-го года в Париже. Первая встреча была всего на несколько минут в столовой Буниных: Фондаминские уходили, когда я пришла, — они ехали в театр. От этого первого знакомства осталось только беглое впечатление нарядной, в медно-красном шелковом платье маленькой полной дамы и черноволосого, черноглазого, приветливо улыбающегося человека.

Если не все знали прелесть улыбки Амалии, то улыбка Илюши вошла в поговорку. «Очаровательная улыбка Илюши» — так всегда и все говорили о ней, порой, правда, не без иронии. Мережковский ядовито добавлял: «Улыбка Илюши — это дверь, нарисованная на стене», что было, несомненно, несправедливо. Как бы то ни было, в этот первый раз, при встрече с ними обоими, я еще не успела ничего в них рассмотреть, запомнила только его улыбку. Почти год спустя, приехав с Буниным в Грасс, на виллу Бельведер, которую они в то время делили, по полгода, с Фондаминскими, я нашла там Илью Исидоровича. Он остался еще на месяц, один, без Амалии, чтобы писать свои «Пути России».

Комната моя была рядом с угловой комнатой Илюши, и, сделавшись его соседкой, я поневоле начала понемногу всматриваться в него. Впрочем, всмотреться в него было трудно — почти невозможно. И дело тут было не в годах, а в жизненном опыте, в развитии. Фондаминский был старым революционером, много пережившим, обладавшим огромным опытом в закрытии своей души от чужого глаза. Внешне это был всегда приветливый, красивый — когда-то очень красивый и пылкий (у него была кличка «Непобедимый») — человек, как будто занятый только своим писанием, но порой быстро и пристально, точно похищая что-то в душе другого, взглядывавшим на тебя и тотчас начинавшим укреплять на носу пенсне без оправы довольно плотными короткими пальцами. Но стоило ему снять это пенсне и, протирая его стекла платком, начать говорить что-нибудь оживленное и ободрительное — впечатление тотчас менялось, и всем начинало казаться, что проще и бесхитростнее человека нельзя найти. На деле это было совсем не так: обращение Ильи Исидоровича с людьми было плодом долгого обдумывания и проникновения в существующее положение дела. Как я потом узнала, он в первое мое лето в Грассе решил остаться там на лишней месяц, чтобы облегчить друзьям Буниным первые недели жизни чужой молодой «поэтессой» в их семье, чем навлек на себя даже гнев Амалии. Но он умел оставаться твердым, когда находил это нужным, и все-таки прожил еще недель шесть в это столь памятное мне первое лето в Грассе.

Вилла Бельведер, стоявшая высоко на стене горы, подымавшейся над Грассом, была старым провансальским домом с трещинами в желтоватых стенах, с зелеными створчатыми ставнями по обе стороны высоких окон. Ставни эти с грохотом и скрипом распахивала по утрам стремительная рука Бунина, и сам он быстро сбегал по лестнице своей легкой, почти юношеской походкой. Площадка сада, куда он выходил утром взглянуть на Грасс

внизу, на далекое море, то синим дымом встававшее на горизонте, то пролегавшее на нем чистой бирюзовой струей, висела высоко над волнами оливковых садов, одевавших гору, и была чем-то похожа на палубу корабля. На сетках проволочной изгороди коврами висели яркие июньские розы, в креслах под пальмой — невысокой, но чудесно полной со своими круто изгибающимися, темно-блестящими «вайями», как любил писать Бунин, — было особенно хорошо сидеть по утрам с книгой в ожидании почтальона или лежать с закрытыми глазами, чувствуя горячую руку солнца на своем лице. Но в креслах этих по утрам почти никогда никто не сидел. Жизнь на вилле Бельведер текла по одному и тому же образцу. Бунин приезжал сюда с тем, чтобы, стряхнув с себя усталость и пыль города, постепенно подготовиться и подвести себя к писанию. Соловьиное пение, роса в высокой траве, звездочки липких белых цветов, раскрывавшихся по вечерам на верхних пустых террасах сада, наполняя воздух опьяняющим благоуханием, — все это было лишь на миг, лишь на взгляд для живущих в вилле. Надо было рано ложиться, чтобы утром рано встать, бодрым, выспавшимся, полным творческих сил для работы. Все здесь работали: Бунин читал или писал что-то у себя в кабинете — большой угловой комнате в нижнем этаже, Вера (Бунина) печатала его рукописи на машинке или тоже писала что-то свое. Илюша, в комнате за стеной, сидел так неслышно, часами просматривая бесчисленные кипы книг, что порой казалось, что там никого нет. За обедом все собирались в просто обставленной столовой со стеклянной дверью, раскрытой прямо в сад, сияющий, блестящий зеленым золотом пальмы, слепящий глаза белым блеском мелкого гравия, очаровывающий красными и желтыми головками роз на почти невидимой проволоке изгороди. Илья Исидорович — его место было спиной к саду, — сев за стол, бегло озирал присутствующих и, берясь за салфетку, не торопясь начинал говорить, по большей части обращаясь к И.А., сидевшему во главе стола в провансальском с плетеным соломенным сиденьем кресле. Говорил он о своем писанье, о том, что пришло с почтой — корреспонденция была у него обильная, так как, не считая личных и «партийных» отношений, у него были дела редакторские — он был в редакционной коллегии «Современных Записок», иногда читал вслух какое-нибудь письмо или делился своими соображениями по поводу ведения дела в редакции журнала. И.А. любил пошутить с ним, но, в общем, очень с ним считался и называл его своим близким другом. С Верой дело обстояло сложнее. Ее и влекло к Илюше, и вместе с тем она многое отрицала в нем, находила его «неискренним» и часто отчаянно спорила с ним и о нем. Но в то же время она и говорила с ним подолгу и тоже не могла противостоять очарованию его улыбки, в чем часто сама потом сознавалась. «Ах, Илюша, Илюша! — любила говорить она. — Всегда старается пленить Ивана Алексеевича... И знает, чем!» Илюша, однако, был действительно верным другом. И выражалось это не только в том, что он порой вынимал бумажник и говорил: «Иван Алексеевич, сколько? Нельзя дворянину сидеть без денег!» — и давал щедрой рукой аванс в счет будущих книг, — нет, выражалось это больше всего в тех не видных ни для кого, но всегда ощутимых, безмолвных человеческих услугах, которые никакими деньгами не оплатишь. Видя мое расстроенное лицо за обедом — я переживала тяжелый душевный кризис, — он тотчас начинал весело говорить, отвлекая от меня общее внимание, и затем вдруг предлагал какую-нибудь прогулку или поездку, в надежде развеять мое тяжелое настроение. Очень скоро, чуть присмотревшись ко мне и видя мое первоначальное неумение войти в новую для меня, слишком «взрослую» жизнь дома (я была наполовину младше всех живущих в нем), он начал понемногу разговаривать со мной и вскоре предложил мне целую программу чтения. По его плану стали приходить из Парижа из его собственной — очень обширной — библиотеки

пачки книг для меня. Книги эти ложились на мой письменный стол и постепенно уводили от часто угнетавшей меня действительности. «Вашему поколению не посчастливилось, — любил говорить Илья Исидорович, ходя со мной по дорожке сада после обеда. — Вы прямо из гимназии выброшены были в чуждый вам мир. Учиться дальше вам было некогда — Россия шаталась и рушилась — какие тут были университеты! Мы в этом отношении были крезами! Так вот теперь надо наверстать. Читайте все это, и постепенно перед вами встанет картина истории русской интеллигенции, русской истории, русской революции. А если и будут пробелы — они сами потом заполнятся».

Ивана Алексеевича он ценил чрезвычайно, но говорил о нем своеобразно. — И.А. — это не человек, а явление, — любил говорить он. — По нем нечего равняться. Надо пролагать собственный путь. Пусть маленький, но свой.

Он настоял, чтобы я поступила в местную школу Пижье, учиться печатать на французской, а затем и на русской машинке.

— И.А., да ведь это вам прежде всего понадобится! — горячо убеждал он. — Ведь вам всего надо столько перепечатывать, Вере Николаевне одной не управиться.

Прогулки — длинные долгие прогулки пешком — были его специальностью. Он составлял планы таких прогулок, стараясь, чтобы никогда не нужно было возвращаться назад по той же дороге: «Вот их у меня сколько, туров, — любил похваляться он, хлопая рукой по руке, как будто показывая их на деле, — двадцать три тура! Куда хотите? Длинную, короткую прогулку?»

Коренастую фигуру Илюши с толстой палкой в руке, в неизменном черном зимой и летом, лоснящимся от этой неизменности костюме, с черной кудрявой головой и поблескивающими на солнце стеклышками пенсне, можно было видеть подымавшейся по крутой тропинке, ведущей на нашу гору, на ровном шоссе, идущем от Грасса в сторону Ниццы, в роскошных аллеях горного парка, называвшегося Ротшильдским, идущим до самой вершины горы над Грассом. Зимой и ранней весной они с Амалией и очередными гостями ежедневно делали такие прогулки часа по три каждая, а теперь, оставаясь на Бельведере, он старался порой вывести его обитателей, правда, так, чтобы прогулка длилась не больше двух-трех часов. Сколько дорог, высоких, горных, с пахнущими лавандой склонами, с темными кипарисами, встающими там и тут из пепельной мглы далеких оливковых рощ, с розовыми черепичными, чуть видными из этих рощ крышами, исходили мы во главе с ним, постукивающим своей толстой палкой и глядящим куда-то далеко вперед близорукими глазами...

На вершине холма

На вершине холма автомобиль остановился. Из него вышел старик в дорожном английском картузе, в сопровождении молодого человека. Навстречу им из раздвижного кресла, где он дремал и курил после завтрака в самой приятной позе — нога на колене другой и привольно запрокинувшись, — поднялся сторож. «Можно достать у вас сыру и вина?» — спросил старик, когда шофер, приподняв фуражку и поблагодарив, взялся за руль, чтобы повернуть назад. Сторож вынул изо рта трубку, молча кивнул через плечо на висевшую на стене надпись, которая извещала, что у сторожа капеллы можно достать вина, лимонаду и кофе. «Тогда давайте нам вина», — сказал старик. В это время молодой, осмотревшись, выбрал находившийся у самого края площадки стол, откуда было особенно далеко видно.

Сторож принес простого горного сыру, тарелки, ножи, бутылку розового деревенского вина и приземистые грубые стаканы, похожие на лампадки, с ямочками, вмятыми в толстом мутном стекле. Ставя все это на стол, он покосился на приезжих, прикидывая в уме, кем бы они могли быть, — но кто они, чем занимаются, решить не мог. Одеты они были довольно просто, даже с некоторой небрежностью, но в то же время наружность старшего внушала размышления, — у него был твердый и прекрасный, как на старинных медалях, профиль, и вообще наружность человека властного, привыкшего, чтобы ему подчинялись. Молодому было лет около двадцати пяти, и обращались они между собой, как люди близкие, едва ли не родственники.

Подав все, постояв около них и увидев, что они говорят между собой и разговора с ним не начинают, сторож отошел и снова лег в кресло. В этот час ему всегда хотелось дремать, а сегодня к тому же был особенно располагающий к этому день, теплый, как весной, каких даже здесь, на границе Италии, бывало в году не много. Дремля, он, однако, продолжал время от времени открывать один глаз и незаметно наблюдать за приезжими. Поглядев, убедившись, что все в порядке и его не зовут, он снова погружался в приятную полудремоту.

В это время, за столом, молодой человек, подперев рукой нервное молодое лицо, глядя на ярко-синюю полосу моря с далеко врезавшимся в нее длинным, узким, курчавым от леса мысом, за которым длинной спиной всплывшего чудовища темнел знаменитый на все побережье своим древним монастырем остров, говорил, видимо, продолжая то, о чем между ними уже не раз говорилось:

— Да, да, я гляжу на все это и в сотый раз думаю, что вы совершаете большое преступление, большой грех, что не пишете всего этого... и именно теперь, когда вы вошли в такую силу, такую полноту... Сколько уже лет вы живете среди всего этого? Почему же вы не пишете о нем? Неужто вас обольщает только прошлое?

Старший покачал головой.

— Не совсем так... Ты ведь знаешь, что я писал и об этом... Я видел две трети мира и писал о них. Но теперь мне все чаще приходит на ум, что, в сущности, самое благородное — молчание. Самые великие поэты, может быть, те, что молчат. Ты еще молод, самонадеян, тебе кажется, что можно все сказать, тебя съедает желание «выразить себя». Впоследствии ты поймешь, что все равно ничего не выразишь. Перед тем неизбежно будешь мучиться в напрасных попытках передать кому-то все, а потом смиришься, почувствуешь свою слабость и станешь стараться передать хоть частичку, хоть что-нибудь маленькое, ничтожное... И тогда, может быть, что-нибудь и передашь, потому что все мы, даже самые сильные из нас, могут передать только частицу, которая совсем ничтожна, даже пошла, в сравнении с тем, что чувствуешь. Да, может быть, самое достойное — молчание...

— Некоторые назвали бы то, что вы говорите, проповедью смерти.

Старший пожал плечами. Некоторое время оба пили вино молча. Потом старший сказал, указывая на стену часовни:

— Посмотри, как прекрасна эта стена! Да, прежде был другой мир, другая душа, несмотря на все их локоны, худые шеи, широкополые шляпы, революции... Что может быть прекраснее этой стены с этим черепичным навесом!

Молодой оглянулся. Позади него была грубая желтоватая стена старой капеллы, прекрасная в своей нагой простоте, украшенная одним только круглым большим окном с запыленным цветным узором внутри. Тени темных игольчатых сосновых веток лежали на ней, двигаясь и перемещаясь при малейшем движении ветра. Одна из этих веток с густо насыпанными в ней шишками, протянувшись, касалась черепичной крыши крытого входа, напоминая крытые крыльца палат. Вход этот был забит, в часовню входили через маленькую боковую дверь в длинной пристройке, где некогда, должно быть, жили монахи, а теперь — сторож. И все это, вместе с панорамой Альп, раскинувшейся на горизонте, с резкой синевой моря, врезающейся сбоку прямо в отлогую желтоватую стену часовни, с чувством пустынной высоты и тихим, нежным, словно поверявшим какую-то тайну, упругим звуком ветра у самого уха, было так прекрасно, что ему показалось, что, будь у него здесь сейчас карандаш и бумага, он на этот раз, наконец, непременно выразил бы все...

— Да, да, — отвечая каким-то своим давним мыслям, говорил в это время старший, — для монастырей, для церквей, для часовен люди от века почему-то избирают уединенные и прекрасные места... И в этом — большая мудрость. «Прекрасная мати пустыня...»

Он разлил по стаканам оставшееся вино. Оба смотрели на занявшее весь горизонт громадное тело Альп, голубых, пересеченных еще более голубыми тенями, к которому в разных местах прильнули нежные облака, то похожие на бесформенный серо-голубоватый дым, то напоминающие своими формами какие-то странные произведения морского дна, полугрибы, полуцветы, полуживотных.

Молодой допил свой стакан. Вино уже придало его мыслям приятную легкость, оторванность от всего обычного, сообщило им призрачную ясность, казавшуюся ему в эту минуту почти пророческой. Ему хотелось говорить.

— Как это странно, — медленно начал он, — что люди, в сущности, почти всю жизнь проводят во сне... что сознание пробуждается в них только вспышками. Некоторые, например, живя не так, как надо, смутно чувствуют, догадываются, что они медленно гибнут, и вот воли у них все-таки не хватает, чтобы сделать какой-нибудь необходимый, решительный шаг, опрокинуть какую-нибудь преграду, преломить, преобороть что-то... И если в них и вспыхнет на минуту понимание своего положения, в следующую минуту они опять погружаются в прежний сон... И я понимаю, что некоторые от отчаяния спиваются, начинают нюхать кокаин, эфир...

— Будда, — сказал старший, — говорил, что человеку и так ничтожно мало дано сознания, а он еще старается редкие вспышки его погасить опьянением. Он порицал опьянение. Мы же, конечно, во сне. Лягушки, птицы, собаки... и мы... В зоологическом сне. Но как здесь хорошо! Этому сторожу здесь превосходно живется...

— Он ведь не чувствует этого так, как вы, — сказал молодой. Несмотря на глубокое уважение, которое он питал к своему старшему спутнику, ему иногда казалось, что некоторые вещи он видит трезвее его.

— Чувствует, чувствует. Все чувствуют. Поверь, милый мой, мы все, в сущности, очень мало отличаемся друг от друга.

Молодой покачал головой.

— Ну, погоди, погоди, поживи... Запомни мое: мы очень мало в чем отличаемся друг от друга...

В сухом бурьяне, которым был покрыт склон холма, давно уже ходила, клюя что-то, большая желтая курица. Теперь она вышла и подошла к самому столу, выжидательно-настороженно держа голову, медленно вышагивая крепкими, обтянутыми сухой серо-перламутровой кожей ногами с звездчатыми когтистыми лапами. В ее мягкой выпуклой груди, в важной степенной поступи, в красных зубах нависшего на глаза гребня, похожего на красный платок, было что-то такое деревенское, русское, бабье, что молодой, бросая крошки хлеба, подумал, что она отлично могла бы быть какой-нибудь рязанской или владимирской бабой.

Сторож принес две чашки рыже-черного кофе и блюдце с пятью кусочками мелкого, дешевого, по виду напоминающего мел, сахара.

— Вы давно здесь живете? — спросил старик.

— Четыре года.

— А-а! А я думал, вы здешний.

— Нет, я — с гор, — самодовольно сказал сторож. — А вы в первый раз здесь?

Старик усмехнулся.

— Пятый год в Вансе, — сказал он.

Сторож взглянул на него зорко.

— Что ж, торговлей занимаетесь?

— Нет, живописью.

— Вот видите, может быть, он вовсе и не так уж восхищается всем этим, — сказал молодой, когда сторож ушел. — Да и потом, тут иногда скверно, должно быть, бывает. Туман, ветер...

— Ну! Из трехсот шестидесяти пяти — триста пятьдесят дней прекрасных... Пройдемся, однако...

Они встали и пошли за капеллу. Оттуда была видна вся лежащая внизу бухта, вся ее густая синева, на которую были наложены ярко-зеленые волны леса, сверху казавшиеся одной гигантской зеленой губкой. Голый, с обрубленной башней город, испещренный косыми углами своих собственных теней, вырастал из бухты, до последнего уголка знойно освещенный солнцем. За ним открывалась другая, огромной, точной и сильной лукой изогнутая бухта, и все кончалось высокой серо-голубой стеной Альп, преградившей небо.

— «Je n'ai rien vu de plus surprenant qu'Antibes debout sur les Alpes au soleil couchant»¹ — сказал молодой, глядя на бухту и город.

— Да, вот еще! — ответил старший. — Мопассан! Для того чтобы сказать

эти и еще несколько слов о том, что ему было дорого, а мне упорно кажется, что ему хотелось говорить только об этом, — он должен был выдумывать и подносить читателю целую историю о какой-нибудь неверной жене... Бедные писатели! Как часто для того, чтобы сказать что-нибудь немного, важное и дорогое им, они принуждены выдумывать целые ненужные истории и незаметно пристраивать где-нибудь это самое дорогое... И до сих пор ни у кого нет смелости писать только несколько нужных строк...

Но младший уже перешел на другую сторону, туда, откуда было видно одно спокойно-синее, идущее к африканскому берегу море. В его уходящей синеве белой продолговатой щепкой, верхняя часть которой была съедена пепельным дымом, лежал идущий откуда-то от Италии пароход. Они долго стояли и смотрели на него.

— Да, — сказал, наконец, старший. — Самое мудрое, может быть, действительно научиться ничего не желать, не выражать... Отсюда это, — он указал глазами на темневший в море монастырский остров, — эти худые руки, прячущиеся в широких белых рукавах, этот потупленный взгляд, эти люди, шагающие по древней темной еловой аллее...

Потом они осматривали капеллу. Сторож провел их узеньким коридорчиком мимо раскрытых дверей какой-то комнаты, где видны были кастрюли и сковороды на столе, и ввел в сумрачно освещенную обширную пещеру капеллы. На вопрос молодого он привычной скороговоркой ответил, сколько сотен лет насчитывается ей, и, остановившись у железного, странной формы подсвечника, напоминавшего покатую школьную парту с перекладинами вместо доски, зажег на нем несколько свечей. Потом он ушел, оставив приезжих одних.

В капелле было тихо, как в музее. Слышно было только мерно-медлительное громкое тиканье больших часов в длинном черном ящике, стоявших почти в ряд с престолом, и тихо чернели в полусвете подвешенные к потолку модели больших и маленьких судов, казавшихся игрушечной флотилией, плывущей по воздуху. Другие корабли стояли в стеклянных ящиках у стены, и вокруг них были разложены старые рыбацьи шляпы, подзорные трубы, обломки дерева, обрывки каната... В одном месте висели старинные серебряные эполеты, в другом, свернувшись под стеклом, чуть поблескивая на сгибах, лежала коротенькая девичья коса, перевязанная белой атласной лентой, еще дальше висела покрытая пылью матросская шапка с золотыми буквами на ленте...

— И все это посвящено Ей! — вполголоса сказал старший.

Она стояла тут же, невысоко поставленная, в золотом платье, в золотой короне с паутиной фатой поверх круглого шиньона, с немного испуганным выражением раскрашенного лица, с Младенцем на одной руке, подняв другую. На этой другой руке были без числа навешаны на белых, голубых, розовых, свежих и посеребривших ленточках образки, медали, перламутровые сердечки. И, держа в одной руке Младенца, а в другой весь этот пестрый, трогательный груз, она смотрела своим наивно-удивленным взглядом куда-то туда, на свечи и корабли, похожая на черноволосую простолюднику из какого-нибудь рабочего итальянского предместья... □

Публикация **Станислава НИКОНЕНКО**

¹ «Я не видел ничего более захватывающего, чем Антиб на фоне Альп в часы заката» (фр.).

Светлана
БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

ЖАЛОБНЫЕ ЖЕРТВЫ

— Ну, что стала, как пень лесной? Сказано тебе: пошла вон! Завтра в Углич отъедешь и будешь там жить, пока чего другого не повелю. Ступай! Царица Мария Федоровна, в девичестве — Мария Нагая, считавшаяся первой красавицей на Руси, отвесила супругу поясной поклон и повернулась к двери. Лебедушкой выплыла из царевой опочивальни, сама не понимая, грустить или радоваться внезапной опале. Была она седьмой супругой государя Всея Руси Ивана Васильевича Грозного и ведала, что ни одна из ее предшественниц своей смертью не умерла.

Так, может, оно и к лучшему — в Углич-то? Подальше от немилосердного супруга, от страшных палат кремлевских, от боярских хитроумных интриг. Не в монастырь, чай, постригают: отсылают, да не одну, а с сыночком любимым. В Угличе-то говорят — красота, тишина, благолепие...

Она только успела добраться до места своей почетной ссылки, как ее нагнала весть: скончался Иван Васильевич, представился в одночасье. Но овдовевшая царица в Москву так и не вернулась

Ивану было семнадцать лет, когда родственники да ближние бояре решили его женить. Хотели устроить традиционный смотр невест и уже огласили приказ: всем боярским дочерям быть в Москве в особом дворце, а кто посмеет девку утаить, тот казнен будет. Повезли бояре красавиц в Первопрестольную, да только зря: царь уже выбрал себе супругу, свою ровесницу, Анастасию Романовну Захарьину-Кошкину.

Наверное, это была та самая любовь с первого взгляда, о которой так много говорят и пишут и в которую мало кто верит. Может быть, сама Анастасия полюбила Ивана только тогда, когда он уже стал ее мужем. Не могла не полюбить, боярышня была воспитана в строгих правилах. Но Иван Васильевич как свою «голубку» узрел, так после никакой другой женщины и видеть не желал.

После пышной свадьбы царская чета пешком отправилась на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Молодая царица была набожна и благочестива, а влюбленный супруг, казалось, только и думал о том, как бы угодить своей «голубке». Но когда вернулись в Москву, Анастасия поняла: сказка закончилась, а ее мужем стал непонятный, загадочный человек, который то осыпал жену подарками, то зло подшучивал над ней.

Мог зазвать в царскую опочивальню кого-нибудь из ближних бояр и от души веселиться, глядя, как боярин боится голову от земли поднять, да ненароком на царицу взглянуть, а царица под одеялом укрывается, да от стыда плачет. Один раз посмела сказать:

— Ой, негоже, государь Иванушка, чтобы мужчина заходил к царице в спальню...

— К кому? — зло прищурился царь. — К царице? Это ты, что ли, царица? Да я мигну — тебя тут же в монастырь запрут. Была ты Настькой Захарьиной, ею и осталась. Смотри, разгневаюсь... — Повернулся на каблуках и выбежал вон.

Первая жена
Ивана Грозного — Анастасия
Захарьина-
Кошкина

Весь день Анастасия проплакала в своей горнице. А к вечеру супруг богоданный вернулся, да такой нежный, такой ласковый, что слезы у молодой царицы враз просохли. Неделю государь не выходил из покоев царицы, нежил да голубил свою ненаглядную, подарил дорогих подарков, наговорил слов всяких... Ну, как на такого сердиться? Горяч, молод, норовист...

Впрочем, свой норов царь Иван Васильевич вскоре стал сдерживать. Анастасия понесла дитя чуть ли не с первой ночи, носила тяжело, мучилась тошнотой да дурнотой. А тут еще на Москве великий пожар случился, долго горел город, едва не дотла выгорел. Анастасия тогда так испугалась (не за себя, а за чадо еще не рожденное), что сердце болеть начало.

Дочка Анна родилась на две недели раньше срока. Едва успели окрестить — прибрал Бог невинную душеньку. Анастасия так убивалась, что смотреть было жалко. Только муж, хотя и печалился о смерти младенца, сказал, что это им — наказа-

Анастасия поняла: сказка закончилась, а ее мужем стал непонятный, загадочный человек, который то осыпал жену подарками, то зло подшучивал над ней

ние от Господа за грехи их. Что новый царский любимец и духовник Сильвестр прямо сказал: в блюде дитя было зачато, потому и не зажилося на свете. Мол, по воскресеньям, во все праздники, до по средам и пятницам от плотского греха воздерживаться надо.

Еще двух дочерей — Марию и Евдокию — родила царица за три года, да обе вскоре за своей сестрицей старшей ушли. Не благословил Бог царскую чету потомством. Анастасия не роптала, только все чаще удалялась в свою светелку — отлеживаться, так сердце болело.

А царь Иван Васильевич дважды выступал в поход на Казань и дважды с бесславием отступал. Лишь третий поход увенчался успехом. Может быть, потому, что перед ним царь дал обет поставить в Муроме каменный собор в честь святых Петра и Февронии. И Казань пала. На обратном же пути царь получил известие, что царица благополучно разрешилась от бремени сыном, которого и нарекли Дмитрием.

Жить бы да радоваться, только через год пронеслась по Москве и по всей Руси весть: государь — при смерти. Анастасию к мужу почему-то не допускали, она истово молилась в своих покоях. Но царю становилось все хуже, и он повелел собрать у своего одра самых именитых бояр, дабы присягнули те на кресте малолетнему царевичу Дмитрию.

Кто-то из бояр, не мешкая, поспешил к присяге, но князь Владимир Старицкий и его матушка, вдовья княгиня Ефросинья, родная тетка царя Ивана, целовать крест Дмитрию отказались наотрез, смутив тем самым многих присутствующих.

— Тебе, государь, и сыну твоему всегда служить рады, а Захарьиным нам не служить. Сам ведаешь: сын твой еще в пленках, а мы и прежде от тех бояр беды многие видели, зачем нам новые жернова?

Поднялся шум и гвалт, бояре люто спорили друг с другом о том, кто знатнее, да кто больше для державы сделал. Совсем забыли, для чего были званы. И тут послышался твердый голос царя Ивана Васильевича:

— Значит, не желаете сыну моему присягать? Смерти моей дожидаетесь, мечтаете нового государя на трон возвести? А вот я возьму, да и не помру! Ступайте все вон отсюда, смрадно от вас...

Только тут Анастасия поняла, что болезнь мужа была притворной, что решил он так испытать верность своих бояр. Сердце прихватило так, что царица побелела, охнула и сползла по стеночке на ковер царской опочивальни. Хорошо, что рядом немецкий лекарь Линзей оказался, помог царице в себя прийти и приказал с великим бережением отнести ее в светлицу. Следом за ней стремительными шагами бросился чудесно выздоровевший царь.

А бояре смиренхонько разъехались по своим домам да вотчинам, чувствуя неминуемую беду: не выдержали они испытания, устроенного им хитроумным царем.

Чуть оправилась царица от припадка, Иван Васильевич повелел всем отправляться вместе с ним, его супругой и малолетним царевичем в паломничество в Кириллов монастырь, что на Белом озере. Такой обет дал он еще под стенами Казани, когда молился о победе над врагами. Царский поезд растянулся на несколько верст: родня царевича Дмитрия со стороны матери, бояре Романовы, сопровождали Грозного и в дни путешествия бдительно следили за неукоснительным соблюдением церемониала, подчеркивавшего их высокое положение при дворе.

Где бы ни появлялась нянька с царевичем на руках, ее неизменно поддерживали под руки двое бояр Романовых. Царская семья продолжила путешествие по реке на стругах. Боярам случилось однажды вступить вместе с кормилицей на шаткие сходы, те не выдержали — и все оказались в воде. Для взрослых купание не причинило вреда, а младенец Дмитрий захлебнулся, и откачать его так и не удалось.

Анастасия так никогда и не оправилась от гибели сына. Ни родившийся через год после этого Иван, ни появившийся еще год спустя Федор не могли заполнить образовавшейся

в ее сердце страшной пустоты. И не смогли излечить надорванное сердце царицы ни народные средства, ни иноземные врачи. Последняя надежда оставалась на недавно появившегося в Москве немецкого лекаря Элоизиуса Бомелиуса, который, по слухам, чуть ли не с того света людей вытаскивал. Иван Васильевич повелел сею лекаря немедля во дворец доставить и принял его почти приветливо. Но и «доктор Елисей», как прозвали немца русские, оказался бессилён. Сказал только государю, что жить царице осталось считанные дни. И что болезнь ее — от злых людей, а не от Бога.

— Порчу навели? — побелел Иван Васильевич.

— Отравили, — просто ответил врач.

Он достаточно много странствовал по Европе, чтобы с первого взгляда обнаружить странные зеленые тени на щеках и шее царицы. Такие же он видел на жертвах интриг французской королевы Екатерины Медичи — яд, от которого не было спасения, и который мог дать царице лишь очень близкий к ней человек.

Царица тихо скончалась в Коломенском дворце — Москва опять горела. Перед тем, как закрыли крышку гроба, царь вдруг бросился вперед с криком:

— Куда ты от меня? Как обойму отныне?

Его унесли почти беспамятного... А когда Иван Васильевич очнулся — это был уже другой человек. Он сам часто говорил, что Анастасия была его ангелом-хранителем. Она сдерживала его звериную натуру и пыталась сгладить внутренние противоречия. Она была ему и матерью, и женой, и любовницей, и другом, и советником. Смерть Анастасии ожесточила его. Первая и последняя любовь царя стала первой жертвой жестокой войны между ним и мятежными боярами. Только враги царицы просчитались.

Сразу после ее смерти была распущена Избранная Рада, долгие годы служившая верой и правдой царю. За годы ее деятельности были приня-

ты реформы, направленные на укрепление самодержавия. Иван, теперь уже Грозный, решил, что способен справиться со всем в одиночку.

Отстояв заупокойную на девятый день, он следующим же утром явил миру совсем иной лик — жестокого и подозрительного насильника, чуждого какой-либо привязанности. Анастасия умерла в августе 1560 года, после тринадцати лет счастливого, в общем-то, брака, а две недели спустя

Иван Васильевич часто говорил, что Анастасия была его ангелом-хранителем. Она сдерживала его звериную натуру и была ему и матерью, и женой, и любовницей, и другом, и советником

«безутешный вдовец»... объявил, что женится снова. На сестре польского короля Сигизмунда II Августа принцессе Екатерине Ягеллонке, дабы не просто вторую супругу взять, но и политические выгоды получить.

Сигизмунд отказал ему: добра от союза с Московией он не чаял, а отдавать сестру за «полоумного еретика» боялся. Вместо родственных отношений возникла взаимная ненависть, да такая, что несколько десятилетий спустя привела к войне с поляками и страшной смуте на Руси. Но это случилось уже после смерти Ивана Грозного.

Тем временем в Москве объявился черкасский князь Темрюк с дочерью «неписанной красоты». Князь сам искал дружбы с русским царем, а в залог предлагал руку своей единственной дочери. Увидев ее, Иван Грозный на время забыл все на свете. Княжна и впрямь необыкновенно хороша собой, хотя и была полной противоположностью русоволосой и светлоглазой Анастасии: тонкая, смуглая, с копной густых, черных, как смоль, волос и с огромными черными глазами. Иван Васильевич впервые увидел такую женщину — и ров-

Грозный впервые увидел такую женщину — тонкая, смуглая, с копной черных волос и с огромными черными глазами. Ровно год спустя после смерти первой жены женился на прекрасной черкешенке, получившей при крещении имя Мария

но год спустя после смерти своей первой жены женился на прекрасной черкешенке, получившей при крещении имя Мария.

Этот брак продлился восемь лет. Царица родила сына, но мальчик прожил всего пять недель. После смерти младенца проявился во всей красе бешеный нрав молодой царицы, охочей не только до чисто мужских развлечений (верховой езды, пиров, соколиной охоты), но и до кровавых зрелищ.

Мария с удовольствием присутствовала на медвежьих травлях и наблюдала с кремлевских стен за публичными казнями, хотя в те времена женщины на казни не допускались. Заикнувшийся о том, что неприлично царице смотреть на жестокие расправы, боярин Адашев был сослан, а вся его родня казнена на Красной площади.

Получив поначалу огромное влияние на мужа, молодая царица не упускала случая настроить царя против бояр. Она придумывала бесконечные «заговоры» против своего державного супруга и так его этим напугала, что царь беспрестанно учинял жестокие пытки и расправы, а затем и вовсе удалился из Москвы и поселился в Александровской слободе под охраной тысячи избранных им так называемых «опричников».

Царский дворец в Александровской слободе превратился в жуткую пародию на монастырь. Ночью царь звонил в колокол. В церковь съезжались опричники в рясах. Потом во время двух-трехчасовой службы царь беспрерывно клал земные поклоны. После службы читал жития святых, а во время обедни опять бился лбом о каменный пол. Но уже за обедом все были без ряс, вино лилось рекой, появлялись женщины. А глубокой ночью оргия опять сменялась молитвой.

Мария не меньше своего супруга любила плотские утехи, причем зачастую искала их на стороне, о чем царю очень скоро стало доподлинно известно. Но он уже охладил к супруге, завел целый «гаремный дворец» в Александровской слободе и пропадавал там неделями.

Со временем поползли слухи и о том, что в Кремль заманивают молодых, пригожих мужчин, после чего они бесследно исчезают. Иван Васильевич поручил своему новому любимцу Малюте Скуратову «привести дознание». Скуратов очень быстро выяснил, что это — дело рук царицы, которая меняла любовников едва ли не еженощно, после чего приказывала их убить или... убивала сама, а трупы потом тайно вывозили из Кремля и зарывали в глухом лесу. Обо всем этом он доложил государю, который равнодушно обронил:

— Узнаю царицу. Пусть веселится. А мы за нее Господу помолимся.

Молился государь, видно, усердно. Через какое-то время царица стала чахнуть, потом слегла — и больше не поднялась. Ее отравили менее изощренно, нежели Анастасию, потому и мучилась Мария недолго. И царь-государь недолго страдал от одиночества, тем паче, что почти все время проводил в обществе лихих молодцев-разбойничков. Дня не проходило без диких набегов на города и села, усадьбы и деревни... Грабежи, убийства, насилия и пожары повсюду сопровождали царя и его опричников на их страшном пути.

Но страшнее всего было видеть самого царя: Иван Васильевич стал уже полусумасшедшим. Он приходил в необузданную ярость по малейшему поводу, а то и без всякой причины, бился в падучей, и на губах у него выступала пена, а глаза закатывались. Он хрипел, потом загнанно дышал и, в конце концов, затихал, впадая в тяжелый сон. Женившись он не желал, да и нужды не было: десятки наложниц вились вокруг него, носили его от стола в баню, а из бани — в опочивальню. Век этих «прелестниц» был недолог, самые «везучие» становились наложницами верховных опричников.

Была у Ивана Васильевича еще одна забава, которая называлась «выбором жены». Он с опричниками делал набеги на вотчины своих подданных. Его встречали по-царски, но, придравшись к какой-нибудь мелочи, венчанный гость приказывал

Одна из жен Ивана Грозного — Василиса Мелентьева

вал опричникам «пощупать ребра» у гостеприимных хозяев. Начинались страшные избиения, которым не подвергались только молодые красивые женщины и девушки. Царь выбирал одну из них, остальные доставались опричникам. Иногда бесчинства «гостей» продолжались дватри дня.

Наконец, в голову Ивана, неизвестно почему, пришла мысль сыграть еще одну свадьбу. Может быть, он все еще мечтал найти вторую «голубку», еще одну Анастасию? Кто знает...

На сей раз царь повелел устроить традиционные смотрины — свезти красавиц со всей Руси, дабы избрать из них наилучшую... И вот уже не по годам согбенный, облысевший, опирающийся на посох Иван обходил ряды невест — молодых, стройных, пышущих здоровьем — и, точно коршун, выискивал себе добычу. Наконец, царь остановился перед юной белокурой красавицей.

— Как звать тебя? — спросил он девушку.

— Марфой, государь, — чуть слышно ответила та.

Иван Грозный стукнул посохом об пол и повелел объявить, что царицею Московской называет он боярышню Марфу Васильевну Собакину, оказавшуюся волею случая дальней родственницей Малюты Скуратова. Боярышню с великим бережением отвезли в Кремль, нарекли «государыней-царевной» и стали спешно готовиться к свадьбе. Недели не прошло, как состоялось пышное венчание, но...

Марфа занемогла прямо на свадебном пиру, из-за стола новобрачную увели не в опочивальню, а в отдельную светелку. Вместо брачной ночи началась ночь «розыска», длившегося несколько недель. Третья жена Ивана Грозного, фактически так и оставшаяся только его невестой, скончалась спустя полмесяца после свадьбы, а на плаху, по обвинению в «сведении со света» царской избранницы, угодило двадцать человек. Главным виновником был объявлен брат покойной царицы Марии, князь Михаил Темрюк, якобы угостивший «государыню-царевну» отравленными засахаренными фруктами. Его без затей посадили на кол.

В гневе и неистовстве государь повелел созвать церковный собор, и послушные ему иерархи признали брак с Марфой недействительным. Законными считались только три брака, так что, решение церковников давало царю возможность жениться еще раз. Правда, от государя потребовали покаяния и наложили на него легкую епитимию — совершать каждый день сто поклонов перед иконами в течение одного года. Но это был последний раз, когда отцы церкви смогли что-то потребовать от Ивана Васильевича.

Через год после смерти Марфы царь снова решил вступить в брак и выбрал Анну Колтовскую, красивую и умную девушку, чем-то напоминав-

Если приглянувшаяся красавица была кротка и покорна, наутро она могла спокойно покинуть царскую опочивальню, иногда даже с подарком. Но если жертва сопротивлялась... Иван Васильевич приказывал бросить ее на растерзание собакам, утопить, повесить или живьем зарыть в землю

шую Анастасию. Анна, по понятиям того времени, была уже «перестарком», ей исполнилось восемнадцать лет, но бояре быстро смекнули, что новая царица — «настоящая». Она сумела подчинить Ивана Васильевича своему влиянию. Массовые пытки и казни прекратились, а в покоях царицы Анны всегда было достаточно красивых женщин, чтобы супруг проводил там все свое время. Молодая царица искусно повела борьбу против опричнины. Она ненавидела их, замучивших ее любимого, князя Воротынского. Благодаря ее влиянию на царя за год были казнены или сосланы почти все главари опричнины. А оставшиеся опричники люто возненавидели Анну.

И им удалось отомстить царице, оклеветав и опорочив ее в глазах су-

пруга. Основным обвинением, правда, было то, что царица «неплодна». В апреле 1572 года ее насильно привезли в Тихвинский монастырь, там насильно постригли под именем Дарии — церемонией пострижения руководил Малюта Скуратов-Бельский. В удел ей, отныне «старице царице и великой княгине Дарье», назначался город Ростов «с волостями и с пустоши, и с селы и со всеми пошлинами», а также 14 сел «с деревнями и со всеми угождями». Несчастливая женщина прожила в монастырском заточении более полувека.

Прошел год после удаления Анны. Бояре прятали из Москвы и округи своих молодых жен и дочерей, царю приходилось рыскать по окрестностям для удовлетворения своих страстей. Тогда он снова решил жениться, причем обошелся без разрешения церкви, просто в ноябре 1573 года обвенчался с княжной Марьей Долгорукой, признанной в Москве «первой красавицей». Свадебный пир был очень веселым, и на улицы Москвы были выставлены столы, заполненные хлебом, мясом и рыбой, а также десятки бочек пива и браги.

Но на следующее утро после пышной свадьбы царь был хмур и неразговорчив. В тот же день он увез царицу в Александровскую слободу, где приказал вырубить на своем пруду огромную полыню. У края полыни поставили высокое кресло. Из дворца на коне выехал царь, за ним следовали сани, в которых лежала в одной ночной сорочке связанная и обеспамятевшая царица Мария.

Царь сел в кресло, а сопровождавший его дьяк громогласно объявил:

— Православные! Ныне узрите, как карает великий государь измену. Князь Долгорукий обманном воровским обычаем повенчался государя с девкой, коя до венца слюбилась с неким злодеем и пришла во храм в скверне блудодеяния, о чем государь не ведал. И за то злое, изменное дело повелел великий государь девку Марийку в пруду утопить.

Скуратов ткнул ножом лошадь, запряженную в сани, и испуганное животное метнулось в полыню, где

и утонуло. Когда вода успокоилась, Грозный поднялся со своего кресла, снял шапку, перекрестился и сказал: — Воля Господня свершилась.

Брата Марии, Петра Долгорукого, подвергли жестокой пытке «за введение царя в обман и попустительство разврату сестры» и убили.

Тело несчастной княжны-царицы так и осталось в пруду Александровской слободы, бывшим, на самом деле, самым настоящим кладбищем. В нем топили врагов престола, «хоронили» казненных, сами тонули по пьянке. Иностранцы посла сообщали своим суверенам, что в сем пруду развелись крупнейшие и жирнейшие карпы да караси. На пирах и дипломатических приемах эти подводные стервятники были самым лакомым, центральным блюдом.

После этого события царь снова «пресыщался» в гареме дворца слободы. А однажды заехал к князю Петру Васильчикову и увидел его 17-летнюю дочь-красавицу Анну. Известно, кто их венчал, но царицей Анну Васильчикову никто не признавал. Царь прожил с ней три месяца, и молодая непризнанная царица как-то таинственно скончалась, вроде бы от «грудной болезни». Осталась только запись в книге Иосифа Волоцкого монастыря, что царь пожертвовал «по Анне Васильчиковой дачи за упокой государские 100 рублёв». Тенью мелькнула несчастная юная жертва царского сластолюбия, неизвестно даже, как она выглядела.

Несколько лет прошло относительно спокойно, государь тешился разными девицами да чужими женами, не пытаясь заключить новый брак. Он даже стал милосерднее: если приглянувшаяся ему красавица не противилась, была кротка и покорна, то наутро она могла спокойно покинуть царскую опочивальню и дворец, иногда даже с каким-нибудь подарком: перстнем или серьгами. Но если жертва сопротивлялась... Удовлетворив свои желания, Иван Васильевич приказывал бросить несчастную на растерзание собакам, утопить, повесить, живьем зарыть в землю. Фантазия у царя была богатая.

Так продолжалось до той поры, пока на глаза царю не попала су-пруга его стремянного Никиты Мелентьева. Василиса действительно была красавицей, знала об этом и вела себя так, что в ее присутствии любого мужчину бросало то в жар, то в холод. Не стал исключением и сам Грозный. Верный слуга Малюта Скуратов и тут не оплошал: угостил доброй чаркой вина Никиту, а тот возьми после этого, да и отдай Богу душу. Чтобы вдова не убивалась по супругу, Скуратов перевез ее в царский дворец — прямо в опочивальню, где Иван Васильевич ее и узрел. Да так изумился этакому чуду, что сам не заметил, как согрешил, и не единожды.

Хотя известно, что Иван Васильевич с Василисой обвенчался, неизвестно, было ли то подлинное венчание, или государь устроил очередное представление. Так или иначе, царицей Василису считала только она сама, прочие же ее никогда так не величали. И все же на два года она смогла полностью завладеть царем: во всяком случае, после объятий Василисы у Ивана Васильевича сил оставалось только на то, чтобы помолиться, да и то — не всегда.

В Москве почти прекратились казни, а во дворце — разнузданные оргии. Но однажды, во время беседы со шведским послом, Иван Грозный внезапно прервал разговор и направился в покои Василисы. Та казалась смущенной. Вызванный царем Скуратов, обыскав терем, нашел спрятавшегося за пологом кровати царского сокольничего Ивана Колычева, которого разгневанный государь тут же проткнул острым концом посоха. На следующий день в могилу опустили два гроба: в одном был убитый Колычев, в другом — живая, но связанная и с кляпом во рту Василиса Мелентьева. Все родственники Колычева отправились на плаху. Поток крови лился несколько месяцев.

А потом царь снова принялся за... поиски невесты. Он выбрал Наталью Коростову, но встретил неожиданное препятствие: дядя Натальи, новгородский архиепископ Леонид, приехал в Москву и заявил царю, что скорее убьет свою племянницу сам,

Царица Мария Федоровна, в девичестве Мария Нагая, считавшаяся первой красавицей на Руси, была седьмой супругой Ивана Грозного и знала, что ни одна из ее предшественниц своей смертью не умерла

Выбор
невесты

Жениться Грозный не желал, да и нужды не было: десятки наложниц вились вокруг него, носили его от стола в баню, а из бани — в опочивальню

чем отдаст ее на поругание царю. Эти смелые слова архиепископ прознес открыто, на приеме. Все ждали, что государь, как обычно, придет в ярость, но, к общему изумлению, Иван Васильевич сохранил спокойствие и даже обласкал Леонида.

В тот же день на дворцовой площадке состоялась оригинальная потеха. С заднего крыльца дворца вынесли какой-то тюк, зашитый в медвежью шкуру. Этот тюк положили среди площадки. Затем псаря привели около десятка огромных злых псов и натравили их на тюк. Псы в несколько мгновений разорвали медвежью шкуру, а потом разорвали и зашитого в ней человека. Это был архиепископ Леонид. После приема его пригласили в стольную палату, накормили, а затем...

Наталья Коростова, несмотря на ее сопротивление, должна была поселиться во дворце. Она стала добычей царя, но не получила звания царицы — дядя невольно оказал ей плохую услугу. А через несколько месяцев и вообще бесследно исчезла. Неизвестно даже, сколько лет было очередной «царской невесте». Воз-

можно, ее скелет скрыт в стенах кремлевских подземелий, где Грозный любил заживо хоронить людей, которых почему-либо неудобно было казнить публично.

Исчезновение Натальи совпало с появлением в Москве боярина Федора Нагого. Боярин много лет прожил в ссылке и, неожиданно для него самого, вдруг получил от Грозного приказ немедленно вернуться в столицу. Нагой не мог объяснить себе, благодаря чему царь снял с него опалу. Между тем дело обстояло очень просто.

В вотчине опального боярина случайно, проездом, был князь Одоевский, один из послов, постоянно ездивших из Москвы к польскому королю. Вернувшись в Москву, князь придумал способ расположить к себе царя. Он в ярких красках описал ему красоту боярышни Марии Нагой. Иван Васильевич так увлекся этим описанием, что немедленно приказал вернуть в Москву боярина со всем его семейством.

Мария Нагая, действительно, была идеалом русской красавицы. Высокая, статная, с большими вырази-

тельными глазами и густой косой ниже пояса, она пленяла всех, кому приходилось ее видеть.

На другой день после приезда Нагого царь вызвал его к себе, обласкал, пожаловал ему подмосковную вотчину и, в знак особой милости, объявил, что на днях посетит его. Действительно, через два дня у дома Нагого, на окраине Москвы, появился царский поезд. Иоанн приехал верхом. К этому времени он уже настолько одряхлел, что ему трудно было держаться в седле, но он старался казаться моложе своих лет.

Боярин Федор Нагой встретил царя на крыльце с глубокими поклонами. В обширной, богато убранной стольной горнице высокого гостя ждала боярыня с подносом, на котором стояли две золотые чарки: для царя и хозяина. Царь вошел, оглянулся, поморщился и, не отвечая на поклон боярыни, сказал:

— Не ладно принимаешь, боярин. Я к тебе — со всеми милостями, а ты меня обижать задумал.

Нагой растерялся.

— Помилуй, Великий Государь. Можно ли мне и помыслить чинить тебе обиду? В чем ее усмотреть изволил?

— А в том,— ответил Грозный,— что не кажешь мне дочь свою. А она, сказывают, красоты неописанной. Веди меня к ней.

Боярин упал в ноги и покаялся, что Марии нет в Москве.

Против ожидания, царь не разгневался, а добродушно усмехнувшись, сказал:

— Сейчас же посылай за боярышней. Послезавтра опять приду к тебе. И если тогда ее здесь не будет, не прогневайся...

Нагой сразу же поскакал в свою вотчину и вернулся в Москву уже с дочерью. Мария плакала, умоляла убить ее, но не разлучать с женихом, а честолюбивый боярин решил во что бы то ни стало исполнить волю царя.

В назначенное время Иоанн приехал к Нагому. На этот раз вино поднесла ему боярышня Мария. Вопреки всем обычаям, царь при ней сказал Федору:

Н.Неврев.

**Василиса
Мелентьева
и Иван
Грозный**

**Обыкновенно
считается ше-
стой женой
Ивана Грозного,
хотя и не была
венчана с ним**

— Ну, боярин, сам я себе у тебя сватом буду. Полюбилась мне твоя дочь, быть ей московской царицей.

Мария тут же упала в обморок, а Нагой низко поклонился.

Царь усмехнулся и, взглянув на лежавшую без чувств девушку, добавил:

— Видно, не по нраву пришелся я боярышне. Да ничего. Стерпится — слюбится.

Через неделю отпраздновали свадьбу. Конечно, и на этот раз церковный обряд совершался без участия патриарха и епископов, но свадебный стол был обставлен очень торжественно. Подавались «сахарные кремли», вино лилось рекой. Посаженым отцом царя был его сын Федор, дружкой со стороны жениха — князь Василий Иоаннович Шуйский, дружкой со стороны невесты — Борис Федорович Годунов — все будущие московские цари.

На другой день после свадьбы царя состоялась другая свадьба — его сын Федор женился на Ирине Годуновой. На какое-то время в московском дворце воцарились мир и спокойствие..

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

Судьба и душа

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

Судьба и душа

Любое место на Руси казалось Марии спокойнее и приятнее, нежели царские палаты, где медленно, но неотвратимо сходил с ума ее венценосный супруг

Царица Мария покорилась своей участи, а сам царь был доволен своей новой женой. Одно лишь ему в ней не нравилось: она часто, без видимой причины, начинала плакать. Однажды, застав ее в слезах, он до того рассердился, что обещал «отдать ее псам», если она не станет веселой.

Мария от этого не стала веселее, и между ней и царем постепенно наступило охлаждение. Грозный вернулся к прежним привычкам. Снова ночью дворец оглашался пьяными песнями, опять в нем воцарился дикий разгул. Но у Ивана Васильевича силы были уже не те. Случалось, что он среди оргии вдруг засыпал, забывал имена своих любимцев, иногда называл Годунова Басмановым, удивлялся, почему за столом нет Вяземского, казненного им много лет назад, и тому подобное.

Его старший сын Иоанн, унаследовавший от отца все дурные качества, принимал деятельное участие в оргиях. Но в то же время как наследник престола он интересовался всеми государственными делами. В этой области Иоанн был ярким противником царя. Зная, что государь ищет мира с Польшей, он переписывался с польским королем Баторием и обещал ему после смерти отца всевозможные уступки, если король прекратит войны до воцарения его, Иоанна Иоанновича. Зная болезненную впечатлительность отца, Иоанн надеялся довести его до окончательного состояния безумия и, таким образом, поскорее занять его место. Первое ему удалось, второе — нет.

Как говорится, яблоко от яблони недалеко падает. Царь Иоанн Васильевич только официальным браком был женат не менее семи раз. И молодой царевич старался от отца

не отставать. Первой его супругой была Евдокия Сабурова, насильно постриженная в монашки, второй — Феодосия Соловова, у которой та же судьба — свою жизнь она окончила в монастыре. А к 1583 году он был женат на Елене Шереметьевой.

Ее-то, зашедшую в покои к мужу, случайно и встретил свекор. Беременная Елена вышла к тому же «распояской», то есть в одежде нараспашку, а такой вид для замужней женщины считался зазорным. Увидев подобный срам, Иван Грозный отвесил невестке пару крепких оплеух. Она упала, ударилась, и уже следующей ночью у нее случился выкидыш.

Сын, вступившись за жену, получил посохом в висок и, промучившись два дня, скончался. Отчаяние царя было неподдельным: младший сын Федор Иванович не был предрасположен к государственному делу, в силу своей доброты и набожности. Многие злые языки называли его даже слабоумным. Оставалось надеяться на то, что беременная царица Мария родит здорового сына. Но и Мария Ивану Васильевичу к этому времени стала ненавистна.

Когда государь немного оправился от потрясения, все заметили в нем огромную перемену: он окончательно перестал выносить около себя людей, не способных непрерывно веселиться, но в то же время почти совсем исчезла и его кровожадность. Казни стали в Москве редкостью, зато еще более усилилось чувство сладострастия. Иван Васильевич вожделел всех женщин, включая собственных невесток, и те даже избегали оставаться с ним наедине.

А в это время приближенные Ивана Грозного всерьез думали об очередном браке царя, на сей раз — с племянницей английской королевы Елизаветы Марией Гастингс. Царю сообщили, что сия девица весьма хороша собой и славится своей добродетелью. Этого было достаточно, чтобы в Лондон на переговоры о браке и «смотрины» был отправлен дворянин Федор Писемский.

Царь предвидел, что королева Елизавета может возразить, что он женат, и велел передать ей, что

этот брак недействителен, ибо не признан архипастырями греческой церкви.

Кроме того, Писемский должен был обещать Елизавете тесный союз Англии с Русью.

Королева приняла московского посла с большими почестями, но от носительно сватовства дала уклончивый ответ. По ее словам, Мария Гастингс больна, и видеть ее нельзя. Королева была в очень затруднительном положении: с одной стороны, ей хотелось породниться с русским царем, с другой же — Мария Гастингс и слышать не хотела о браке с государем, жестокости которого были хорошо известны в Европе. В конце концов, Елизавета нашла остроумный выход: под именем Марии Гастингс Писемскому показали какую-то рябую, кривобокую девицу почтенного возраста. Разумеется, после этого посол поспешил уехать из Лондона, чтобы сообщить царю, что его обманули, и что выбранная им невеста похожа на чудовище.

За хитрость Елизаветы поплатился лейб-медик московского царя, англичанин Роберт, который первый сообщил ему о красоте Марии Гастингс: его замучили в застенке.

Между тем Мария Нагая благополучно разрешилась от бремени сыном, которого Иван Васильевич повелел наречь Дмитрием. Продолжать супружескую жизнь с некогда столь любезной ему Марией Грозный не пожелал и, когда она, оправившись после родов, предстала пред его очами, повелел ей отъехать с младенцем в город Углич и жить там тишайше.

Мария, разумеется, повиновалась. Любое место казалось ей спокойнее, нежели царские палаты, где неотвратимо сходил с ума ее венценосный супруг.

Накануне своей смерти, 17 марта 1584 года, царь отправил боярина Шуйского в Швецию. Ему сообщили, что у шведского короля есть дальняя родственница, отличающаяся удивительной красотой. Царь решил посвататься к шведской принцессе. Он предлагал королю тесный союз и всевозможные льготы. Но Шуйскому не суждено было покинуть пределы

Руси — на другой день его догнал курьер с вестью о кончине царя. Иоанн умер внезапно, во время партии в шахматы.

Даже его могучий организм не выдержал оргий, среди которых протекала его жизнь.

Вот как описывает смерть Грозного историк Н. Костомаров:

«В начале 1584 года открылась у него страшная болезнь; какое-то гниение внутри; от него исходил отвратительный запах. Иноземные врачи расточали над ним свое искусство, Иван приглашал к себе знахарей и знахарок, их привозили с далекого севера, какие-то волхвы предрекли ему, как говорят, день смерти...

Наступило 17 марта 1584 года. Около третьего часа царь отправился в приготовленную ему баню и мылся с большим удовольствием; там его тешили песнями. После бани царь чувствовал себя свежее. Его усадили на постели; сверх белья на нем был широкий халат. Он велел подать шахматы, сам стал расставлять их, никак не мог поставить шахматного короля на свое место и в это время упал.

Явились врачи со своими снадобьями, начали растирать его; явился митрополит и наскоро совершил обряд пострижения в монахи, нарекая Иоанна Ионою. Но царь уже был бездыханен.

Ударили в колокол на исход души. Народ заволновался, толпа бросилась в Кремль. Борис Годунов приказал затворить ворота. На третий день тело царя Ивана Васильевича было предано погребению в Архангельском соборе, рядом с могилой убитого им сына».

Известно, что в конце жизни, испытывая раскаяние, Иван Грозный велел составлять список жертв своего ужасного правления, который перед его смертью вырос до 3000 с лишним имен. Копии этого списка, вместе с денежными пожертвованиями, были разосланы по крупнейшим монастырям России с распоряжением молиться за упокой их душ.

В этом длинном списке затерялись имена жертв, которых сгубила царская любовь... □

В конце жизни, испытывая раскаяние, Иван Грозный велел составлять список жертв своего ужасного правления, который перед его смертью вырос до 3000 с лишним имен

Иллюстрация Романа Львова

Юрий РЯБИНИН

Четвертый Патрон

После Пасхи мне предложили долгожданную приват-доцентуру в университете. По этому случаю я позволил себе немного кутнуть, что называется, и пригласил свою невесту на ужин в ресторан. Новая должность позволяла наконец-то жить вполне, а значит, подумать и о женитьбе. Лизонька тоже понимала, какие перспективы открываются перед нами, и обрадовалась, кажется, больше моего.

Метрдотель проводил нас к столику напротив окна, заказанному мною накануне, оставил карту-меню и убежал навстречу новым посетителям.

Едва нам подали закуски, в зал вошел знакомый мне отставной подполковник, густоволосый, но совершенно седой человек высокого роста, бравый, лет сорока пяти. Мы с ним пользовались у одного дантиста, что и послужило причиной для ближайшего знакомства. Сошлись мы довольно коротко, но в пределах этикета, принятого в среде людей, считающих себя интеллигенцией.

Перед ним тотчас вырос метрдотель и, вероятно, стал извиняться за отсутствие свободных

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

Рассказ

мест. Подполковник сразу же как-то весь поник, сделал рукой неловкое движение, означавшее сожаление, и хотел было уйти, но тут я приподнялся из-за столика и знаком пригласил его присоединиться к нам. Он очень обрадовался, подсел за наш столик, а, хорошенько закусив и выпив, спросил меня:

— Что вы думаете: чья возьмет на Балканах?

— Да уж, верно, не наша, — отшутился я, имея в виду неучастие России в событиях. Я вообще не слишком интересовался этими бесконечными балканскими неурядицами, хотя кругом только об этом и говорили.

— Да-а... — Собеседнику, кажется, не очень-то понравилось мое к этому отношение. — Встретил сейчас одного знакомого. Полковник. Служит еще. Говорит: хотел ехать в Сербию, да раздумал — маленькое жалованье сербы положили.

— Практический человек ваш знакомец. Что ж тут удивительного. Таких офицеров, что были в двенадцатом году, теперь поискать. Разве нынче кто-то прельстится одними только саблей, водкой да гусарским конем?

— Верно. Времечко-то наступило... э-эх! А когда я начинал службу, я видел офицеров, способных на такое самоотречение, с таким обостренным честолюбием, о каких не слыхал никогда до того и не встречал после. Вам интересно? Извольте, послушайте.

Это случилось, помню, в первый год царствования Александра Александровича. Наш полк стоял тогда на летних квартирах в ***ской губернии, обычном, ничем не примечательном степном крае южной России. Скука там, надо сказать, страшная. В ближайшем уездном городе офицерского собрания, разумеется, не было. Но предводитель, сам в прошлом пехотный офицер, открыл нам на милость доступ в свой огромный и крайне неудобный особняк, где обыкновенно собиралось местное дворянство. Впрочем, особливо веселья мы и там не нашли. И тем не менее, чтобы как-то разнообразить наше безрадостное существование, мы чуть ли не ежедневно проделывали две версты с лишком до города и назад.

Служил у нас тогда в полку один поручик по фамилии Ельчанинов. Много всякого о нем рассказывали. Будто бы его изгнали из гвардии за дуэль. Еще раньше, говорили, он проиграл в карты свое имение. Потом служил в каком-то захолустном гарнизоне. Но и там с ним приключилась история. Не то он влюбился в жену начальника, не то она в него. Так или иначе, это ему дорого обошлось. Он стрелялся с мужем красавицы, убил его, но и сам получил изрядное ранение. В результате, Ельчанинова разжаловали и отправили в армию к Николаю Николаевичу. На его счастье, война за Дунаем еще не закончилась. Он побывал в нескольких делах, снова получил поручика и таким образом оказался у нас в полку. Должен сказать, что внешний облик и самое поведение Ельчанинова нисколько не соответствовали слухам о его бурном прошлом. Я его знал человеком даже не тихим, а каким-то незаметным, что, сами понимаете, не может быть заслугой для офицера. В разговорах он почти не принимал участия, больше слушал других, со всеми всегда соглашался, всем уступал, в карты играл редко, и по самой маленькой. Знаете, мне даже казалось, что если бы его кто-нибудь оскорбил, он бы не вызвал обидчика. Но наши офицеры, к их чести, никогда не выказывали своей доблести, пользуясь безответностью Ельчанинова. Не знаю уж почему, но со мной Ельчанинов завязал отношения более, чем с кем-либо. Иногда он мне что-нибудь советовал, предостерегал, но всякий раз делал это с таким виноватым и просящим пощадой лицом, что я насилу сдерживался, чтобы не порвать сию минуту нашей, с позволения сказать, дружбы. И вообразите, этот незаметный человек однажды переполошил весь полк, выкинул такое, о чем я до сих пор не могу вспоминать без содрогания.

По окончании маневров предводитель решил дать обед для офицеров. Обед он закатил по-провинциальному грандиозный. На длинном столе ле-

жало с дюжину улыбающихся поросят, были блины с икрой, много фруктов, не говоря уже о салатах и прочих мелочах. А от изобилия вин и оковитки наши офицеры пришли в полный восторг. Кроме предводителя, нескольких уже знакомых нам дворян и местной поповки, появился в собрании и некий гусарский ротмистр, как говорили, только что приехавший из Петербурга в свое имение в отпуск. Вам, наверное, приходилось слышать о ком-нибудь такие слова: «блестящий офицер». Так вот этого ротмистра иначе и не назовешь. И не только потому, что на нем безукоризненно сидел великолепный, новенький, расшитый золотым шнуром гусарский мундир. От него, знаете ли, исходила какая-то внутренняя неукротимая сила, дополненная отменно выправкой. Вы видели, может быть, портрет Ермолова в Военной галерее в Петербурге? Он очень походил гордым своим профилем на тот портрет, разве что был моложе. Но при всем этом не выставлял себя напоказ, как делают некоторые, не бравировал и держался почти скромно. Только с лица его ни на минуту не сходила многозначительная улыбочка. Естественно, некоторые наши офицеры его тотчас невзлюбили.

Когда все наполнили бокалы, с места своего поднялся предводитель, а я вам уже говорил, что он служил в свое время в пехоте, и предложил тост «за доблестную русскую инфантерию». Не знаю уж почему, но ротмистр взял со стола свой бокал, когда все уже выпили. Убежден, что он это сделал без злого умысла. Кажется, ему помешало выпить одновременно со всеми сидевший с ним рядом старик-помещик в допотопном николаевском сюртуке и с зелеными от табака усами. Он все время пытался рассказать своему красавцу-соседу что-то очень пикантное. Наши офицеры заметили это, переглянулись, и один штабс-капитан, не дождавшись даже, пока гусар допьет, громко ему сказал: «А вы, ротмистр, не торопитесь засвидетельствовать своего уважения к пехоте». Ротмистр спокойно допил бокал, не торопясь поставил его на стол и с обычной улыбкой своею ответил: «То, что по-настоящему является уважаемым, не нуждается в дополнительном подтверждении».

Может быть, все бы еще и обошлось, потому что поспешно встал предводитель и открыл было рот, чтобы привлечь речью своею внимание собравшихся и предотвратить таким образом скандал, но все окончательно испортил наш командир полка. Должен сказать, в полку его не любили. Мы считали его человеком не благородным. На словах полковник не упускал случая показать, что он отечески радеет о чести полка, но делом этого никогда не подкреплял и только ронял, в результате, полковую честь. Ему очень хотелось блеснуть лишним раз перед своими офицерами умом и находчивостью, и для этого он решил урезонить столичного франта. «Господа, — сказал он, — будем снисходительны к словам капитана, он — кавалерист и по долгу службы вынужден проводить много времени среди лошадей». Офицеры сдержанно рассмеялись. Все знали, что сейчас ротмистр его вызовет, а полковник изобразит из себя главнокомандующего и на этом основании с достоинством откажется от поединка с «неровней».

Так и случилось. Гусар спокойным, нисколько не изменившим ему голосом произнес: «Господин полковник, я избавлю вас от необходимости проявлять свое великодушное снисхождение к человеку, предпочитающему лошадей вашему обществу. Извольте теперь разговаривать с моим доверенным». И хотя гусар проговорил свою тираду сидя и даже не меняя позы, настолько он умел владеть собою, полковник порывисто вскочил, театрально бросил на стол салфетку и сказал, едва сдерживая дрожь в голосе: «Милостивый государь! Вы пользуетесь тем, что я, в силу своего положения, лишен возможности стреляться с вами, но поскольку нынче в городе нет офицера выше меня чином, и я пользуюсь правами коменданта города, то я велю сейчас вас заключить под арест!»

Ротмистр огляделся по сторонам, вероятно, ища подсвечник. И быть бы в тот день нашему полковнику битым, если бы вдруг откуда-то с края стола

негромко, но уверенно и отчетливо, не прозвучал голос Ельчанинова: «Господин ротмистр, в старину существовал замечательный обычай: если в силу каких-либо причин один из противников не мог участвовать в поединке, за него выходил добровольный боец. Если у вас нет возражений, я вам дам удовлетворение».

Предложение всем нам показалось тем более странным, что исходило из уст поручика Ельчанинова. Но ротмистр нашел такой вариант вполне для себя подходящим. Более того, на лице его изобразилась превеликая радость, будто все сложилось для него самым благоприятным образом. Он встал из-за стола и обратился к Ельчанинову: «Совсем по Корнелию, господин поручик». Потом поклонился всем коротким, по-военному, кивком головы и вышел. Полковник тоже остался доволен таким исходом, хотя и сделал Ельчанинову тут же предостережения о ждущем его суровом розыске в случае участия в дуэли.

По дороге в село, где стоял наш полк, пропустив кавалькаду офицеров вперед, Ельчанинов попросил меня быть его секундantom. Я согласился, ни о чем не расспрашивая. Мне казалось все ясным: скромный мой товарищ не посрамил своего полка в роковую минуту, вступился за его честь. Но каков же подлец полковник! Ведь он, по сути, подставил под пулю своего офицера!

Вечером в полк приехал секундantom ротмистра — наш добрый знакомый предводитель. Мы втроем оговорили условия. Драться было решено завтра на рассвете в роще неподалеку от города. Предводитель откланялся. Я также собрался уходить, но, прежде чем оставить Ельчанинова в покое, сказал ему: «Знаете, я не уверен, что полковник достоин той услуги, которую вы ему оказываете, и поэтому считаю своим долгом начать завтрашнее дело с предложения о примирении. Убежден, что и секундantom противника меня поддержит».

Ельчанинов улыбнулся, как обычно улыбаются на замечания детей. Вообще, с ним произошли, как я заметил, некоторые превращения с момента вызова. Раньше он если и улыбался, то всегда виноватою, просящею улыбкой, да и то редко. Другое дело сейчас. В нем появилась какая-то уверенность или, я бы сказал, неукротимость. Он предложил мне задержаться и, когда я снова сел подле него, произнес: «Пустое. Полковник здесь ни при чем. Может случиться так, подпоручик, что вы будете последним человеком, с кем я разговариваю. Поэтому я хотел бы, чтобы вы знали эту историю. Дело, конечно, не в полковнике. Бог с ним. Вам, наверное, будет небезынтересно узнать, что ротмистр — мой давнишний знакомец. И должен сказать, что большего храбреца и человека благороднее я не встречал в своей жизни. Эти-то его доблести и погубили меня. Однажды я уступил ему в храбрости и благородстве, в результате, положительно поломал себе жизнь. Я никогда не искал мести, поэтому и не вызывал его раньше. Но раз уж сама судьба так распорядилась, подарила такой достойный повод — постоять за честь полка, значит, по сему и быть. Пусть один из нас прекратит стеснять другого своим присутствием на этом свете. Он тоже меня узнал. Вы заметили верно, что он почти обрадовался, когда я решился с ним драться — Ельчанинов помолчал немного, прикурил и продолжил: — Как вы знаете, наверное, я служил когда-то в гвардии в Петербурге. Был довольно богат и полон юношеского кипучего задора. День без подвига, пусть даже это был весьма сомнительный подвиг, казался мне днем, прожитым бездарно...»

Я ушел от Ельчанинова уже в сумерках. Мысль о примирении противников мне пришлось оставить. Мучило только одно: почему же завтра один из этих двух достойнейших людей будет мертв, а такой мерзавец, как наш полковник, еще поживет порядком и, может быть, даже еще не раз «порадеет» о чести полка, как он это сделал сегодня.

Признаюсь вам, я не спал в ту ночь, все думал о Ельчанинове и о гусарском ротмистре. Какие же это были офицеры! Вот такими офицерами и

сильна испокон русская армия. Да что только армия! Как говорится, эти люди есть сила и слава самой России.

Было уже под утро. Я собирался вот-вот крикнуть денщика, чтобы он седлал мне коня, как в дверь вдруг начали неистово колотить. Я открыл. На пороге стоял бледный, совсем задохнувшийся денщик Ельчанинова. «Ты что?» — спросил я его. «И-их благородие...» — едва сумел выговорить денщик и замолк. «Что их благородие?» «Их благородие застрелились...» Я отступил на шаг. «Как застрелились?» — Ничего умнее я не мог спросить у очумевшего солдата, потому что сам, признаться сказать, порядком очумел. «Н-на смерть», — только и вымолвил он.

Через минуту, прихватив и своего денщика, я был у Ельчанинова, где застал потрясающую картину. Посреди комнаты в кресле сидел сам Ельчанинов. Вся правая сторона его мундира была залита засохшею уже кровью, голова упала на грудь, а на виске налился и тоже уже засох кровавый сгусток. Рядом валялся револьвер. Правая рука несчастного самоубийцы свисала как раз над револьвером. Мне совсем глупо и некстати припомнилась строчка из Кукольника: «Оружия ищет рука».

Весть о случившемся разнеслась по полку мгновенно. Скоро пришел полковник, врач, еще несколько офицеров. Врач зачем-то стал заглядывать Ельчанинову в зрачки, будто у человека с разmozженной головой можно найти в зрачках признаки жизни. Я подумал, он еще зеркальце ему ко рту подносить будет. Вся эта депутация только и сделала, что постановила переложить покойника на кровать и накрыть простыней. Я, совершенно потрясенный и растерянный, вышел на улицу. Даже забыл, что у нас на этот час назначена дуэль.

Через некоторое время приехал в старомодной коляске удивленный предводитель. Узнав, в чем дело, он опрометью умчался назад. Спустя где-то полчаса прискакал ротмистр. Хотя у меня уже и заходил ум за разум, я не мог не оценить, как он держался в седле. Куда нам, пехоте. Возле дома Ельчанинова собралась группа офицеров, человек пять-семь. Ротмистр откозырял мне и отвел в сторону. «Поручик, он ничего вам не рассказывал накануне?» «Как же, господин ротмистр, он мне давеча рассказал всю вашу с ним историю. Но если бы вы знали, с какою симпатией он о вас отзывался...»

Гусар ответил не сразу. «Поручик Ельчанинов был благороднейший человек, каких, увы, редко встретишь. И храбрости беззаветной. — Потом гусар словно очнулся и, твердо глядя мне в глаза, спросил: — А скажите, где пистолет, из которого он застрелился? Нельзя ли мне на него взглянуть?» Я ответил, что револьвер пока там же, в комнате. Если господину ротмистру угодно, можно и взглянуть.

Ельчанинова еще не вынесли, он по-прежнему лежал под простыней. Ротмистр несколько секунд смотрел на тело, потом снова спросил о револьвере. Я молча указал ему на стол. Он взял револьвер в руки и тотчас проговорил: «Так я и думал, — и, видя мой недоуменный взгляд, продолжил: — Вы сейчас сказали, подпоручик, что знаете нашу историю. Взгляните сюда, и вам, может быть, станет ясно, чем эта история завершилась». Он протянул мне револьвер. Я осмотрел его, прокрутил барабан и... не поверил, даже сел. К счастью, позади стоял стул, не то быть бы мне на полу.

Чтобы вы могли в полной мере представить испытанное мною потрясение, я должен вернуться назад и рассказать историю злосчастного своего однополчанина, случившуюся с ним до того, как он попал в наш полк, и которую он сам мне поведал в тот последний наш вечер, накануне несостоявшейся дуэли.

Карьера Ельчанинова началась блестяще. Из кадетского корпуса, а в то время, если знаете, корпуса назывались военными гимназиями, его выпустили подпоручиком в один из славнейших полков лейб-гвардии. Он был довольно богат, потому что отец его, вторично женившись, выделил ему роскошное имение покойной матушки. Как говорил Ельчанинов, в нем в

то время было столько необузданных сил и юношеского кипучего задора, что всякий день без подвига, хотя бы и без подвига весьма сомнительного, казался ему днем, прожитым бездарно. Столичные красавицы, актеры, карты, цыгане — казалось бы, только этим и была наполнена его жизнь. Полицейские прятались, когда господу гвардейцы неслись на лихаче на очередной кутеж. Но не приведи Господь гвардейцу по какой-то причине не исправить своей службы. Это считалось наивысшим позором. Гвардеец должен уметь одинаково легко и кутить, и служить. Ельчанинов прославился повсюду. Он был и самый отчаянный кутила, и самый безупречный офицер в полку, за что вскоре был произведен в поручики.

Потеря состояния, казалось, только освободила его от лишних пут. Говорили, что он проиграл имение. Как раз напротив — он и играть-то по крупному стал только после потери имения. А имение он заложил, чтобы выкупить из ямы своего товарища. Товарищ пообещал завтра же вернуть залог, но получил утром пулю на дуэли, и ельчаниновское имение ушло с молотка. В единый миг обнищав, Ельчанинов стал в игре пытаться счастья. Он выигрывал целые состояния и проигрывал столько же. Если ему везло, гуляла вся гвардия, если он проигрывался в пух, товарищи оплачивали по его векселям.

Однажды к ним в полк приехал Великий Князь. Его Высочество пребывал, верно, в дурном настроении и устроил несправедливый разнос одному из офицеров, ближайшему другу Ельчанинова. Ельчанинов почел за долг тотчас вступить за товарища и сделал это в нарочито вызывающей форме. Великий Князь понял, что этот молодец, попирая все правила этикета, ищет дуэли с августейшею особой. Он шепнул что-то командиру полка, и тот был вынужден принять у своего любимца саблю. Выйдя из-под ареста, Ельчанинов узнал, что в гвардии больше не служит.

С понижением в чине он был отправлен в забытую Богом фортецию где-то в киргиз-кайсацких степях. Для иных это было бы полнейшею катастрофой. Ельчанинов же, вспоминая этот период, говорил, что он был лучшим в его жизни, он никогда прежде не чувствовал себя таким свободным и таким сильным. Ему, как воздух, были необходимы испытания, опасности, трудности. Всякая новая удаляя выходка, желательна сопряженная с риском для жизни, удесятерила его силы.

Для того, чтобы вволю чудесить, Ельчанинову не нужны были столицы. Очень скоро крепостица, где выпало ему служить, стояла вверх дном. Не желая отставать от него, смиренные прежде офицеры крепости начали показывать свои доблести. Участились кутежи, потасовки, дуэли. Из Петербурга Ельчанинов привез револьвер и обучил офицеров гусарской рулетке, бывшей тогда еще в диковинку, особенно в такой глухомани, в результате чего двое продырявили себе головы. Комендант крепости приказал Ельчанинову сдать револьвер и пригрозил судом на будущее. Знал бы старый комендант, какое удовольствие он доставил Ельчанинову такую перспективой.

Оставив на время в покое крепость, Ельчанинов обратил свое внимание на ближайший городок, стоявший верстах в пяти. Он предложил офицерам перенести намеренный по какому-то поводу кутеж из скучной крепости в прелестный азиатский городок. Все радостно поддержали такое предложение. Вы видели когда-нибудь картину «Последний день Помпеи»? Нечто подобное произошло и в этом заштатном городке, оставшемся на карте России по счастливой случайности — в городе была только одна винная лавка. Это его и спасло.

Несколько дней кряду город никем не управлялся, будто в нем не было никаких властей. Дня через три за много верст от города, в степи, нашли едва живого полицмейстера, связанного по рукам и ногам, с кляпом во рту. Он был накрепко прикручен к ослице, которая везла его неизвестно куда. Вообразите! — три дня встречные киргизцы принимали его за дерви-

ша. Наконец, настоящий дервиш растолковал соплеменникам, что не бывает дервишей со стянутыми локтями и с онучиной во рту.

Градоначальник, спасавшийся эти дни в погребе у вдовой попадьи, по окончании офицерского кутежа подал в отставку. Но так как на несколько сотен верст вокруг не было чиновника главнее его, то он же и рассматривал свое прошение. И не удовлетворил его. На удивление, в городе не произошло ни одной кражи, ни одного грабежа, если не считать вычищенной под чистую винной лавки. Половина города пьянствовала с господами офицерами, другая половина пряталась на манер градоначальника. Поэтому и мнение горожан разделилось. И многие еще годы одна половина считала, что пережила апокалипсис, другая же была убеждена, что их городу посчастливилось ненадолго сделаться царством Божиим на Земле.

И хотя в крепость многие офицеры возвратились с побитыми физиономиями, а одного привезли с пулей в груди, случай этот, представьте себе, не имел никаких последствий ни для Ельчанинова, ни для кого другого...

Очередные же перемены в судьбе Ельчанинова произошли совсем по другому случаю.

У одного из офицеров была жена такой красоты, какую и в Петербурге не часто встретишь. И муж, натурально, ревновал ее ко всякому, особенно к Ельчанинову. В кого может влюбиться женщина? — рассуждал он. Ясно — в самого отчаянного повесу. Но капитан ошибался. Жена его была влюблена в молодого подпоручика, приятеля Ельчанинова, с которым они квартировали в одном доме. Иногда красавица украдкой приходила к подпоручику, а потом он ее выводил задами. Так было и на этот раз. Едва влюбленные ушли, как в дом ворвался ревнивец и сразу набросился на Ельчанинова: «Я все знаю! Я выследил!.. Вы!.. Вы!..» Ельчанинов спокойно заметил, что, если он все знает, было бы умнее об этом помалкивать, а не кричать во всю степь. Капитан от возмущения лишился дара речи. Он сумел вымолвить лишь одно слово: «Секунданты!» «Вы хотите сказать, — продолжил за него Ельчанинов, — что вызываете меня и пришлете секундантов?» «Да!» — вскрикнул капитан и убежал.

На другой день красавица сделалась вдовой. Но и Ельчанинова здорово ранило. Он с месяц провалялся в лазарете, а когда поправился, был судим и разжалован. Приятность Ельчанинова умножалась еще более оттого, что его отправляли на Балканы, в действующую армию, которую, кстати, в это время теснили турки. Да и получившие полную свободу капитанша и подпоручик были счастливы вполне. В общем, все устроилось для всех — лучше не бывает.

Если предыдущие свои подвиги Ельчанинов считал одними только развлечениями, то к военным случайностям отнесся очень даже серьезно. Кроме того, ему не нужно было теперь самому изобретать всякие для себя опасности. Готовые опасности ждали его, и он горел желанием в кровавой схватке с супостатом послужить своему государю, поусердствовать во славу России.

Он очень страдал, если в бою находился кто-нибудь ловчее его. Однажды чуть не заболел нервною горячкой, когда в решительном сражении один из солдат раньше его добежал до неприятельских позиций. Но вскоре Ельчанинов добыл свою славу. В деле под Ташкишеном он первым ворвался на турецкую батарею, за что был произведен в прапорщики. А под Филиппополем взял с бою неприятельское знамя. И когда русская армия входила в Адрианополь, Ельчанинов был уже снова поручиком. В Адрианополе он и повстречал впервые гусарского ротмистра. Тогда тот был чином ниже — штабс-ротмистром.

В один из дней адрианопольского стояния, когда до Константинополя оставалось менее двухсот верст, и когда все еще думали, что вот-вот главнокомандующий прикажет своим войскам вступить в столицу православия, в русском лагере в огромной палатке собрались офицеры разных полков, числом этак до пятидесяти. Сидели тесно. Играли. Пили. Говорили

пламенные речи. Что это были за люди! Рискну даже высказать мнение, что никогда больше в русской армии, ни до, ни после этого, не было столь славных офицеров. Собравшиеся в палатке едва ли в чем уступали Ельчанинову. Все они, красавцы удалые, были отчаянными храбрецами, в прошлом проказили не меньше его и ни во что не ставили свою жизнь, а вперед всего искали славы и дорожили честью. Большинство присутствующих толпились вокруг установленных вместо стола и покрытых сукном ящиков. Здесь шла игра. Метал банк пожилой, но крепкий и подтянутый драгунский подполковник, сиявший весь удовольствием ровно под стать новенькому своему кресту, полученному нынче же утром из рук Гурко.

Неожиданно Ельчанинов сделал игрокам такое предложение: «Господа! По-моему, нашему развлечению недостает приятной остроты. Пусть проигравший, кроме того, что расплатится, еще и попытает счастья на рулетке».

Стало тихо, но никто из игроков не посмел отказаться от чудовищного испытания. А те, кто не играл, побросали свои занятия и подошли к столу. Ельчанинов достал револьвер, вынул из барабана пять патронов, оставив лишь один, и положил оружие на сукно. Когда легла последняя карта, все подняли глаза на Ельчанинова — кто с сожалением, а кто и с облегчением. «Убита ваша карта, поручик», — проговорил банкир.

Ельчанинов с полминуты стоял молча, глядя на зловеще блестящую сталь, затем взял револьвер, прокрутил об левый рукав барабан, приставил дуло к виску и спустил курок. Сухой щелчок вызвал в палатке общий вздох облегчения. И вслед за этим все сразу зашумели, заулыбались, зажурчало разливаемое по бокалам вино. Но тут снова заговорил Ельчанинов: «Господа! Господа! Я должен отыгаться. Продолжим нашу игру. И предлагаю обострить ее еще более». С этими словами он взял еще один патрон, из тех пяти, что вынул раньше из револьвера, и вложил его в барабан. Игроки, занявшие было снова свои места, тотчас сделали вид, что они просто зрители, толпящиеся вокруг стола с другими такими же любопытными.

«Так что же, господа, — продолжал Ельчанинов, — будем ли мы играть?» Никто не ответил — предложение было слишком уж безрассудным. Ельчанинов внимательно оглядел присутствующих, пожал плечами и стал собирать рассыпанные патроны. «Дозвольте, — раздался вдруг красивый баритон откуда-то из толпы. — Дозвольте сделать ставку». Ельчанинов отыскал глазами говорящего и загадочно улыбнулся: «Сделайте милость, штабс-ротмистр».

К столу, с бокалом в руке и с приятно улыбкой на лице, вышел молодой красавец-гусар, тоже с новеньким крестом на груди. Под Филиппополем этот штабс-ротмистр со своим эскадронам разогнал превосходящую его неприятельскую силу и пленил пашу. Описывать его я не буду, потому что вы догадались, наверное, кто это был.

Играли они вдвоем. Никто больше не поставил своих карт. Гусар опустил на стол бокал, готовясь понтировать против Ельчанинова, которому пришлось занять место банкира, взял у него карту из колоды и сделал на нее ставку. Ельчанинов с убийственным спокойствием начал метать. После второй прокидки гусар жестом остановил его и открыл свою карту. Он проиграл.

Все потихоньку отступили шага на два от штабс-ротмистра, продолжавшего улыбаться как ни в чем не бывало. Даже Ельчанинов похлодел от этой улыбочки. Гусар взял револьвер, осмотрел его внимательно, будто любовался изделием, потом очень аккуратно, чтобы не испортить мундир, крутанул барабан об рукав, приставил револьвер к голове и спустил курок. Выстрел оказался холостым. Он осторожно положил пистолет на стол, поднял почти полный бокал, сделал два или три маленьких глоточка, слегка поморщившись — видимо, вино показалось ему недостаточно добрым.

На всех, и в особенности на Ельчанинова, это произвело сильнейшее впечатление. Как можно через секунду после столь рискованного опыта думать о качестве вина?! А перед тем заботиться об исправности мундира!

Такого нечеловеческого хладнокровия Ельчанинов не встречал еще никогда в жизни. Потрясение его было настолько велико, что он даже не слышал обращенных к нему слов штабс-ротмистра.

«Господин поручик, — говорил тот. — Вы, кажется, меня не слушаете. Я хотел бы продолжить с вами игру. Но при этом, если не возражаете, ужесточить условия. Предлагаю довести до трех количество патронов в вашем револьвере. — И после паузы с усмешкой добавил: — Иду на вы».

Ельчанинов, не имевший доселе равного себе соперника, растерялся от того, что встретил человека во многом сильнейшего. Это безжалостно разрушало его убеждение в том, что он занял место на самой вершине пирамиды мироздания. Ан нет. Нашелся более сильный, и теснит его с этой вершины. Да что там теснит! Изгоняет прочь, сталкивает, уже столкнул. А это для Ельчанинова было хуже самой смерти. Если теперь он даже и примет предложение гусара и ему выпадет играть на рулетке, первенства ему все равно уже не вернуть. Еще хуже, если застрелится соперник. Это его игра. По его правилам. И пуля для него будет не поражением, а лишь утверждением собственной силы и презрения к малодушным, оставшимся в живых. Схватка проиграна по всем статьям.

Ничего больше не видя и не слыша, не обращая ни на кого внимания, Ельчанинов повернулся и пошел к выходу. Перед ним все расступились. Уже на улице кто-то из офицеров догнал его и вложил ему в одну руку оставленный револьвер, а в другую — выигранные им деньги. Так он и шел через весь лагерь к своей палатке с револьвером и со скомканными ассигнациями в руках, не замечая устремленных на него отовсюду недоуменных взглядов.

Ночью с ним приключилась жесточайшая лихорадка, а наутро его увезли в госпиталь. Провалился он там почти до самого мира с турками. Потом его отправили в Россию, и Ельчанинов вступил в наш полк. Остальное вам уже известно.

Подполковник подлил себе водочки, шумно вздохнул и по-офицерски опрокинул рюмку.

— Ба, молодые люди! — вскрикнул он, хрустя огурчиком. — Да мы одни остались. Половой! Эй, половой!

Мы расплатились и вышли. Подполковник хотел уже откланяться, но у меня было чувство, будто я чего-то не так понял в этой истории, или рассказчик чего-то недосказал.

— Ах, да, — заговорил я, — так что же вы обнаружили тогда на ельчаниновском револьвере? Почему вам ротмистр сказал: взгляните и поймете, чем эта история закончилась?

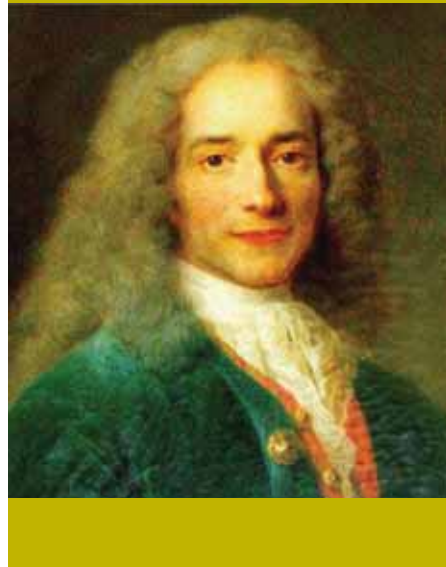
— Как, вы не догадались? Его револьвер был заряжен четырьмя патронами. Это же была гусарская рулетка, господа. Он зарядил револьвер четырьмя патронами, крутанул барабан и... застрелился.

— Но зачем же было так рисковать перед дуэлью?! Четыре патрона! Это же больше чем безумие!

— Э-э, да вы ничего не поняли. Век практических людей! Вот именно — больше чем безумие. Ельчанинов доказал всем, и себе в первую очередь, свое превосходство над гусаром. Спустив курок, он вновь стал первым. И ему очень повезло, что барабан остановился именно так, а не иначе. Он ушел победителем. А главное, лишил своего соперника возможности отыгаться. Не будет же гусар ставить пять патронов, если некому больше показывать своей удали, не с кем состязаться. Кстати, мне потом уже рассказывали: после этого случая ротмистр вышел в отставку и затворился в своем имении, там же в ***ской губернии. И, говорят, вообще очень сильно переменялся. Подозреваю, с ним произошло такое же превращение, как с Ельчаниновым под Адрианополем. Такие-то в наше время были офицеры. Но поздно уже, господа. Честь имею.

Подполковник откозырял нам и пошел рядиться с извозчиком. □

Мадам дю Шатле — замечательный пример того, как женщина может стать великой не только благодаря своему вкладу в науку и удивительным для женщины XVIII века научным открытиям, но и когда ее страстным обожателем становится тоже великий человек. Им был гениальный писатель, философ и поэт — Мари Франсуа Аруэ. А весь мир знает его под именем — Вольтер

Великая любовь

Денис ЛОГИНОВ

Великих

Первая встреча маркизы Эмили дю Шатле и Вольтера произошла весной 1733 года в зале парижской оперы. Ей было двадцать семь, а ему — почти сорок. К тому времени она имела: мужа, троих детей и кучу любовников. Он — несколько «ходок» в Бастилию, оглушительную славу по всей Европе и язвительный взрывной характер.

Когда их представили друг другу, мадам тут же пустилась в заумные рассуждения о Ньюtone, Локке, о бесконечно малых числах в математике, о прелестях и совершенстве латинской поэзии. Ошарашенный ее широкими познаниями, Вольтер сразу же влюбился. «Какой счастливый случай, — воскликнул он, — любоваться той, которая вызывает восхищение!»

Уже через три месяца они вместе грациозно исполняли при дворе короля куртуазный менуэт, пытались скрыть от окружающих таким декором свою любовь. Среди обожавших сплетни придворных пронесся слух, что между маркизой и Вольтером возникла любовная связь. «Подумать только! — возмущались они. — Эта бесстыдница мадам дю Шатле у всех на глазах бросилась в опере навстречу Вольтеру сломя голову и вlepила ему при всех страстный «bise» прямо в губы!»

Но вскоре перед Вольтером вновь замаячила «зловещая тень» Бастилии. На сей раз он получил от друзей известие, что его «Философические письма», в которых он не оставил камня на камне от учения религиозного философа и писателя Блеза Паскаля, публично сожжены, и его могущественные враги в высшей церковной иерархии требуют ареста автора этой ереси. Вольтер понимал, что шутки с Церковью очень опасны, и пора подыскивать надежное пристанище. Узнав о печальном положении любимого, мадам дю Шатле любезно предложила ему спрятаться от властей в замке Сирей, родовом поместье ее мужа, расположенном на самой границе с Лотарингией.

Вольтер принял предложение. В этом замке он прожил целых четырнадцать лет...

Скорее всего, они стали любовниками через несколько месяцев после знакомства, так как уже в конце лета Вольтер в своем письме к аббату Жаку де Саду (дяде известного в будущем маркиза-развратника), жалуется, что мадам дю Шатле слишком много философствует в постели.

Хотя оба утверждали, что не могут жить друг без друга, они любили каждый по-своему, стараясь сохранить при этом максимум свободы. Возможная разлука, как это и бывает на первых порах, казалась им еще такой далекой. Но она чуть не произошла, когда добродушный и доверчивый Вольтер познакомил свою возлюбленную в опере (все, самое важное, как видим, происходит в опере!) со знаменитым тридцатипятилетним математиком Пьером Луи де Мопертюе, членом Санкт-Петербургской академии наук, весьма соблазнительным на вид месье.

В ту зиму, когда постоянно страдающий Вольтер занимался, в основном, своими недомоганиями, репетициями новой пьесы и «шлифовкой» очередной трагедии, мадам дю Шатле усердно брала уроки алгебры у смазливого ученого.

Вольтер начал замечать, что они все чаще подолгу закрываются в ее кабинете. Эта страстная, пышущая здоровьем женщина, видимо, всерьез увлеклась смазливым учителем. Мопертюе всячески поощрял способную ученицу, но стоило ему дожидаться того момента, когда она в него влюбилась, поспешно ретировался. Зачем рисковать своей высокой и безупречной репутацией?

Страстные письма Эмили к Мопертюе сохранились, а к Вольтеру — нет. Хотя, конечно, она писала и тому, и другому. Может, любила обоих одновременно? Трудно сказать. Но она никогда не считала себя связанной до конца с кем бы то ни было.

В апреле 1734 года Эмилия с Вольтером отправились в Бургонь, где должны были присутствовать на бра-

косочетании ее бывшего любовника герцога де Ришелье, близкого друга ее любовника нынешнего. Вольтер приложил руку к заключению этого брака и даже посоветовал молодоженам не сильно любить друг друга, только так, по его мнению, можно любить все время, до бесконечности. «Лучше быть друзьями все время, — поучал он молодоженов, — чем любовниками на несколько дней».

Когда герцог вместе с супругом Эмилией отправились на очередную войну, любовники провели вместе долгие, безмятежные дни. Интерес Эмилией к Вольтеру постоянно рос... Она писала аббату де Саду: «Кажется, он еще сильнее привязал меня к себе. Я и не представляла, что дружба может вызывать такую чувственную, такую острую боль... Я испытываю такое счастье от обладания им... Другие мужчины становятся мне просто невыносимы — они настолько притворны, так несправедливы, исполненные предрассудков тираны. Нет, лучше жить в полном одиночестве, или же с таким человеком, который думает, как ты».

Мадам дю Шатле все чаще стала скучать по светской парижской жизни. И вскоре, оставив Вольтера в Сирейе, уехала в столицу. А он предпринял героические усилия, чтобы превратить эту старую развалюху-замок в приемлемое пристанище для такого гениального отшельника, как он.

Его возлюбленная, тем временем, вернулась к обычному ритму жизни высшего света. Ее часто видели за картами, она по-прежнему брала уроки у своего неверного любовника Мопертюе, и даже влюбилась в нового своего учителя математики Клода Кларо, с которым все чаще проводила время за закрытыми на ключ дверями своего кабинета.

Лишь в начале октября после отъезда Мопертюе в Базель, Эмилия, наконец, вернулась в Сирей. Вольтер занимался обустройством своих покоев и кабинета, писал пространную поэму о Жанне Д'Арк «Орлеанская девственница», которая навлекла на его голову еще большие проклятия со стороны Церкви. И приступил к написанию «Мемуаров». Вот что он писал

в них о своей возлюбленной: «Довольно редко увидишь, как объединяются в одном человеке справедливость ума с самым высоким вкусом и горячим стремлением к образованию. Она не в меньшей степени, чем остальные, любила и светскую жизнь, и развлечения, свойственные ее возрасту и полу. И она оставила все, чтобы похоронить себя заживо в заброшенном замке, на этой неблагодарной, скверной земле, и сделала это, нужно заметить, только ради меня...» Его «Мемуары» будут закончены только через двадцать четыре года, но уже сейчас он восхвалял Эмилию до небес.

Их долгая четырнадцатилетняя жизнь в Сирейе была подчинена одному — занятиям наукой и литературой. Вольтер работал над своими новыми сочинениями, а Эмилия делала все более заметные успехи в расчетах бесконечно малых величин в геометрии и физике. Она была не только его любовницей, обожаемой женщиной, но и его литературным помощником, беспристрастным критиком. Днем, а иногда и ночи напролет, он обязательно читал мадам дю Шатле все, что написал накануне. Вольтер внимательно прислушивался к мнению, к ее предложениям, понимая, что при его невероятной научно-литературной продуктивности, кое-что весьма важное могло ускользнуть от его внимания. В Сирейе, а это время вольтеристы окрестили «годами мадам дю Шатле», творчество этого великого человека приобрело особую плотность, стало отличаться невиданной прежде философской остротой, смелостью, новизной...

Все, казалось, шло хорошо. Но в августе 1736 года произошло одно событие, которое представляло для влюбленных вполне ощутимую угрозу... И с совершенно неожиданной стороны.

Однажды Вольтер получил письмо, написанное на скверном французском языке. Его автором был двадцатичетырехлетний немецкий поклонник, наследный принц Пруссии Фридрих, которого впоследствии нарекут «Великим».

Первые пространные страницы с восхвалениями до небес его яркого таланта (их Вольтер прочитал не без удовольствия, польщенный вниманием к себе со стороны царственной особы) оказались лишь камуфляжем. Фридрих ставил перед ним неразрешимую дилемму, которая будет, как острый гвоздь, отныне торчать во взаимоотношениях Вольтера и Эмилией. Принц интересовался, чему бы он, Вольтер, отдал предпочтение — служению будущему королю самого могущественного государства в Европе, который может предложить ему самые роскошные условия жизни, предоставить полную свободу творчества, гарантировать обеспеченное будущее, восхищение и уважение к нему всего королевского двора, или же одной привязанности к мадам дю Шатле? «Если моей судьбе не угодно быть ко мне настолько благоклонной, чтобы я мог полностью располагать вами, могу ли я в таком случае хотя бы питать скромную надежду лицезреть в один прекрасный день того, которым вот уже долгие годы восхищаюсь издали?» — писал наследный принц.

Вольтер ответил ему довольно пространно в том же льстивом духе. Принц прислал новое письмо. Так началась переписка, насчитывающая более тысячи писем и продолжавшаяся до конца жизни писателя. Готовясь сестра на королевский трон, Фридрих превосходно познал все премудрости тайной политики и сыска. Он наводил Сирей и все окружающие его территории своими шпионами и агентами, державшими его в курсе всех дел и событий в поместье: о взаимоотношениях между Вольтером и мадам дю Шатле, об их повседневной жизни, о том, кто к ним приезжает, с кем они поддерживают дружеские отношения и т.д. Будущий коварный монарх с присущей ему бесцеремонностью пользовался к своей выгоде этими тайными донесениями.

Все дело в том, что ему нужен был только один Вольтер, без мадам дю Шатле. Но он до конца никогда не открывал своей тайной игры, стараясь усыпить бдительность мудреца самой откровенной лестью, на кото-

рую, как он знал, Вольтер был падок. «Заметьте, только мадам дю Шатле, — писал он Вольтеру, — и только она может решить вопрос о предоставлении вас, господин Вольтер, в мое распоряжение, так как во всем мире нет более достойной женщины, чем она, которая вправе целиком владеть таким великим человеком, как вы».

Его лесть и коварство поистине не знали границ. Когда он посылал в Сирейе свои щедрые дары, то неизменно присылал и отдельное письмо к сапожной Эмилией, стараясь заручиться ее расположением. И постоянно звал Вольтера к себе в гости. По сути дела, у Вольтера не было никакой необходимости ехать в Пруссию. Фридрих еще не стал королем, и он не собирался никуда спешить. Но переписку с прусским завлекателем, между делом, поддерживал.

Тем временем в Сирейе все шло своим чередом. Эмилия и Вольтер оборудовали в замке физическую и химическую лаборатории, где проводили опыты по выяснению природы огня. Академия наук присудила им обоим поощрительные награды за их исследования в этой области.

Еще Вольтер в это время уделял много внимания своим двум племянницам, дочерям умершей, горячо любимой сестры. К тому же девушки недавно потеряли и отца. Для Марии-Луизы заботливый дядюшка организовал брак с нотариусом Николая-Шарлем Дени. Именно она и станет той знаменитой мадам Дени, которой судьбой было предназначено сыграть такую важную роль в жизни Вольтера.

Вольтер был счастлив. Он прямо-таки наслаждался своей странной «семейной жизнью». Впрочем, влюбленные частенько ссорились. Эмилия любила командовать в доме, а Вольтеру, напротив, очень не нравилось, когда кто-то по своему мелочному произволу лишает его привычного удовольствия. Он терпеть не мог, когда обожаемая им женщина, рассердившись из-за какого-нибудь пустяка, резко обрывала беседу и торопливо выходила из комнаты. Подчас ссоры вспыхивали на пустом ме-

сте. Например, Вольтер, несмотря на ее настоятельные просьбы, не надел камзол, отправляясь на прогулку, или в холодную ветреную погоду забыл утеплиться, или ему отказали в лишнем стаканчике любимого «рейнского», и преподносилось это как забота о его здоровье. Впрочем, размолвки длились недолго.

Наконец, случилось то, чего в Европе ожидали с большим нетерпением. Фридрих Вильгельм I, этот «фельдфебель на троне», умер, и наследный принц стал правящим монархом.

Вступив на трон, он вновь берется за старое. Пишет Вольтеру пространное письмо, в котором настойчиво убеждает принять его предложение, но просит прибыть к нему только «в единственном числе». «Когда вы, наконец, приедете ко мне, я смогу полюбоваться вашими ясными и пронзительными глазами, от которых природа не в силах уберечь свои тайны, и покрою тысячу поцелуев ваши красноречивые уста, которые всегда так очаровательны и так прекрасны». Однако!

Но Вольтер тянул с окончательным ответом. «Мадам дю Шатле, как и царица Савская, — отвечал он королю, — тоже хотела бы повидать мудрого Соломона в его столице». «Увы, это невозможно, — возражал неумолимый король. — Два божества при моем дворе будут сиять слишком ярко».

Фридрих II обратился к Вольтеру с просьбой как можно скорее отправиться в Гаагу и приостановить там печатание его юношеского опуса «Анти-Маккиавелли». Теперь, когда он стал монархом, — объяснял новоиспеченный король, — он смотрит на мир совершенно другими глазами. Эмилия в таком предложении увидела хитрый маневр Фридриха. И не ошиблась.

Король, совершая объезд своих владений, оказался неподалеку от бельгийской границы и, пользуясь случаем, пригласил их обоих навестить его в Антверпене. Но вслед за приглашением пришел отказ. Монарх, оказываясь, занемог и теперь приглашал в гости одного Вольтера, так как плохо себя чувствовал, «чтобы в данный момент лицезреть такую

прекрасную женщину, как Эмилия». Эмилия решила смириться и «одолжить» своего возлюбленного прусскому королю на несколько дней. Черт с ним, с его блажью!

Вольтер посетил Фридриха в сентябре 1740 года. Он и на самом деле оказался болен. Его трясло в жестокой лихорадке. Все же он нашел в себе силы, чтобы встать с постели и сесть, как был, в голубой длинной ночной рубашке, за стол вместе с гостями. Вольтер прочитал ему отрывки из своего «Магомета» и вручил новую книгу Эмилии, которую тот, полистав, очень высоко оценил. Это, однако, не помешало Фридриху высмеять перед друзьями труд ученой женщины.

Теперь король был куда более решительно настроен завладеть Вольтером. «Каждая капля чернил, спадающая с его пера, — это одна из граней его могучего интеллекта, который приводит всех нас в трепет!» — говорил он. Вольтер, как и все великие люди, имел слабость к лести, и в результате, первый тур открытой борьбы за его персону оказался за хитрецом Фридрихом.

Но мадам дю Шатле не собиралась сдаваться. Она еще не исчерпала всех своих возможностей.

Из Парижа она приехала в Фонтенбло, куда Людовик XV перенес свой двор, и стала делать все возможное, чтобы Вольтер вновь заручился доверием монарха. С присущей ей энергией и настойчивостью, она обратилась к премьер-министру Флери с просьбой оказать ей поддержку. Сам Вольтер с большим удовольствием принимал активное участие во всей этой закулисной возне. Он тоже обратился с письмом к Флери, в котором сообщил премьеру, что собирается вновь посетить прусского короля, и осведомлялся, не нужно ли по такому случаю направить Фридриху II личное послание от его имени. «Франции очень хотелось бы выяснить намерения прусского короля, какие планы он строит на ближайшее будущее, — вскоре ответил Вольтеру Флери. — Не могли бы вы разузнать обо всем поподробнее у вашего дружка, прусского короля?»

Взволнованный таким важным поручением, Вольтер немедленно уехал в Берлин, даже не повидавшись с Эмилией.

Фридрих II, эта хитрая лиса, очень быстро сообразил, в чем состоит цель столь поспешного и неожиданного к нему визита Вольтера. Он, словно кошка с мышкой, играл с новоявленным политиком и эмиссаром французского короля. За все время пребывания Вольтера в Берлине он не сообщил ему ничего нового по сравнению с тем, что уже говорил послу Франции и самому Флери.

Тем временем они постоянно носили визиты вежливости, болтали о пустяках, обменивались своими вздорными, не имеющими никакой литературной ценности виршами, называя друг друга то «кокеткой», то «возлюбленной». Фридрих II не скрывал своего гомосексуализма от окружающих, и Вольтер в этом ему подыгрывал.

Этого великого француза, пацифиста до мозга костей, постоянно раздражало коварство прусского короля, который под миролюбивой маской уже приступал к захвату новых территорий в Европе. Перед отъездом из Берлина Вольтер в записке к Эмили написал: «Как мне хотелось бы обнять тебя после расставания с этой респектабельной, любезной, беспримечной по коварству шлюхой, которой на самом деле оказался этот Фридрих». Но одновременно написал Фридриху, что его сердце разрывается на части от предстоящей разлуки с ним. «Вот уже четыре года, как вы — моя возлюбленная. Отдавая вам предпочтение перед своей десятилетней любовью, я только исполняю свой священный долг...»

Король Пруссии продолжал делать реверансы в его сторону, стараясь привлечь Вольтера к себе соблазнами высшей власти. Тот вяло отвечал. Прежнее очарование исчезло.

Наконец, Вольтер уехал из Берлина, чтобы в Брюсселе встретиться с Эмилией. Мадам была ужасно взволнована. Что там еще приготовил для нее этот гнусный Фридрих? Намерен ли он по-прежнему угрожать ее люб-

ви? Но все, по-видимому, на сей раз обошлось. «Еще никогда, — воскликнула растроганная Эмилия, — мадам дю Шатле не была выше самого короля!»

Но она заметила, что в Вольтере произошла все же легкая перемена. Он неожиданно заявил, что теперь, в его «пожилое» возрасте (ему исполнилось сорок шесть), он очень стар, чтобы заниматься любовью! Хотя сердце его все такое же молодое и бойкое, как прежде, его бренному телу отныне суждено окончательно превратиться в руину. Неужели в таком его решении виноват Фридрих II?

Они вернулись в Сирей только летом 1744 года. Это время, по их общему признанию, было самым счастливым в их жизни. Они, как всегда, занимались своими делами: Вольтер — стихами, а мадам — геометрическими фигурами. К тому же Вольтер увлеченно работал над либретто к новой опере Жака Рамо, и в этом, новом для него деле, большую помощь ему оказывала Эмилия — ведь у нее было солидное практическое и теоретическое музыкальное образование.

Осенью Вольтер с мадам дю Шатле отправились в Париж, куда переехала из Лилля его пышногрудая племянница мадам Дени. Начиная с этого момента, возникает греховная любовная связь между смазливой, молодой племянницей и пожилым любящим дядюшкой.

Их любовная переписка, которую обнаружили два века спустя, дает неопровержимые доказательства — обычные родственные чувства этой пары уступили место страстной любви. Самые тонкие, самые эротические из всех его писем, написанные по-итальянски мадам Дени, — это шедевр разгульной, бесстыдной, плотской любви, самых низменных, почти животных эмоций... «Я целую вас в прекрасный, пышный зад, я проникаю языком во все щели обожаемого мною вашего тела...». «Я покрываю тысячу поцелуев ваши чудные круглые груди, ваши прекрасные до умопомрачения ягодички, все уголки вашего прекрасного тела, которое

часто и быстро заставляет меня испытывать натяжение и погружаться в реку восторга».

По состоянию своего здоровья и из-за почтенного возраста, Вольтер, конечно, не мог быть полноценным любовником. Мадам Дени это прекрасно понимала. Но ее дядя был знаменит, богат, щедр не только на ласки, и все это ее вполне устраивало. Она, тем не менее, не забывала и о других любовниках, которых, как послушная племянница, брала, в основном, по протекции своего доброхота-дядюшки.

Как ни странно, молодости не удалось победить старость: любовная связь Вольтера с племянницей оставалась все же на втором плане. На первом, как всегда, царил союз с мадам дю Шатле. Он всегда держал в тайне свои встречи с племянницей, и об их связи почти никто не знал. Однажды их свидание произошло в небольшой комнатке № 144 в Версальском дворце, которую он получил от короля в награду за небывалый успех их с Рамо оперы. Перед встречей он предупредил мадам Дени, чтобы она не огорчалась и была готова вынести «неприятный дух», так как, несмотря на все свои заслуги перед двором и перед Францией, он получил «площадь» рядом с «самым зловонным отхожим местом во дворце». Потом он часто признавался ей, что «отдает предпочтение ее будуару перед всеми королевскими дворцами»!

Это была его тайная страсть. А явной, открытой для всех, оставалась связь с мадам дю Шатле, с которой он никогда не расставался. Они вместе появлялись повсюду, где их принимали как «мужа с женой», так однажды иронически, но вполне справедливо заметил Фридрих II.

Как часто бывает, мадам дю Шатле ничего не знала о его подпольной связи с племянницей. Иначе не приступила бы к своей новой книге «Размышления о счастье». В ней она попыталась проанализировать всю свою прежнюю жизнь, выстроить ее логически обоснованную конструкцию, чтобы все увидеть зримо, словно со стороны, взглядом постороннего человека. Много места уделено

ее любви к Вольтеру. Она прямо говорит о тех переменах, которые заметила в своем возлюбленном, несмотря на «любящую» привязанность к ней, несмотря на ту любовь, которую он по-прежнему к ней испытывал. Эту перемену она чувствовала интуитивно, силась понять ее причину, но та постоянно от нее ускользала. Ее математический, неженский склад ума не в состоянии был уцепиться за суть происходящего. «Я была счастлива целых десять лет, счастлива любовью того, кто рабски подчинил себе мою душу. Все эти десять лет я провела наедине с ним, не испытывая при этом ни на минуту ни неудовольствия, ни усталости, ни разочарования. Когда же его почтенный возраст, частые болезни, а также, вероятно, другие легкие доступные для него утехи привели к меньшему расположению ко мне, я продолжала любить за двоих, хотя и не отдавала себе в этом отчета».

Теперь, когда Вольтер не мог в полной мере отвечать на ее пылкую любовь, он предложил ей дружбу, и мадам не протестовала, не отчаивалась — даже его дружба делала ее счастливой. «Страсть, когда нам за тридцать, — пишет она, — уже не донимает нас с такой неотвратимой яростью... но если она и возникает, то может принести только большое несчастье». Что же еще делать в этом мире, как не быть счастливым? — делает она вывод.

У маркизы дю Шатле была молодая горничная. Узнав, что в замке Сирей освободилось место управляющего, она предложила госпоже взять на это место своего брата, Лоншама, который служил в доме губернатора Брюсселя.

Лоншам приехал в Сирей в январе 1746 года. Кроме умения хорошо прислуживать своим господам, он обладал еще одним замечательным и редким талантом: был превосходным каллиграфом (а потом, как выяснилось, еще и неплохим литератором) и любил аккуратнейшим образом переписывать различные бумаги. Это и побудило Вольтера предложить ему исполнять должность своего секретаря. Лоншам не-

сколько лет постоянно находился возле этой пары и оставил после себя обширные мемуары, считающиеся до сих пор важнейшим источником сведений из биографии великого французского писателя. В них он рассказал и о последних годах жизни своей госпожи мадам дю Шатле.

Время от времени мадам дю Шатле и Вольтера приглашал к себе в гости бывший польский король Станислав Лещинский — до его двора в Лотарингии от Сирей было рукой подать. Там, на одном из музыкальных вечеров, Эмилии представили блестящего молодого офицера, маркиза де Сен-Ламбера. Он знал толк в стихах, в вине, в любви... Маркизу было тридцать два, а мадам дю Шатле — сорок, и она уже была бабушкой, что не помешало ей без ума влюбиться в него.

Сен-Ламбер был богат, ему принадлежали обширные поместья, приносившие большой доход, и он, в основном, как и многие офицеры того времени, делил свое время поровну между любовными интрижками и выездами на поля сражений.

В то фатальное для мадам дю Шатле время он поддерживал любовную связь с мадам де Буффле, фавориткой короля Станислава и довольно близкой подругой самой Эмилии.

Все началось с легкого флирта Сен-Ламбера с Эмилией — для того, чтобы вызвать ревность у мадам де Буффле. Однако робкая вначале любовная авантюра внезапно вылилась во всепоглощающую страсть. Они постоянно занимались любовью в маленькой потайной комнатке, расположенной в самом дальнем углу королевского дворца. Как ни странно, ключ от нее дала сама мадам де Буффле.

Свидетельства их неумной страсти дошли до наших дней. Это — маленькие записочки, украшенные тонкой линией кружевных рисунков по краям, вышитых шелковой ниткой голубого или розового цвета. Эмилиа по нескольку раз на день опускала их в деку большой арфы, стоявшей в углу салона мадам де Буффле, откуда их трепетной рукой извлекал ее бравый кавалер. Вольтеру было хоро-

шо известно, каким сексуальным баталиям предается с его возлюбленной этот лихой офицер. Но даже в такой пикантной ситуации ни Вольтер, ни Эмилиа не подвергали сомнению прочность своего давно устоявшегося союза.

Однажды из Сирей мадам дю Шатле написала Сен-Ламберу страстное письмо, в котором приглашала его посетить их с Вольтером. Но он не приехал. Эмилиа не находила себе места, зная, что в данный момент он находится наедине с мадам де Буффле. Письма Эмилии к Сен-Ламберу становятся все более назойливыми, и, видимо, охладевший к ней любовник все реже отвечает на них.

Тем не менее Эмилиа продолжала упрямо преследовать Сен-Ламбера и уговорила-таки его с прежней теплотой оказывать ей знаки внимания.

Лоншам рассказывает об одном забавном случае, произошедшем в Коммерси, куда Лотарингский двор выехал из Люневилля на лето. Однажды Вольтер засиделся за работой допоздна в отведенном для него кабинете. Ему показалось, что все уже давно поужинали, а его никто не позвал. Он спустился в покои мадам дю Шатле. Слуги в прихожей не оказалось, и он простодушно толкнул дверь в ее будуар. Боже, какую же картину он увидел! Лежа на софе, его Эмилиа с Сен-Ламбером занимались тем, что даже отдаленно не напоминало ученую беседу о стихосложении или о принципах философии.

Гневу Вольтера не было предела. Он осыпал любовников площадными оскорблениями. В ответ Сен-Ламбер попросил господина Вольтера немедленно удалиться и встретиться с ним снова в другом месте, но уже с оружием в руках по его выбору. Вне себя от ярости, Вольтер выбежал из будуара. Он тут же отдал распоряжение Лоншаму подогнать к крыльцу экипаж, чтобы немедленно ехать в Париж. Секретарь бросился со всех ног исполнять его приказ, но, как на грех, поблизости не оказалось ни одной свободной кареты.

А пристыженная мадам тем временем рыскала по всему дворцу в

поисках старого оскорбленного любовника. Наконец, она нашла его в одном из дальних салонов. Мучительное объяснение длилось почти час. Лоншам утверждал, что он слышал все до последнего слова через тонкую перегородку.

На седеющую голову Вольтера обрушился бурный поток оправданий. Мадам страстно утверждала, что ни в чем не виновна. Он видел все собственными глазами?! Значит, неправильно все понял! «Ах, мадам! — воскликнул восхищенный ее наглостью Вольтер. — Вы, как всегда, правы, но нельзя ли позаботиться, чтобы все не происходило у меня прямо на глазах?» После чего они дружески еще немного поболтали, и она, поцеловав его на ночь, вернулась к себе утешать второго оскорбленного любовника.

На следующий день вся троица, как ни в чем не бывало, обедала у мадам де Буффле. За столом царила непринужденная обстановка. Вольтер обменивался с Сен-Ламбером комплиментами, шуточками в стихах, а мадам дю Шатле зачитывала им отрывки из своего нового перевода трудов Ньютона.

В январе 1749 года старые любовники собрались в Париж. Мадам дю Шатле, всегда такая жизнерадостная и бодрая, внезапно почувствовала легкое недомогание. Вольтер уже не раз замечал, как она изменилась за последнее время — стала какой-то рассеянной, озабоченной и раздраженной. Увы, она забеременела. И это — в сорок четыре года! Отцом будущего ребенка, несомненно, был отважный офицер Сен-Ламбер.

Будущей матери пришла в голову вполне здравая мысль поставить в известность обо всем случившемся своего дорогого друга Вольтера. Друг посоветовал ей немедленно вызвать в Сирей Сен-Ламбера, чтобы на общем совете решить, что делать с ребенком, а главное — как убедить маркиза дю Шатле, давно забытого мужа мадам, что он и является счастливым отцом.

Все, что происходило потом, смахивало на низкопробный бульвар-

ный водевиль. Закрывшись в комнате за обильным столом с выпивкой, вся троица весело и непринужденно обсуждала создавшееся положение, вырабатывая стратегию совместных действий. Из-за закрытой двери то и дело раздавались взрывы хохота — это заговорщики решали, как им полвечее окопачить простофилю маркиза. Но как это сделать? Ведь супруги в одной постели не встречались уже много лет.

Однако смелость города берет. Добавим еще — и наглость.

Под предлогом какого-то семейного судебного разбирательства мадам срочно вызвала в Сирей супруга. Свое письмо хитроумная Эмилия «украсила» такими нежными и изысканными выражениями, что, прочитав их и наверняка разомлев, скорый на подъем вояка сразу же прискакал к супруге.

Его угостили великолепным вином и изысканными блюдами. Эмилия сидела рядом с дражайшим супругом в соблазнительном шелковом платье, сверкая драгоценностями. Вольтер смешил компанию, рассказывая остроумные эротические байки. Все за столом много смеялись и много пили. В ту ночь маркиз с маркизой легли спать вместе, в одну кровать, и в течение трех недель после этой «брачной ночи» вели себя, словно молодожены. На четвертую неделю мадам с тревожным видом сообщила супругу, что он скоро вновь станет отцом. Маркиз был несказанно счастлив...

Вольтер с Эмилией вернулись в Париж. Там он часто виделся со своей сладострастной племянницей, а Эмилия, как всегда, трудилась над составлением очередного научного трактата. Но время рождения ребенка неумолимо приближалось, а вместе с этим росли и ее дурные предчувствия. Ей почему-то казалось, что она умрет при родах. Ведь рожать в таком возрасте — занятие весьма опасное. Эмилия приняла решение ехать в Люневиль, чтобы быть подальше от сплетен французского двора и поближе к обожаемому Сен-Ламберу. Мадам де Буффле удалось добиться у короля Станислава разрешения на

ее проезд, а королева даже выделила для нее комнату во дворце, где у нее могли принять роды.

Само собой, в последний ее проезд в Люневиль Эмилию сопровождал верный Вольтер. Их обещал встретить будущий истинный папаша, но Сен-Ламбера там не оказалось. Не в силах видеть ее мучения, тот решил уехать на несколько дней в близлежащий Аруэ.

На следующий день мадам дю Шатле отослала заявку в Королевскую библиотеку для регистрации своей объемистой рукописи — «Комментарии к книге математических принципов Ньютона», которая стала апофеозом всей проделанной ею громадной научной работы. Это откровенное в библиотеку прошение оказалось последним письмом, написанным ею...

Два дня спустя Эмилия родила девочку. Ко всеобщему удивлению, роды прошли на редкость гладко. Сен-Ламбер вернулся в Люневиль, и теперь все было хорошо, ничто не предвещало трагедии. Но неожиданно у Эмили резко поднялась температура, видимо, она простудилась, так как накануне потребовала принести ей прохладительный напиток и выпила довольно много. В комнате вместе с ней находились Сен-Ламбер и Лоншам. Обменявшись с мадам несколькими словами, Сен-Ламбер пошел спать. Через десять минут после его ухода Эмилия умерла.

Все в замке горько оплакивали усопшую, и эти печальные всхлипывания перемежались с долгими периодами гнетущей тишины. Маркиз дю Шатле вынужден был уехать — его срочно вызвали в полк, а остальные потихоньку разбрелись по дворцу. В комнате усопшей оставались трое — Вольтер, его секретарь Лоншам и Сен-Ламбер. Но Вольтер не выдержал — подавленный свалившимся на него горем, пошатываясь, он вышел из комнаты и направился по длинному коридору к выходу. А на последней ступеньке лестницы, ведущей во двор, рухнул, как подкошенный. Бросившиеся на помощь слуги попытались его поднять, но он начал сопротивляться... На крики

слуг прибежал Сен-Ламбер. Увидев сквозь слезы своего соперника, Вольтер закричал: «Ах, друг мой! Это вы ее убили! Вы ее отняли у меня!» — и потерял сознание.

Прусский король Фридрих II прислал ему свои холодные лицемерные соболезнования, но Вольтер ему даже не ответил.

Вся его жизнь теперь рухнула. В течение почти пятнадцати лет Эмилия окружала его заботой и занималась всем на свете: жильем, столом, поездками, осуществлением его планов, его работой. Все свои мысли, пристрастия, весь стиль своей жизни он неизменно сверял со своей возлюбленной мадам дю Шатле, которая всегда находилась рядом. Как жить дальше без нее?

Сирейя больше не существовало, по крайней мере, для Вольтера. Он собрал свои вещи и отправил их в Париж. Перед отъездом написал письмо мадам Денни, своей теперь единственной привязанности. «Мое дорогое дитя, я только что потерял друга... Я давно уже не отношусь к мадам дю Шатле как к женщине, и вы это отлично знаете, но я льщу себя надеждой, что вы разделите со мной это жестокое, обрушившееся на меня горе. Боже, видеть, как она умирает, и при каких обстоятельствах это происходит! Все это просто ужасно. Из Сирейя я уезжаю в Париж, чтобы обнять вас и найти в вас свое единственное утешение и единственную надежду на всю оставшуюся жизнь...»

Но он не спешил в Париж. Убитый горем, целый месяц тосковал в замке, в полном одиночестве. Не хотел никого видеть. Никуда не выходил из дома. Что могло его теперь утешить, если рядом не было его дорогой мадам дю Шатле?

Ночами Вольтер часто просыпался в страшном волнении. Ему казалось, что он видит перед собой в темноте любимую женщину, и отчаянно звал ее. Она не отвечала. Тогда Вольтер вставал и, тяжело шаркая неуверенными старческими ногами, тащился из одной комнаты в другую, пытаясь найти свою любимую, так внезапно покинувшую его.

Но ее нигде не было... □

Иллюстрация Ивана КАМЕННИЦКА

Олег СУВОРОВ

МЕСТЬ актера

Глава 11.

Учтивый поцелуй

У Прижогина было несколько версий, которые надо было тщательно продумать.

Первая из них — самая очевидная, но пока тупиковая. Двое бандитов, убитых у гостиницы «Университетская», не проходили ни по одной из милицейских картотек, а изуродованная картина представляла собой дополнительную загадку. Ливанский утверждал, что, скорее всего, это не та картина, которую он видел у Давыдова, но его приятель Ястребов был уверен в обратном. Домработница погибшего историка пока чувствовала себя так плохо, что Прижогин не решился привезти ей картину для опознания. Таким образом, данную версию пришлось отложить «про запас».

Следующая версия была самой маловероятной — самоубийство. Незлечимыми болезнями Давыдов не страдал, депрессиями — тоже, зато на столе у него лежали незаконченный сценарий и начатый роман. Какой творческий человек решит вдруг уйти из жизни, не сделав то, что запланировал? О том, что незадолго до его смерти в квартире побывал некий «икс», говорила и чисто вымытая рюмка, аккуратно поставленная им обратно в сервант, и исчезнувшая картина, и странный обрывок записки на автоответчике. Если бы этот голос был не мужским, а женским, то могла бы получиться весьма стройная версия номер три — актриса Ольга Котенко!

Окончание. Начало в № 7, 2008.

Ливанский уверял, что она познакомилась с Давыдовым на съемках, да и виделись они, якобы, только там. Однако ничто не мешало предположить более раннего знакомства, тем более, что семь лет назад Ольга пыталась поступить на исторический факультет университета, но недобрала одного балла. И именно в тот год Давыдов был председателем приемной комиссии! Ничего невероятного в таком предположении не было, однако оно оставляло слишком много загадок, главными из которых были две — зачем и как? Зачем было травить своего нынешнего партнера по съемочной площадке, да и как это могло быть сделано? Прижогин задержал Ольгу в тот момент, когда Давыдов был еще жив и находился неподалеку. Видел он и то, как следователь извлек из ее сумочки полупустой флакон с ядом. Кто и каким образом мог подлить ему тот же самый яд — а экспертиза подтвердила, что яд во флаконе и в рюмке коньяка был одним и тем же, — если сама Ольга была не в состоянии этого сделать? Смерть Давыдова наступила через день после ареста Ольги. Следовательно, она это сделать не могла, и надо искать того, кто сначала подбросил ей флакон, а уже потом воспользовался другой половиной яда.

Но неужели бы это стал делать ее сообщник? И разве не более вероятным выглядело другое предположение — настоящей убийца работает в съемочной группе, и им является кто-то из отвергнутых поклонников, который решил отомстить ей таким образом?

А вдруг это сам Ливанский, который, приревновав к Строганову, решил одним ударом отплатить за все — и за измену, и за погубленный первый фильм? Но нет, это слишком невероятно.

Итак, все упирается в самую перспективную версию — голос на автоответчике. Поскольку подбросить яд было проще всего участнику съемочной группы, напрашивалась необходимость экспертизы голосов всех киношников, находившихся в тот момент на съемочной площадке. Всех, и даже Ливанского!

Неожиданно в кабинет Прижогина вошел дежурный сержант.

— Товарищ следователь, задержанная Котенко просится на допрос.

— Ведите, — тут же откликнулся он. — Как она, кстати, себя чувствует?

— Плачет, товарищ следователь, — бодро отрапортовал сержант. — Целую истерику закатила.

— Ну, ведите, ведите, — поморщился Прижогин, зачем-то перекладывая бумаги на своем столе. Примерный семьянин, уважавший всех представительниц «слабого пола», он чувствовал себя очень неловко, если становился причиной женских слез.

Через несколько минут в кабинете появилась Ольга. Выглядела она, действительно, неважно — красные глаза, дрожащие губы, робкие, неуверенные движения.

— Садитесь, Ольга Александровна, — приветливо предложил Прижогин. — Вы хотели меня видеть?

Она кивнула, села и тут же, понуриив голову, начала плакать.

— Ну, что вы, что вы, ну, зачем?..

— Леонид Иванович!

Прижогин сорвался с места и заметался по кабинету. Поднес было стакан воды, но она помотала головой, оттолкнув его руку, пожал плечами, застыл посреди комнаты, и тогда она, непрерывно всхлипывая, заговорила.

— Отпустите меня, ну, пожалуйста, ведь вы же хороший человек! Не могу я там больше находиться, хочу домой! Я уже три дня не принимала ванну, а там так воняет! Леонид Иванович, умоляю!

— Вас что — в камере обижают?

— Там какие-то старые тетки, которые постоянно ругаются... Я больше так не могу, не могу, понимаете!

— Хорошо, я вас отпускаю! — резко оборвал ее Прижогин, и Ольга затихла, недоверчиво вскинув голову. — Под подписку о невыезде, разумеется...

— Серьезно отпустите?

— Да, но сначала вы мне расскажете всю правду.

— О чем?

— От кого вы получили те боевые патроны, которые подбросили в оружейный ящик? — Прижогин вернулся за свой стол, сел и приготовился записывать.

— От Тверезовского, — глубоко вздохнув, прошептала она.

— Он дал вам их лично?

— Да, но только... — она замялась.

— Что — только? Договаривайте до конца.

— Он хотел, чтобы я передала их Заславскому.

Прижогин настолько не ожидал этого ответа, что чуть было не спросил, кто такой Заславский, но вовремя прикусил язык, вспомнив самоуверенного молодого актера, так не понравившегося ему с первого взгляда.

— Зачем?

— Не знаю.

— А почему же вы этого не сделали?

Ольга уже немного успокоилась, а потому заговорила более внятно.

— Понимаете, Леонид Иванович, там так получилось... Тверезовский требовал, чтобы я передала их Виталию обязательно перед съемками финального эпизода. А мне все никак не удавалось это сделать, некогда было... И вот я пошла по студии искать Виталия. Кто-то сказал, что видел его у оружейника. Я зашла к Михалычу, но Заславского там не было. А этот пьяный дурак вдруг вздумал со мной заигрывать и захотел похлопать по одному месту. Я попыталась увернуться, но он угодил рукой как раз по тому карману, где лежали патроны.

— И что?

— Я испугалась, потому что этот козел сразу начал орать: «Так вот кто у меня ворует патроны, а я потом плачу за них из своего кармана!» Короче, пришлось отдать, а он при мне сразу высыпал их в ящик.

— Что ж вы раньше молчали?

— Я боялась Тверезовского. — Ольга как-то по-детски посмотрела на следователя. — Да и сейчас боюсь. Это по его приказу отравили Георгия Алексеевича, я почти уверена. А потом кто-то подбросил мне этот флакон. Честное слово, но я никакого отношения к яду не имею и даже к флакону не притрагивалась!

— Гм, — смущенно крякнул Прижогин, вспомнив о том, как первым схватил этот флакон, даже не позаботившись обернуть его в носовой платок. — А в каких отношениях вы находились с Тверезовским?

— Что вы! — Ольга даже руками всплеснула. — Какие отношения, он же голубой!

Глава 12.

Микрофон

Бывший оперуполномоченный МУРа и нынешний телохранитель Строганова Петр, в свое время уволенный из органов за упрямство, которое он проявил при расследовании дела о коррупции одного высокопоставленного чиновника, уверенно завернул в небольшой лесок, где находилась

дача Осетрова. Особнячок оказался — закачаешься, покруче, чем у любого министра.

— Ты уверен, что у твоей Настасьи все получится, и она сделает так, как нужно? — спросил он у сидевшего рядом Ястребова.

— Уверен.

— А откуда ты ее знаешь, и что она из себя представляет?

— Вместе учились на факультете журналистики. Женщина она неглупая и очень эффектная. Классический тип русской красавицы — пышная фигура, тонкая талия, большие глаза, светло-русые волосы. Наши партбоссы при ее виде просто тают. Один деятель, когда она спросила: «Можно взять у вас интервью?», так прямо и ляпнул: «Как, только интервью?»

— Она была журналисткой?

— Нет, — покачал головой Ястребов. — Она так и недоучилась. Делала как-то репортаж из жизни «ночных бабочек» и решила испытать себя в этой роли, потом сошлась с одним «крутым» и съездила с ним на Гавайские острова, после чего они даже зарегистрировались и целый год прожили вместе. Ну, а потом — пошло-поехало. Нет, в чем-то я ее понимаю — зачем рисковать своей шкурой, добывая сенсационные материалы через постель, когда гораздо безопаснее просто жить на содержании у того или иного нувориша.

— Не понимаю, — пожал плечами Петр. — Зачем она согласилась тебе помочь?

— Я думаю, ей просто надоела такая жизнь. А когда жизнь надоедает, перестаете бояться. Сначала попробовала — вроде понравилось, а потом заскучала и захотелось риска. Я же тебе говорю — она баба неглупая и весьма авантюрная. Кроме того, не исключено, что я ей нравлюсь, и она мне доверяет... Ближе не надо, останови. Если, как мы и договаривались, она сунет микрофон в пиджак Тверезовского, то с этого расстояния мы сможем услышать разговоры в машине, когда он покинет дачу.

Ястребов достал из дипломата приемник и надел наушники, пока его напарник внимательно следил за железными воротами в высоком зеленом заборе, за которым виднелись островерхие башенки дачи.

Несколько минут прошло в молчании. Вдруг из-за забора послышался шум двигателя, ворота дрогнули и начали разъезжаться, открывая белый капот стоявшего за ними «мерседеса».

Приятели молча проследили за тем, как машина медленно выехала на дорогу, после чего Ястребов кивнул головой, и Петр тут же повернул ключ зажигания.

— Ну, что?

— Порядок, — заметил журналист, опуская наушники на шею. — Слышимость — превосходная, как в кино. Но, кроме Тверезовского и шофера, в машине сидит кто-то еще. Голос вроде бы знакомый, но пока не могу вспомнить, кто бы это мог быть... Черт, через эти тонированные стекла мы ничего не увидим.

— Подожди, может, он еще выйдет из машины, — успокоил Ястребова Петр, разворачивая свою «Таврию» вслед за удалявшимся «мерседесом».

Вскоре оба автомобиля выехали на автостраду и понеслись в сторону Москвы. Ястребов продолжал слушать наушники, а Петр, стараясь не отставать от иномарки, вполголоса чертыхался.

Миновав кольцевую автостраду и оказавшись в черте города, «мерседес» занял дальнюю полосу и понесся еще быстрее. Машин было много, так что, «Таврии» приходилось отчаянно маневрировать, чтобы не упустить его из виду. Но, не доезжая до ближайшей станции метро, «мерседес» вдруг начал резко тормозить и перестраиваться в ближний ряд. Петр, еще издали заметив его маневры, постарался повторить то же самое, но вынужден был остановиться у светофора.

А Ястребов высунул голову в окно, стараясь рассмотреть человека, который вышел из «мерседеса» и тут же, не сходя с обочины, стал ловить попутную машину.

— Упустим! — не выдержал Петр, следя за быстро удалявшимся «мерседесом».

— Теперь это не страшно, — успокоил его Ястребов.

«Таврия» сорвалась с места и, проскочив перекресток, миновала стоящего на обочине пассажира «мерседеса», после чего журналист удовлетворенно хмыкнул.

— Узнал?

— Узнал, — подтвердил Ястребов. — И ради одного этого стоило ехать. Это — Заславский, исполнителем одной из главных ролей в фильме Ливанского. Занятно все складывается... А я и не знал, что он в таких интересных отношениях с Тверезовским... Да не гони, я уже понял, куда они направляются, так что, теперь нет смысла дышать им в затылок. Хлебников переулочек, ресторан «У Иосифа».

— Что за кабак?

— Тот еще гадюшник.

Подъехав к ресторану, Ястребов выскочил из машины и нырнул в подворотню, зияющую справа от входа. Через минуту он снова появился на улице и быстро сел в машину.

— Все в порядке, — облегченно вздохнул он. — Заехал во двор, чтобы зайти с черного хода. Конспиратор еще тот. Однако, судя по тем качкам, которые там околачиваются, вся компания уже в сборе. Давай послушаем.

Они сблизили головы и взяли себе по наушнику. Ястребов повертел ручку приемника, и через мгновение оба целиком обратились в слух...

Через полчаса он простился с Петром у подъезда собственного дома. Михаил чувствовал себя очень усталым, однако, несмотря на тяжесть во всем теле, сознание было возбуждено и работало отменно. В мозгу спонтанно вспыхивали яркие образы и необычные ассоциации, и Ястребову приходилось то и дело хвататься за ручку, чтобы успеть занести их на бумагу. Он уже начал работать над продолжением сценария и теперь размышлял над тем, как самым эффективным образом распутать любовный треугольник Строганов — Теруань — Кондорсэ. Ему уже пришлось на ум несколько, достаточно эффектных сцен, но не было главного — развязки. Бедный Георгий Алексеевич, как жаль, что он так и не завершил этот сценарий!..

Глава 13.

Париж! Париж!

— Хорошо, что вы позвонили мне именно сегодня, — первым заговорил Строганов, проводя Ливанского в свою квартиру. Завтра вы бы меня уже не застали.

— Собрались уезжать? — поинтересовался режиссер, бегло осматриваясь и закуривая.

— Да, как в свое время острил Жванецкий, «мне нужно по делу, в Париж, срочно».

— В Париж?

— А что вас удивляет?

— Нет, в этом, конечно, нет ничего удивительного, просто совпадение. Дело в том, что, по сценарию, мне необходимы натурные съемки в Пари-

же, и я хотел поговорить с вами по поводу дополнительного финансирования. Предварительную смету я составил, так что, как говорили наши предки, соблаговолите взглянуть.

Строганов быстро пробежал глазами несколько листов бумаги, после чего тоже закурил и вопросительно посмотрел на Ливанского.

— Что, много? — понял его взгляд режиссер.

— Да, изрядно. Честно сказать, в данный момент я не располагаю достаточным количеством свободных денег.

— Тогда можем подумать над тем, как сократить расходы, — тут же предложил Ливанский. — В сущности, мне позарез необходимо одно — снять главных героев на фоне исторических зданий той эпохи — Тюильри, Нотр-Дама, Версаля.

— Но ведь, насколько я понимаю, главных героев у вас — всего четверо. Кстати, а что с мадемуазель Котенко?

— Следователь отпустил ее под подписку о невыезде, но я думаю, это можно уладить, объяснив ему ситуацию. В конце концов, я могу ограничиться самым минимальным — взять с собой оператора, гримера и только двух актеров — Заславского и Котенко. Это сократит расходы почти наполовину.

— Ну, что ж, это вполне приемлемо. Кстати, я тут перебирал архив и нашел кое-что любопытное относительно своего предка. Ваш новый сценарист вполне может воспользоваться этим для дополнительной сцены, если, конечно, вы сочтете ее уместной. Хотите взглянуть?

— Разумеется.

Строганов вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся, неся в руках старую папку. Присев в кресло напротив Ливанского, он положил ее перед собой на журнальный столик и осторожно развязал тесемки.

— Вы, наверное, знаете, что по возвращении в Россию мой предок женился на Софье Владимировне Голицыной. Вскоре после женитьбы у Строганова родился сын Александр, за которым последовали четыре дочери — Наталья, Аделаида, Елизавета и Ольга. Кстати, Наталья и была моей прапрабабкой.

В 1796 году все семейство Строгановых переезжает в Петербург, и здесь Павел становится другом наследника престола Александра Павловича. И знаете, что мне пришло в голову? Если бы моему предку удалось довести задуманное до конца, и крепостное право в России отменили бы на полвека раньше, вся история могла пойти иначе... В любом случае, вы можете отснять дополнительную сцену — заседание комитета реформ под председательством молодого императора.

— Боюсь, что она несколько выбьется из общего ряда, — пробормотал Ливанский. — Впрочем, я еще подумаю.

— Подумайте, а при встрече в Париже скажете, что надумали, — предложил Строганов, вставая с места и протягивая руку. — А теперь извините, мне пора собираться.

На следующий день, уже сидя в самолете, Строганов вдруг со всей остротой ощутил, как же он соскучился по Марине, которую не видел почти два месяца. Как поживает его строгая, самоуверенная и при этом такая остроумная возлюбленная? За все это время он ограничивался телефонными звонками да пространными телеграммами, в которых непременно присутствовало слово «люблю».

Три часа полета — и вот он уже в аэропорту имени Шарля де Голля. Круглое здание аэропорта окружали маленькие здания-сателлиты, соединенные с ним эскалаторами и крытыми галереями. Пассажиры, спускаясь по трапу, тут же попадали в одно из этих зданий, после чего эскалатор привозил их к месту таможенного контроля.

Получив штамп в паспорте, Строганов огляделся, помахал рукой — и вот его милая русская парижанка уже бросается ему на шею, прижимаясь губами к его губам.

— Ты чего усмехаешься? — подозрительно поинтересовалась Марина, отстраняясь от Строганова. — Я как-то не так выгляжу?

— Да, старушка, ты выглядишь значительно эффектнее, — счастливо рассмеялся Строганов. — Но усмехаюсь я по другому поводу — ведь я приехал к любимой женщине, которая, между прочим, два месяца назад согласилась стать моей женой. Не знаю, конечно, может, она уже передумала... Но я по-прежнему очень хочу на ней жениться и умру от горя, если она мне откажет...

Через час они уже сидели в небольшой, но уютной квартирке в пансионе на улице Риволи, которую снимала Марина.

— Слушай, а пойдем, погуляем — время-то всего восемь часов, — первым заговорил Строганов. — Потом можем зайти куда-нибудь поужинать.

— Какой ты у меня молодец! — улыбнулась Марина. — Всегда предложишь что-нибудь оригинальное!

Глава 14.

Райское наслаждение

Следователь Прижогин был доволен — интуиция его не подвела! Недаром же ему при первой встрече так не понравился Заславский, который теперь оказался в центре не просто одного, а сразу двух подозрений.

Итак, эффектный мужчина, актер, любимец женщин. Именно в его руках волею случая оказался автомат, шальная пуля из которого тяжело ранила его коллегу по съемочной площадке. Однако из показаний Ольги Котенко следовало, что эта случайность лишь подменила собой злой умысел. Покушение во время съемок финального эпизода готовилось заранее, и главную роль в нем должен был сыграть именно Заславский.

Более того, он оказался замешан и в убийстве Георгия Алексеевича Давыдова. Экспертиза показала, что именно Заславский произносит слово «дания», случайно оставшееся на автоответчике отравленного сценариста. И хотя прямых улик против него по-прежнему не было — в квартире Давыдова его никто не видел, а от слов Ольги он всегда мог отпереться, главным для Прижогина стало выяснение мотивов и того, и другого преступления.

В обоих случаях произошедшее несчастье могло — да, судя по всему, и должно было, — заметно повлиять на дальнейшие съемки. Точнее говоря, просто их остановить. Но кто мог быть заинтересован в том, чтобы режиссеру Ливанскому так и не удалось завершить ни свой третий, ни свой четвертый фильм?

Ольга упоминала о Тверезовском — и на данный момент это была, пожалуй, единственная версия. Однако Ливанский категорически заявлял, что никогда не имел с ним никаких дел и встречался с Тверезовским только на презентациях.

Прижогин не торопился допрашивать самого Заславского, полагая, что для этого, во многом решающего разговора, ему необходимо найти какие-то существенные улики, иначе ход беседы становился легко предсказуем. Голос на автоответчике? Ну, и что — позвонил сценаристу и уточнил неко-

торые нюансы своей роли. Ольга должна была передать боевые патроны именно ему? Врет, дура, пытаюсь свалить всю вину на партнера. И все!

Когда Ливанский обратился с просьбой изменить Ольге меру пресечения, чтобы она могла слетать на натурные съемки в Париж, Прижогин не стал возражать. Не возразил он и против поездки Заславского, особенно когда узнал от режиссера о том, что Балашов остается в Москве.

Ему вдруг вспомнился случайный эпизод, когда он застал обоих актеров на выходе с киностудии. Участники съемочной группы подтвердили, что Балашов и Заславский находились в самых приятельских отношениях и не раз выпивали вместе. Мало того, что эта странная дружба столь разных людей наводила на определенные размышления, но теперь, когда один из них улетел в Париж, а второй остался в Москве, поскольку, как объяснил Ливанский, «приходится придерживаться самой жесткой экономии», возникал очень удачный момент для разговора. Балашов завистлив, злопамятен и вообще «себе на уме». Обиженный на то, что его не взяли в Париж, он вполне может проговориться и рассказать о своем молодом друге нечто такое, что окажется главным звеном в накручивающейся цепи подозрений.

Руководствуясь этими соображениями, Прижогин выбрал день, чтобы навестить Балашова на дому. Одного взгляда на мрачное лицо актера оказалось достаточно, чтобы понять, насколько точно он оценил его психологическое состояние.

Пока Прижогин раздевался в прихожей, закрытая дверь одной из двух комнат осторожно приоткрылась, и следователь увидел хитрую старушечью физиономию.

— Товарищ следователь пришел ко мне, Галина Владимировна, можете не беспокоиться, — хмуро буркнул актер, но соседка продолжала наблюдать за ними до тех пор, пока они не скрылись в комнате Балашова.

— Чаю хотите, товарищ Прижогин?

— Да, не откажусь. И можете называть меня Леонидом Ивановичем.

На самом деле, следователю хотелось остаться на минуту одному, чтобы без помех осмотреться, не вызывая подозрительности хозяйина. В скромно обставленной комнате царил идеальный порядок. «Как у старой девы», — оценил Прижогин. Старый диван, старый платяной шкаф, старый письменный стол, на котором стояла пишущая машинка марки «ундервуд», обшарпанные, шатающиеся стулья, самодельные деревянные полки, множество книг и аккуратно сложенных, разноцветных папок.

Балашов вернулся, неся в обеих руках по дымящемуся стакану.

— Осторожно, чай горячий, — предупредил он, протягивая один из стаканов следователю. — Сахар я вам положил.

— Хорошо, что не яд, — пошутил Прижогин, внимательно следя за реакцией хозяина.

— Яда не держим, — тем же тоном ответил Балашов. — Вы пришли поговорить об убийстве Давыдова?

— Конечно, но не только.

— Спрашивайте.

— У вас должны быть какие-то свои соображения по поводу этого преступления. В каких, например, отношениях с ним находился Виталий Заславский?

— Этого я не знаю и, вообще, данный вопрос — не ко мне. На вашем месте я бы интересовался не столько Виталием, сколько Ольгой Котенко. Помните, о чем я говорил во время нашей первой встречи?

— Что она — любовница Ливанского? Помню.

— Ну, с того дня прошло немало времени, и она успела завести нового любовника.

— Вы имеете в виду Строганова?

— Именно. Более того, — Балашов слегка оживился, — могу посоветовать вам обратить внимание на одно любопытное психологическое обстоятельство.

— Я вас внимательно слушаю.

— Знаете, некоторые актеры, особенно из числа непрофессионалов, иногда настолько входят в роль, сживаются со своим персонажем, что в обыденной жизни начинают вести себя не совсем адекватно. Представьте себе такой вариант: Давыдов, который должен быть любовником Ольги, то есть Теруань де Мерикур, полностью отождествил себя со своим персонажем — Кондорсэ.

— Так-так, и что дальше?

— А дальше, он и в обыденной жизни начинает себя вести согласно этому. То есть ревновать ее к Ливанскому или Строганову, а, может быть, и к кому-то еще. Улавливаете мою мысль?

— Ну, если бы убийцей был он, тогда это могло бы выглядеть версией, хотя и весьма экзотичной. Однако убили-то его! Пойдите! — внезапно воскликнул Прижогин. — Ведь все, что вы только что сказали, относится и к вашему приятелю Заславскому — по сценарию и он является любовником Ольги! Так почему бы ему не ревновать ее к Давыдову?

— Нет, ну, при чем тут Заславский, — явно огорошенный неожиданной догадкой следователя, скривился Балашов. — Виталию и без Ольги баб хватало. Чего ему ревновать...

— А его самого никто не мог ревновать? — неожиданно спросил Прижогин.

— Что вы имеете в виду? — сразу насторожился Балашов.

— Его отношения с Тверезовским...

— Мерзость! — Актер даже вскочил со своего места, едва не пролив остатки чая себе на брюки. — Это такая мерзость, что и говорить не хочу. Кто вам передал эти гнусные сплетни?

— А почему вы так уверены, что это именно сплетни?

— А-а, так это Котенко! — не обратив внимания на его вопрос, догадался Балашов. — Ну, конечно, где грязь, там и она! Все понятно...

— Вам, конечно, неприятны подозрения в отношении вашего друга, однако они не лишены оснований. — Прижогин решил идти до конца и рассказал о боевых патронах, которые Ольга должна была передать Заславскому, и о его голосе, записанном на автоответчик Давыдова. — Что вы теперь на это скажете?

— Очень может быть, — неожиданно согласился Балашов.

— Что — «может быть»?

— Возможно, что в отношении Виталия вы правы, а я ошибался. У вас ко мне есть еще какие-то вопросы?

— Нет, пожалуй, на сегодня все.

Прижогин поднялся с места и направился в прихожую. Актер вышел, чтобы его проводить, но тут зазвонил телефон.

— Константин, это тебя, — высунулась соседка. — Какая-то мадам.

— Хорошо, Галина Владимировна, я возьму трубку в своей комнате, а вы положите в своей.

Балашов вопросительно взглянул на Прижогина и тот кивнул.

— Идите, не беспокойтесь, я сам за собой закрою.

Но стоило Балашову снова скрыться в своей комнате, плотно прикрыв дверь, как в коридоре немедленно появилась старуха. Она смотрела на следователя с таким нескрываемым ехидством, что он невольно усмехнулся.

— Случилось чего? Убили кого?

— Да, убили, — подтвердил Прижогин. — А почему вас это интересует?

— А кто убил-то — Костька? — шепотом продолжала старуха.

— Нет, не он... А почему вы так подумали?

— Намедни торт мне приносил и кокос. Вот я и подумала — может, чего натворил, и теперь рыльце в пушку. Торт-то мы с ним за чаем вместе съели, а вот от кокоса он отказался. Ешьте, говорит, сами. А чего с ним делать, ума не приложу... Есть-то боюсь, может, он какой отравленный?

— Ну, что вы, бабуся, как можно отравить кокос, — засмеялся следователь. — Ешьте и ничего не бойтесь.

— Вы правду говорите?

— Конечно, правду. Ну, до свидания.

Прижогин еще раз оглянулся на закрытую дверь, из-за которой раздавался приглушенный голос Балашова, и вышел на лестничную площадку.

Вернувшись на Петровку, он поднялся на третий этаж и двинулся по коридору, направляясь в свой кабинет. Но, не доходя до поворота, вдруг резко остановился, повернул назад и направился в противоположное крыло здания.

Там располагался отдел экономических преступлений, в котором работал один из старых знакомых Прижогина еще по Академии МВД майор Смагин.

— У тебя есть что-нибудь на Тверезовского? — сразу приступил он к делу после обмена рукопожатиями.

— Ты имеешь в виду телевизионщика? — чуть заикаясь, уточнил черно-волосый майор в сером клетчатом пиджаке.

— Его самого.

— Нет, его мы как раз не пасем. Что толку-то — этот пройдоха сумеет устроиться при любом режиме..

— Жаль, — скривился Прижогин и повернулся к двери.

— Погоди, куда торопишься, я еще не успел договорить. Самого Тверезовского мы не пишем, зато его пишет кое-кто другой. Мы тут установили наблюдение за одним из его корешей и недавно прослушали один любопытный разговорчик...

— Так-так, и что за разговор? — насторожился Прижогин.

— У меня имеется запись радиоперехвата. Твой Тверезовский звонил из машины на подмосковную дачу своего друга — директора красноярского завода металлоизделий Осетрова. Думаю, это как раз то, что тебе нужно.

— Давно это было?

— Пару дней назад.

— Одолжи пленку!

Майор Смагин покачал головой.

— Что — без санкции? — догадался Прижогин. — Ну, тогда заведи, я послушаю прямо у тебя.

— Садись.

— Кстати, а чья это была инициатива заняться Осетровым? — поинтересовался следователь, пока майор возился с магнитофоном.

— Моя. К нему, правда, пока не подступиться, поскольку у него выход на самый верх, к одному из вице-премьеров. Противно видеть, как все мои усилия уходят в песок. Ведь все на виду, даже ленятся что-то скрывать, гады, но никого нельзя тронуть — так они все повязаны и покрывают друг друга. Пока власть не сменится, все, что я делаю, — это так, заполнение досуга.

— Отдай журналистам!

— Ага, чтобы меня тут же потащили в суд за клевету или разглашение государственной тайны? Чтобы безбоязненно опубликовать такие материалы, надо сначала уехать в Америку. Ну, у меня все готово.

— Включай, — скомандовал Прижогин, закуривая и придвигаясь поближе.

Сначала послышалось сухое тренькание, затем долгий гудок, прерванный глухим, недовольным басом:

— Алло.

— Иван, это ты? — раздался торопливый и явно возбужденный голос Тверезовского. — Можешь говорить?

— Да. А что случилось?

— Нас все время кто-то записывал!

— С чего ты взял?

— Я стал перекладывать документы в другой пиджак и вдруг на заднем обороте лацкана нащупал «жучка». Ты в своей Настасье уверен?

— Ее не замай, лучше за своим актеришкой присмотри. А еще лучше — подумай, по чьей наводке это могло быть сделано?

— Да я только об этом и думаю! — взвизгнул Тверезовский. — Может, Ольга чего наговорила? Ее, кстати, вчера выпустили под подписку.

— Дельно размышляешь. Меня и раньше удивляло, чего это ты о ней так заботишься?

— Она — моя дальняя родственница, я тебе говорил. Что посоветуешь?

— То, что я могу тебе посоветовать, по телефону не скажешь. Так что, определяйся самостоятельно.

— Все, — сказал Смагин и выключил магнитофон. — Ну, как?

Прижогин был настолько переполнен впечатлениями, что лишь красноречиво покачал головой.

Глава 15.

Ридикуль — это не смешно

Все произошло за считанные секунды. Бежевый «порше» и красный «форд» мчались по набережной Сены, яростно скрежеща бортами. Впереди них несся открытый желтый пикап, на котором была установлена камера. Водитель «порше», все ближе теснимый к парапету, отчаянно пытался вырваться и уйти вперед. Впереди, под мостом, на котором столпилось множество зевак, перегораживая дорогу, медленно разворачивался большой грузовик.

За сто метров до него «порше» резко затормозил и в тот же момент получил сильнейший удар в левый бок. Машина вильнула вправо, проломила металлическую ограду и, перекувырнувшись в воздухе, упала в реку. Но, вместо тяжелого всплеска воды, раздался глухой удар металла о металл.

В момент падения машины внизу проплывала небольшая баржа. «Порше» упал на крышу, как раз посередине палубы, отчего баржа резко просела в воду. Раздался отчаянный вопль, взревел гудок, закричали и замахали руками люди, стоявшие на мосту. Из «форда», грузовика и пикапа выскочили водители и бросились к проломленному парапету.

— Что там опять, черт подери, случилось? — раздался голос, усиленный мегафоном. — Почему прекратили снимать?

Кроме камеры, установленной на пикапе, съемки велись еще с двух точек — одна камера была на мосту, другая — в небольшом сквере, прямо напротив того места набережной, откуда упал «порше». Именно отсюда и раздался мегафонный рев, издаваемый невысоким худеньким мужичком, в серой кепочке, надвинутой на самые глаза. Через мгновение вся съемочная группа устремилась к набережной. Баржа медленно покачивалась у самого берега, а на ее палубе возбужденно суетились люди, пытаясь вытащить кого-то, кто лежал под смятым капотом «порше». Началась жуткая паника — и место съемок, оцепленное французской полицией, мгновенно превратилось в некое подобие разбежавшегося сумасшедшего дома. Раз-

двигая толпу и отчаянно сигналив, появились две кареты «Скорой помощи», а внизу, возле баржи, уже покачивалось несколько катеров.

— Что у вас тут творится? — поинтересовался Ливанский, останавливая знакомого ассистента. Несколько минут назад он подъехал сюда полюбопытствовать, как идут съемки боевика у его недавних конкурентов.

— А, лучше не спрашивай! — отчаянно махнул рукой тот. — В момент падения тачки внизу, как назло, проплывала французская баржа. Каскадер — при смерти, а одного француза, который находился на палубе, раздавило в лепешку. Теперь съемкам — конец, парижская мэрия наверняка аннулирует разрешение. Сам-то откуда здесь взялся?

— Приехал снимать натуру, — ответил Ливанский, доставая сигареты и предлагая ассистенту. — А много вы хоть успели отснять?

— Порядочно, хотя с нашим режиссером не работа, а одна морока, — и ассистент злобно кивнул в сторону мужчины, который, стоя в окружении полицейских, пытался что-то им объяснить через возбужденно тараторившую переводчицу.

— Да, это известный халтурщик, — согласился Ливанский. — Я был очень удивлен, когда узнал, что его взяли вместо Васильчикова.

— Так ты не знаешь, что этому предшествовало? — обрадовался ассистент. — Ну, брат, это такая история — хоть стой, хоть падай!

— А что за история?

— Ты знаешь, что наш фильм спонсирует некий гусь по фамилии Осетров?

— Нет, не знаю. Но я видел его вместе с Тверезовским на одной из презентаций, поэтому несколько не удивляюсь. И что дальше?

— А то, что этот хмырь поставил одно условие, о котором Васильчиков сообщил Тверезовский. Осетров заявил, что даст деньги, но все приглянувшиеся ему актрисы — его. То есть, грубо говоря, решил превратить женскую часть съемочной группы в свой гарем.

— Лихо! — не удержался Ливанский.

— Еще бы! — поддакнул ассистент. — Васильчиков, когда об этом узнал, взбеленился до крайности. Нет, он не отказался от работы, но набрал таких актрис! Ты бы видел рожу Осетрова, когда он явился на первую репетицию и узрел этих «красоток»! Жаль, что оператор не догадался вовремя включить камеру! Короче, Васильчикову предложили набрать другой состав, он послал всех... сам понимаешь, куда, после чего Тверезовский и привел этого, как ты справедливо заметил, халтурщика.

В то время, пока Ливанский разговаривал с ассистентом, Ольга и Заславский сидели за столиком уличного кафе, находившегося в близлежащем переулке. Прохожие с любопытством оглядывались на красивую, экзотично одетую пару, но Заславский и Ольга были так сосредоточены на своем разговоре, что ни на кого не обращали внимания.

— Ты сегодня такой элегантный, — улыбаясь, говорила Ольга, — и тебе очень идет и это кружевное жабо, и этот галстук. Но больше всего тебе идет бледность и томная задумчивость. Настоящий дворянин восемнадцатого века...

— Наконец-то, ты обратила на меня внимание. И то, наверное, только потому, что Строганов остался в Москве, — с досадой заметил Заславский. — А ведь мы уже с тобой столько раз целовались на съемках, что трудно было не заметить моей элегантности.

— Ты меня ревнуешь?

— А ты как думаешь?

— Странно. — Она кокетливо помешала соломинкой в своем бокале. — А я думала, что ты ко мне относишься только как к партнерше.

— Относился... раньше, но теперь нет.

— И с какого же момента ты переменялся?

— Наверное, я уже настолько вжился в роль, что почувствовал себя наполовину Строгановым и, соответственно, теперь разделяю его чувства.

— Ко мне или к Теруань?

— А разве ты не чувствуешь того же самого? Разве в тебе уже нет чего-то от Теруань? Разве не ловишь себя на мысли о том, что начинаешь думать и чувствовать, как она?

— Пожалуй, да, — согласилась Ольга. — Вообще, приобщение к жизни предков как-то незаметно облагораживает. Вот только интересно знать — почему? Разве они были лучше нас? Та же Теруань была куртизанкой и, по-моему, истеричкой.

— Здесь ты не права. — Заславский аккуратно расправил кружевной манжет и взял свой бокал. — Теруань — замечательная, необычная женщина, и сыграть такую роль под силу только незаурядной актрисе.

— Спасибо. — Ольга улыбнулась и тоже подняла свой бокал. — За что пьем?

— Как — за что? У тебя же сегодня — день рождения. Кстати, — и Заславский слегка поморщился. — У меня для тебя есть подарок от нашего общего знакомого. Вчера меня нашел один из его сотрудников и попросил поздравить тебя от имени шефа. Подожди, я сейчас принесу подарок, он — в машине.

— Оставь, — схватила его за рукав Ольга, — потом, после съемок. Я догадываюсь, что это от Тверезовского, но сейчас мне не хочется о нем вспоминать. Даже не хочу думать о том, сколько мне лет. Давай лучше еще поговорим. Скоро нам предстоит самая важная сцена, и надо настроиться на роль, тем более, что массовки не будет.

— Ну, что, голуби, у вас такие грустные лица, что, по-моему, пора снимать, — неожиданно над их головами раздался голос Ливанского. — В путь, и поживее!

— Что там у них случилось? — поинтересовался Заславский, вставая со своего места и отодвигая стул Ольги. — Пока мы тут сидели, мимо проехала «скорая» с включенной мигалкой.

— А, так им и надо, — махнул рукой режиссер. — В дороге расскажу.

Через минуту вся группа уже залезала в микроавтобус. Ливанский, неплохо владевший французским, тут же заговорил с водителем, но после оживленного обмена репликами красноречиво пожал плечами.

— Что? — тут же спросила Ольга.

— Да я хотел начать с тюрьмы Бур-ла-Рен, где перед смертью сидел Кондорсэ, но, оказывается, она находится за пределами Парижа. Ладно, тогда едем к Тюильри. А вы готовьтесь и настраивайтесь. Саму сцену с массовой мы снимем в Москве, а сейчас мне от вас нужно одно — трагическое выражение лица на фоне дворца Тюильри. Поехали.

После съемки все вышли из ворот сада. Ливанский подошел к присутствовавшим на съемках Строганову и Марине и тут же отвел его в сторону. Пока Ольга, достав косметичку, приводила себя в порядок, Заславский быстро забрался в микроавтобус и через минуту уже вылез наружу, держа в руках изящный женский ридикюль.

— Вот, это подарок Тверезовского, о котором я тебе говорил, — сказал он, протягивая сумочку Ольге.

— А что в нем? — поинтересовалась она.

— Не знаю, я его не открывал.

— Какой красивый! — заметила Марина. — А знаете, что мода на ридикюли берет свое начало со времен французской революции? Узкие платья из тонких тканей не допускали возможности внутренних карманов, поэтому для разных женских мелочей стали делать небольшие сумочки по об-

разцу офицерских. Сначала их подвешивали сбоку, потом стали носить в виде корзинки. «Reticule» — по-латински плетеная сетка, но, в насмешку над модницами, их стали называть «ridicule» — то есть, смешной.

— Давайте посмотрим, что там внутри. — Ольга положила косметичку на переднее сиденье микроавтобуса и взяла ридикюль в руки.

В этот момент сзади взревел мотор мотоцикла, она вскинула голову и, не успев ничего понять, слабо охнула и отшатнулась. Мотоциклист в шлеме, полностью закрывавшем его лицо, до этого прятался за близстоящей машиной, а теперь сорвался с места и мгновенно промчался вдоль самого бордюра. Вырвав ридикюль из рук актрисы и прибавляя газу, он стремительно понесся прочь.

Ольга растерянно смотрела ему вслед и вдруг...

Сильный взрыв потряс окрестности, и все мгновенно замерли, словно пораженные внезапным оцепенением. Мотоциклиста буквально разметало по сторонам, а мотоцикл, взлетев в воздух, развалился на части.

У Ольги закрылись глаза и безвольно подкосились колени. Потеряв сознание, она уже падала на асфальт, но Заславский успел подхватить ее на руки.

И тут донесся отчаянный вопль Ливанского:

— Мотор! Включи камеру!..

Глава 16.

Опасные связи

В сущности, несмотря на множество знакомых и даже наличие одного близкого приятеля — Ливанского, Ястребов был довольно одинок. Главной причиной этого, судя по всему, являлся его желчно-ядовитый характер, который не выдерживали даже любящие женщины. Последняя из них перед уходом сказала ему: «Сначала ты можешь очень даже нравиться, но, чем больше тебя знаешь, тем меньше любишь».

На данный момент у него была новая знакомая — Наталья, с которой он и проводил сегодняшнюю ночь.

— Можно я немножко посплю? — осторожно спросила девушка после очередной порции бурных объятий.

— А почему не выпалась — работы было много? — поинтересовался Михаил.

— Нет, просто дочь тяжело заболела. Кашляла всю ночь, и мне пришлось постоянно дежурить у ее кровати.

— А как же ты сегодня пришла?

— Мать посидит, — вздохнула Наталья и повернулась на бок к стене, небрежно разметав по подушке свои пушистые белокурые волосы, скрывавшие разгоряченное лицо.

Через несколько минут она уже крепко спала. А Ястребов, положив руку на ее обнаженное бедро, курил в темноте и размышлял о том, не совершить ли ему самый необычный поступок в своей жизни — не жениться ли на Наталье? Как много проблем и мучительных ночных размышлений уходит прочь, сменяясь чувством глубокого душевного спокойствия, когда рядом с тобой спит нежная и милая девушка.

Вдруг со стороны балкона послышался столь странный звук, что Ястребов мгновенно насторожился. Ему показалось, что кто-то приставил лестницу к его балкону, однако этого просто не могло быть — ведь он живет на тре-

тьем этаже! Впрочем, все возможно, только вот кому потребовалось лезть к нему в квартиру, даже не побеспокоившись проверить — дома ли хозяин?

От этой мысли Ястребов похолодел — значит, это не простые грабители, и дело обстоит намного хуже. После всех его желчных статей у него накопилось много откровенных и могущественных врагов... А что если кому-то из участников недавней беседы стало известно о том, что он подслушал их разговор? Ведь Тверезовский наверняка уже обнаружил «жучка» в своем пиджаке...

Разбудить Наталью или пока не стоит?

Страшнее всего ему стало в тот момент, когда сквозь тонкие тюлевые занавески он увидел, как над краем балкона показалась чья-то голова.

Ястребов выскользнул из кровати и пополз на четвереньках в коридор. Там он встал на ноги и, дрожа от холода и возбуждения, нашел в темноте свой газовый пистолет, который постоянно хранил в тумбочке под зеркалом. Убедившись, что патрон уже находится в стволе, он осторожно вернулся в комнату и в тот же момент услышал звук разбиваемого стекла балконной двери.

Да, этот человек в черной шерстяной маске действовал быстро и грубо. Наталья только пошевелилась и даже не успела проснуться, как ночной гость, проворно просунув черную руку в разбитое отверстие, открыл дверь и вступил в комнату.

Ястребов мгновенно включил верхний свет и, одновременно с этим, выстрелил, целясь в прорези для глаз этой страшной, шерстяной головы. Наталья пронзительно завизжала от ужаса и, словно бы для того, чтобы заглушить ее крик, Ястребов выстрелил снова.

Человек зашатался, потом повернулся и неуверенно шагнул на балкон. Ястребов бросился вслед за ним и, прежде чем тот перелез через перила и ступил на лестницу, выстрелил опять — на этот раз, чтобы разбудить соседей. Незнакомец продолжал быстро спускаться вниз, к ожидавшей его машине, и тут возле ее темного силуэта вспыхнул огонек выстрела. Ястребов понял, что теперь стреляют в него, резко опустил на четвереньки и пополз обратно в комнату.

Кто же это все-таки мог быть, и что означало это странное нападение? Неужели оно связано с тем, последним звонком, который не столько напугал, сколько озадачил? Какой-то человек, старательно гнусава глухим голосом — явно через носовой платок, — потребовал от него, ни больше ни меньше, как изменить сценарий, «правильно расставив некоторые акценты в характерах главных действующих лиц»!

Разумеется, тогда он воспринял этот звонок, как некую нелепость, приписав его недругам Ливанского. Однако после сегодняшней ночи имеет смысл рассказать об этом звонке всем, в том числе и Прижогину.

Двери лифта уже закрывались, когда в кабину успел заскочить невысокий подвижный мужчина с веселыми голубыми глазами. Рослая молодая женщина окинула его настороженным взглядом и молча отодвинулась к дальней стенке.

— Вам на какой этаж? — вежливо поинтересовался он.

— На девятый.

Мужчина кивнул головой и нажал кнопку. Лифт мерно загудел и тронулся вверх. Мужчина медленно расстегнул куртку и в упор посмотрел на женщину. Она заметно напряглась, но не отвела глаз. Его рука быстро нырнула во внутренний карман.

— А... — больше он ничего сказать не успел, поскольку женщина резко ударила его коленом в пах, и мужчина мгновенно согнулся пополам.

— Вы спятили? — прохрипел он. — Я же только хотел...

— Я закричу!

— Зачем?

— А зачем вы следите за мной уже три часа подряд? Я даже запомнила номер вашей машины. Что вам от меня надо?

В этот момент лифт остановился, и женщина поспешно выскочила на лестничную площадку.

— Да погодите же, Настасья!

Услышав свое имя, она удивленно обернулась.

— Меня послал Михаил Ястребов...

— Михаил?

— Он самый. — Мужчина, продолжая пребывать в полусогнутом состоянии, кое-как выбрался из лифта. — Сегодня ночью на него было совершено покушение, а утром он позвонил мне и попросил, чтобы я последил за вами на предмет каких-нибудь неожиданных эксцессов...

— Так что же вы сразу не сказали?

— Я хотел, но ваше стройное колено оказалось проворнее моего языка! Женщина смущенно засмеялась.

— Извините. Давайте пойдём ко мне, посидите, пока не придёте в себя.

— Пойдёмте, — согласился он и вдруг с улыбкой добавил: — Когда сле-дись за мужчиной, приходится надевать бронезилет. Теперь же, когда снова придётся следить за женщиной, буду надевать хоккейную раковину.

Настасья покраснела, открыла входную дверь и провела его в квартиру.

— Как вас хоть зовут?

— Петр.

— Снимайте ботинки и проходите в гостиную. Хотите, я вам помогу?

— Да ладно уж.

— Так что вы там говорили насчет Михаила?

Петр добрался до дивана и, упав на него, блаженно вздохнул.

— Сегодня ночью кто-то забрался через балкон в его квартиру.

— Но он же живет на третьем этаже!

— Правильно, но этот кто-то воспользовался лестницей.

— И что дальше?

— Михаил несколько раз выстрелил в него из газового пистолета, и тот удрал тем же путем, каким явился. Наш друг думает, что это связано с «жучком», который вы подсунули Тверезовскому.

— А откуда вы...

— Я помогал ему, и мы вместе слушали тот разговор.

— Понятно. — Настасья присела рядом с Петром и улыбнулась. — Зна-чит, сегодня вы были моим телохранителем. А что будет завтра?

— А завтра возвращается из Парижа мой шеф, и я приступаю к выпол-нению своих прямых обязанностей.

— А как же я?

Петр красноречиво вздохнул.

— А вас придется охранять во внерабочее время...

Глава 17.

Сальпетриер

Из сценария Михаила Ястребова «Любовь в смутные времена»

«31 марта 1814 года восьмидесятитысячная армия союзников — рус-ских, пруссаков и австрийцев — торжественно вступила в Париж. Впереди многочисленной генеральской свиты, на белом коне победителя, в белом,

шитом золотом мундире, и шляпе с роскошным плюмажем, ехал Алек-сандр Первый. Именно к нему, а не к королю Пруссии или представителю австрийского императора князю Шварценбергу, было приковано всеоб-щее внимание..

Париж сходил с ума по императору Александру и блестящим русским офицерам — желанным гостям на всех балах и во всех театральных ложах.

Солдаты лейб-гвардии Семеновского полка свалили на Вандомской площади статую Наполеона, но лишь после того, как возле нее побывал Александр и добродушно заметил: «Ишь, как высоко забрался. Я бы на такой высоте простудился...»

Русский император уже оставил особняк Талейрана и переехал в Елисей-ский дворец, деля свое время между прогулками по городу, посещением разных общественных заведений и больниц, после чего, как писали париж-ские газетчики, «число безумных парижских женщин только возрастало», и флиртом с падчерицей Наполеона Гортензией, о которой ходили сплетни, что в свое время она была для Наполеона не только падчерицей, хотя сам он говорил о ней так: «Гортензия заставляет меня верить в добродетель».

Все это время Строганов тщетно пытался выяснить судьбу Теруань. Зачем он это делал — ведь сейчас ей должно быть не менее пятидесяти лет и кто знает, во что ее превратили годы? Женщины такого типа не умеют стареть, и все же...

После того далекого дня 1793 года, когда была установлена якобинская диктатура, произошло так много бурных событий. К тому же Париж лю-бит создавать себе кумиров, но слишком легкомысленен для того, чтобы долго о них помнить.

Однажды Строганов решил обратиться с расспросами к своей квартир-ной хозяйке.

— Вы знаете, кто жил в этом доме двадцать лет назад?

— О да, месье, ведь все это время я сама жила здесь!

— В таком случае, вы не помните одного русского юношу, который сни-мал эту же квартиру на протяжении трех лет...

— Конечно, помню, месье, ведь я стирала ему белье.

— О Боже, так это были вы!

— Месье Поль?.. О, простите, господин генерал, я хотела сказать... — И впервые в этих тусклых глазах проявилась искорка живой человеческой теплоты.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что бывшая прачка ухитрилась выйти замуж за торговца-бонапартиста, разбогатевшего во время напо-леоновских войн, и на его деньги приобрела тот самый дом, жильцов ко-торого обстирывала всю свою сознательную жизнь.

Наконец, убедившись в том, что она ничего не знает о том, кто была его возлюбленная в те далекие дни, Строганов решил задать главный вопрос:

— А что случилось с Теруань де Мерикур?

— О, бедняжка, — тут же вздохнула бывшая прачка, — это грустная история, одна из тех, которых было так много в то ужасное время.

— Она умерла?

— Нет, но... Понимаете, месье Поль, вскоре после вашего отъезда с ней произошла ужасная вещь, о которой мне не хотелось бы вспоминать...

— Так что с ней? — не выдержал Строганов.

— Теруань была любовницей одного из жирондистов и, после того, как этот бешеный зверь Робеспьер объявил их врагами республики, пошла на площадь перед Тюильри и стала выступать в их защиту. Тогда группа якови-нок отхлестала ее розгами прямо на глазах у всей толпы! После этого бедняж-ка заболела нервной горячкой и через два месяца повредилась в рассудке.

— Но она жива?

— О, да, и я каждый месяц хожу ее навещать в больницу для умалишенных в Сальпетриере.

— Вы можете проводить меня туда?

— Хотите посмотреть на несчастную Теруань? Но ведь это такое грустное зрелище!

— Я немедленно пошлю слугу за каретой, а вы пока собирайтесь! — не допуская возражений тоном приказал Строганов, и Женевьева озадаченно смолкла.

Мрачное здание больницы для умалишенных на этот раз было расцвечено флагами и цветами. Вокруг сновало несколько русских адъютантов, удивленно отдавших ему честь, но Строганов, поглощенный своими мыслями, не обратил на это внимания. Он шел на свидание с юностью!

Сумасшедших женщин держали, как зверей — в камерах, отгороженных от общего коридора сплошной металлической оградой от пола и до потолка. Пока он, вслед за Женевьевой, шел вдоль этих камер, некоторые из женщин издавали пронзительные вопли, другие бросались к решетке и протягивали к нему руки, третьи начинали лихорадочно прихорашиваться.

И только Теруань восприняла его приход спокойно! Строганов жадно всматривался в лицо этой, все еще статной, со следами былой красоты седовласой женщины.

— Теруань! — тихо произнес Строганов после нескольких минут молчания.

Она спокойно подняла голову и так же спокойно посмотрела на своего бывшего возлюбленного. Несколько мгновений он жадно всматривался в ее пустые глаза... но нет, она даже не подошла к решетке, а равнодушно вздохнула и села на кровать, свесив длинные пряди по-прежнему густых и вьющихся волос.

— Вот видите, месье Поль, — осторожно проговорила бывшая прачка. — Она и меня встречает так же. За все время, что я приношу ей подарки, она едва произнесла несколько слов...

Ничего не ответив, Строганов резко повернулся и быстро пошел к выходу. Чего он вообще ждал от этой встречи?

— Все, снято! Поздравляю всю группу и, в первую очередь, себя! — радостно закричал Ливанский. — Молодец, Заславский, браво, Ольга! Дальше пойдет монтаж кадров-воспоминаний — Теруань на коне, первая ночь, глаза Строганова, а потом титры. Всем — огромное спасибо!

Раздвигая толпу актеров, изображавших императорскую свиту, в павильоне появился Прижогин, и Ливанский первым его заметил.

— А, Леонид Иванович! — весело обратился он к следователю. — Вы, как всегда, являетесь, точно каменный гость, наводя ужас на всех присутствующих. Пришли арестовать кого-нибудь из нас? Съёмки закончены, так что, теперь вся съёмочная группа — к вашим услугам!

Прижогин молча разглядывал лица актеров. Заславский, в гриме и генеральском мундире, был все так же бледен, задумчив и преисполнен внутреннего достоинства, искусно состаренная Ольга не торопилась снимать свой седой парик и спокойно встретила взгляд следователя.

— А где актер Балашов? — отрывисто спросил Прижогин.

— Константин Иванович? Его здесь нет, он в этой сцене не задействован... Эй, кто-нибудь сегодня видел Балашова?

Съёмочная группа вразной покаяла головами.

— Наверное, он дома, — предположил актер, загримированный под Александра Первого.

— А что такое? — осторожно поинтересовался Ливанский. — Почему вам нужен именно он?

— Потому что я хочу предъявить ему обвинение в убийстве Георгия Алексеевича Давыдова!

Глава 18.

Право слабого

Ястребов сидел в редакции и, в ожидании вызова к главному, играл на рабочем компьютере.

— Михаил, — окликнула его секретарша главного редактора, степенная пожилая дама, чем-то похожая на своего шефа. — Владимир Сергеевич закончил разговор и теперь ждет вас.

Ястребов кивнул, встал из-за компьютера и направился в кабинет шефа. Вчера он передал ему распечатанную запись разговора Тверезовского с мафиози, и теперь оставалось узнать — дает ли главный свое «добро» на публикацию этого материала?

Владимир Сергеевич Образцов представлял собой классический тип западного джентльмена — благородная седина, негромкий, но хорошо поставленный голос, очки в дорогой оправе, французский костюм с искусно подобранным галстуком и тонкий запах французского же одеколора. Этот респектабельный вид он приобрел еще в далекие времена, когда работал спецкором в странах Западной Европы. Внутренняя интеллигентность, неотделимая от порядочности, свободное владение тремя языками, высокий профессионализм — все это, как ни странно, почти не препятствовало его успешной карьере. И дело даже не в том, что он умел находить общий язык с самыми махровыми партаппаратчиками, просто Владимир Сергеевич не отличался особым мужеством и уж, тем более, не был борцом за идею. В принципе, он писал правду, но лишь дозволенную ее часть...

Хорошо изучив характер своего главного, Михаил мог только предполагать, какая судьба ждет его сенсационный материал.

Образцов неоднократно заявлял, что считает его своим лучшим журнальным листом, а потому всегда принимал по высшему разряду. Встречал у двери своего кабинета, первым протягивал руку, угощал кофе, да и беседовать усаживал не за свой начальственный стол, а в сторонке, у окна, где стояли журнальный столик и два кресла.

Эта же процедура была соблюдена и на этот раз, но, тем не менее, Ястребов насторожился — Образцов был хмур и задумчив.

— Вы уже слышали главную новость сегодняшнего дня? — поинтересовался он, когда Ястребов закурил и отхлебнул горячего кофе.

— Нет. А что такое?

— Полчаса назад Тверезовский был арестован. Мне только что звонили из ИТАР-ТАСС, и сейчас эту новость уже гонят по всем каналам.

— Так это же прекрасно! — обрадованно воскликнул Михаил. — Теперь наш материал будет как нельзя более кстати!

— Я так не думаю, — поморщился Образцов. — И, надеюсь, что вы тоже измените свое мнение, когда узнаете подробности его задержания.

— Странно, — пожал плечами Ястребов. — Никогда не думал о том, что на судьбу преступника могут оказать влияние обстоятельства его ареста. А что случилось — он отстреливался и был ранен?

— В данном случае ваше знаменитое чувство юмора не совсем уместно. Дело в том, что наши правоохранительные органы, к сожалению, так и не научились работать цивилизованно. Пейте кофе, а то остынет.

— Владимир Сергеевич! — не выдержал Ястребов. — Ну, что вы ходите вокруг да около? Наши беседы с вами всегда отличались конкретностью и откровенностью. Что вас смущает в моем материале? И расскажите, наконец, как арестовали Тверезовского?

— Его машину остановили на въезде в город, когда он возвращался с дачи. Причем остановили в худших традициях боевиков — прижали к обочине, дали очередь из автомата, откуда-то выскочили какие-то люди в камуфляже и черных масках... В общем, нельзя было понять — то ли это бандиты, то ли омоновцы...

— Вы так и не сказали мне главного — ставите мой материал в ближайший номер или нет? — перебил главного Ястребов.

— Порядочный человек не должен подыгрывать в нечистоплотных играх, поэтому я считаю публикацию вашего материала в данный момент неуместной.

— Не понял?

— Есть право сильного, которое сегодня так блестяще продемонстрировали омоновцы, — это право на произвол, но есть и право слабого — на сострадание или, по меньшей мере, на снисхождение. Я не собираюсь руководствоваться правилом Ницше — того, кто падает, надо еще толкнуть. В конце концов, это подло!

«Или трусливо?» — мелькнуло у Ястребова, но возразить он не успел, поскольку в дверь постучала секретарша.

— Вы позволите, Владимир Сергеевич? Михаил, вас к телефону.

— Значит, вы отказываетесь опубликовать этот материал? — вставая с кресла, зло бросил Ястребов.

— Да, во всяком случае, пока.

— Ну, хорошо, а что вы скажете о компромате на Осетрова? Его-то пока не за что жалеть?

— Приносите, — коротко ответил Образцов, перебираясь из кресла для непринужденной беседы в кресло для дачи руководящих указаний.

Михаил поспешно добежал до телефона, схватил трубку, но после первых же секунд разговора скрипнул зубами, окаменел и начал бледнеть...

Глава 19.

«Вы это серьезно?»

Прошло два месяца.

— А вы чувствуете приход весны? — задорно поинтересовалась красавица-ведущая у гостей телестудии — Ливанского и Строганова.

Шел прямой эфир передачи, посвященной премьере телесериала. Оба гостя были хороши, каждый по-своему — Ливанский — в белом свитере с ярким шейным шарфом, Строганов — в светло-сером костюме, светло-голубой рубашке и цветастом галстуке. Однако, если режиссер был оживлен и непрерывно кокетничал с ведущей, то Строганов, напротив, серьезен и сосредоточен.

— Разумеется, — первым отозвался Ливанский. — И я даже сочинил по этому поводу небольшое стихотворение. Если позволите, я его зачитаю.

— Конечно, прошу вас.

Ливанский улыбнулся и продекламировал:

— *«Весенний ветер нам принес*

Букет своих весенних грез,

И вновь надежды оживают;

*Мы забываем мрак и тьму,
И уходящую зиму,
Нас жизнь волнует и ласкает;
Ну, а потом, я не пойму
Куда все это исчезает?»*

— Замечательно, — скосив глаза куда-то в сторону режиссера передачи, стоявшей в глубине студии, похвалила ведущая. — Однако вернемся к теме нашей беседы. Сегодня наши телезрители посмотрели последнюю, третью серию вашего нового фильма... Кстати, а почему вы сняли всего три серии, а, скажем, не тридцать и не триста? Ведь сейчас модно снимать большие сериалы.

— Да потому, что хороших и длинных сериалов просто не существует! Я долго мог бы говорить на эту тему, но боюсь занять этим все эфирное время.

— Ну, хорошо, — тут же согласилась ведущая, — тогда следующий вопрос. Я понимаю, что ваш фильм основан на исторических фактах — в одном из своих интервью вы уже говорили о том, что у молодого графа Строганова действительно был роман с Теруань де Мерикур. Однако нашим телезрителям интересно было бы узнать, насколько точно вы следовали исторической правде. Например, финальная сцена картины, где он посещает ее в Сальпетриере...

— Увы, — вздохнул Ливанский. — На самом деле такой встречи не было. Дело в том, что 23 февраля 1814 года в битве под Краоном, неподалеку от Парижа, его восемнадцатилетнему сыну Александру сносит ядром голову. Поэтому Павел Александрович Строганов не входит вместе со своей дивизией в Париж, а медленно везет через Германию прах своего сына домой, в Петербург. О дальнейшей судьбе своего предка вам может рассказать его прямой потомок — Павел Сергеевич Строганов, благодаря помощи которого и снят этот фильм.

— Да, собственно, рассказывать особенно нечего, — не очень охотно откликнулся Строганов. — К тому времени долгие годы военных походов уже давали о себе знать. А тут еще — ужасная смерть сына, который был его первенцем. Три года Павел Александрович сильно болел. А в июне 1817-го он скончался на руках у племянника, в Копенгагене, а похоронен был в Петербурге, в Александро-Невской лавре, рядом с сыном.

— Кстати, — вмешался Ливанский. — На похоронах присутствовал император Александр со своей семьей. А портрет Павла Строганова хранился в Военной галерее Зимнего дворца, среди портретов других героев 1812 года... Но самое интересное состоит в том, что в том же 1817 году скончалась и Теруань де Мерикур. Великие эпохи рождают великие сюжеты!

— Да, это действительно очень интересно, — откликнулась ведущая, явно досадуя на то, что столько времени не могла вступить в разговор. — Ну, что ж, даже если этой встречи не было, остается утешаться мыслью, что любовь была. И все же я думаю, наши телезрители наверняка со мной согласятся, финал вашего фильма не оставляет впечатления трагедии и безнадежности. Скорее, я бы определила его, как светлую грусть...

— И правильно бы сделали, — согласился Ливанский. — Любая, даже самая счастливая жизнь, все равно заканчивается плохо — смертью. Поэтому хоть в искусстве все должно быть не так однозначно.

— Интересная точка зрения, — рассеянно заметила ведущая. — Хотя, разумеется, и не бесспорная...

— Ну, что за дура! — в сердцах воскликнул Ястребов, отрываясь от телевизора.

— Не люблю, когда при мне оскорбляют женщин, — заявил слегка раскрасневшийся Прижогин, аккуратно разливая обоим «Посольскую».

Выпивка была посвящена успешному окончанию следствия и передаче дела об убийстве Давыдова в суд, и проходила прямо в рабочем кабинете следователя. Телевизор стоял тут же, задвинутый на одну из книжных полок.

— Давай, Михаил, — следователь, ухватив обе рюмки, сделал элегантный жест, — за все хорошее. Теперь твой друг Тверезовский может получить на полную катушку.

— Ему будет предъявлено обвинение в покушении на убийство? — уточнил Ястребов. — Я имею в виду тот случай на съемках, когда были подброшены боевые патроны.

— Да, безусловно, — кивнул Прижогин. — Хотя теперь это не самое главное.

— А как он себя ведет?

— Скромно. Почти ничего не говорит. За него это делают адвокаты. Впрочем, если он вздумает заговорить, его могут задушить прямо в камере.

— Ладно, Леонид Иванович, не будем отвлекаться. Я, все-таки, пришел к вам по делу. Вы обещали подробно рассказать обо всех нюансах дела об убийстве Георгия Алексеевича Давыдова.

— Обещал, значит, сделаю. — И Прижогин начал рассказывать: — В этом деле были две проблемы. Во-первых, мотив преступления. Балашов познакомился с Давыдовым только на съемках, поэтому ни о какой старой вражде речи идти не могло. То, что между ними была какая-то неприязнь, мало что объясняло. Чтобы отравить малознакомого человека, одной неприязни мало. Честно сказать, я так и не смог додуматься, зачем же он это сделал, и был чертовски удивлен, когда он сам об этом рассказал.

— Сам?!

— А куда ему было деваться, если я собрал все необходимые улики? Когда я впервые услышал от него причину убийства, то сразу вспомнил, как в одном из наших разговоров он дал мне подсказку!

— Да говорите же, Леонид Иванович, не томите!

— Дело было так — Балашов приехал к Давыдову, чтобы поговорить о сценарии фильма и своей роли в нем. Тот встретил его доброжелательно, и они даже выпили по рюмке коньяка. Но затем началась ссора. Балашов требовал от Давыдова, чтобы тот существенно изменил роль Робеспьера, показав его не кровавым фанатиком, а пламенным революционером, борцом, так сказать, за народное счастье. Это было первое и главное требование. Давыдов отказался...

— Минутку! — перебил Ястребов. — То есть, я так понял, что Балашов настолько сжился с ролью Робеспьера, что оскорбился за своего персонажа, как за самого себя?

— Вот, что значит толковый журналист, — одобрительно крякнул Прижогин. — Сразу ухватил суть, да еще сформулировал в одном предложении.

— Я где-то читал, что фанатики — это самые страшные люди, потому что в их воспаленных мозгах действительность отражается одним-единственным способом — «все, что делаю я — правильно, остальное необходимо уничтожить». Кстати, вы знаете, что сказал тот же Робеспьер во время своего ареста? «Республика погибла, наступает царство разбойников!» Оказывается, развязанный им террор был торжеством разума и правосудия!

— Я сначала было тоже подумал, что Балашов — фанатик, — заметил Прижогин. — Но потом, когда услышал о втором требовании, которое он предъявил Давыдову, несколько призадумался.

— И что же он потребовал?

— Сделать любовником Теруань не Кондорсэ, а его, то есть Робеспьера!

— Ого, да тут еще и Фрейд замешан! — воскликнул Ястребов. — Ну, и гремучая же смесь — революционный фанатизм и нетерпимость плюс сексуальная неудовлетворенность.

— Да, тебе будет, о чем написать в своей статье, — усмехнулся Прижогин, — хотя во Фрейде я, надо сказать, не силен. Короче, Давыдов отказался изменять сценарий в угоду Балашову. Тогда тот, делая вид, что собирается уходить, предложил выпить «на посошок». В какой из моментов ему удалось подлить яд, теперь он и сам не помнит, когда.

— А откуда он взял яд?

— Подожди, не торопись, сам же просил рассказывать по порядку. Значит, с проблемой мотива разобрались. Теперь — вторая трудность. Ведь почему я так долго не хотел подозревать Балашова? Да потому, что этому подозрению препятствовало одно случайное стечение обстоятельств и две его хитрости. Помнишь голос на автоответчике Давыдова и слово «дания»? — Ястребов кивнул. — Так вот, когда разобрались, что это звонил Заславский, то, естественно, все подозрения пали на него. Но самое смешное, что он и не звонил вовсе!

— Как это?

— Этот фокус подстроил Балашов. Он был в приятельских отношениях с Заславским, поэтому ему не составило труда записать на магнитофон, как тот произносит слово «до свидания». После этого он позвонил Давыдову и, когда заработал автоответчик, поднес трубку к магнитофону. Правда, сделал это недостаточно ловко, поэтому и получилась лишь «дания».

— Хитер! — восхитился Ястребов. — Но ведь он звонил и мне, чтобы гнусаво потребовать изменений в сценарии.

— Совершенно верно, и это случайно совпало с ночным визитом в твою квартиру. Поэтому я снова подумал не о нем, а о человеке масштаба Тверезовского или Осетрова. Вот так он два раза сумел ускользнуть от подозрений. А в третий раз попытался окончательно запутать следствие, предварительно отлив половину флакона и подкинув яд Ольге Котенко еще до убийства. Вот с этим он явно переборщил. Ведь главное подозрение снова падало на его приятеля Заславского — тот ревновал Ольгу и к режиссеру, и к Строганову, а потому у него был четкий повод для мести. Но именно такое изобилие подозрений заставило меня впервые задуматься именно о Балашове. А яд он взял у старухи-соседки. Сама же она, если верить ее словам, нашла этот флакон на помойке.

— Вот в это как раз поверить несложно. Только сегодня один участковый инспектор нашел на помойке автомат и пару гранат. Однако мы подошли к самому главному — каким же образом вы, все-таки, пришли к выводу, что убил именно Балашов?

— Благодаря все той же старухе. Понимаешь, когда я пришел к ним в первый раз, она меня сразу спросила — не отравил ли кого ее сосед? Тогда я над этим только посмеялся, но потом, когда стал перебирать все возможные версии, вдруг вспомнил про одну деталь. Она говорила про кокос. Бундеш смеяться, но именно этот кокос больше всего запал мне в голову. Уни с Балашовым между собой явно не ладили — да и старушонка, надо сказать, та еще стерва, и вдруг он дарит ей кокос!

— А, может, он просто решил поиздеваться? — увлеченно предположил Ястребов. — Ведь его без молотка и зубила хрен откопнешь...

— Правда? — удивился Прижогин. — А я и не знал. Никогда не покупал кокосов. Но и хорошо, что не знал, а то бы ты меня только с толку сбил. Я ведь вот о чем подумал — если он подарил ей кокос, то явно для того, чтобы в чем-то умиловить. А в чем? Меня это так заинтересовало, что я выбрал момент, когда Балашова не было дома, и приехал поговорить с соседкой. И она рассказала следующее — недавно он сильно напился, обозвал ее старой шваброй, да еще вдобавок разбил ее любимую чашку. А на следующий день очень извинялся, купил ей новую чашку, торт «Птичье молоко» и тот самый кокос. Я стал уточнять, когда все это было,

и, оказалось, что в день убийства Давыдова. Потом спросил, выходил ли он в тот день из дома? Старуха сказала, что выходил, но вскоре вернулся с бутылкой. А до этого? Она не помнит, и начала снова рассказывать о разбитой чашке. Ты уже понял, к чему я клоню?

— Алиби? — усмехнулся Михаил. — Ей-богу, неплохо! Поскандалить со старухой, чтобы она запомнила главное — не то, когда он вернулся домой, а сам скандал. А чтобы она это получше запомнила, щедро одарил ее на следующий день.

— Верно, но с кокосом явно перестарался. Хитрая старушонка была так поражена его подарком, что заподозрила что-то неладное и начала за ним следить. Однажды она вошла без стука в его комнату и застала Балашова в тот момент, когда он любовался на какой-то старинный портрет. Когда она спросила, кто это, он ответил, что на портрете изображена Клара Цветкин, «а чего это у нее сиська голая?» — полюбопытствовала недоверчивая старушонка. Это после пыток в гестапо, объяснил ей Балашов. Ну, ты и сам понимаешь, о каком портрете идет речь, так что, следствие можно было считать законченным...

— Опять фрейдистские мотивы, — отметил Ястребов. — Убил человека и похитил у него портрет женщины, к которой ревновал. Ну, и дела!

Эпилог

В банкетный зал, снятый по случаю бракосочетания Строганова и Марины, вошел оживленный Ливанский, ведя под руку эффектно выглядящую Ольгу.

— Почему бездельничают музыканты? Маэстро, где музыка? — закричал он, не доходя до молодоженов и поворачиваясь к эстраде.

— Здравствуйте, Павел, — кокетливо произнесла актриса, бросив быстрый взгляд на Марину. — Поздравляю вас с тем, что вы, наконец, нашли свою Теруань.

...

— Софию Голицыну, — дернув ее за руку, с комическим видом прошептал Ливанский, — сколько раз я тебе это повторял, а ты никак роль не выучишь!

— Да, Софию Голицыну, — ничуть не смутившись, поправила Ольга. — И желаю вам иметь столько же замечательных детей, сколько имели они.

Она расцеловала Марину и Павла, причем Марина приняла этот поцелуй весьма холодно, а Павел — сдержанно.

— Представляешь, старик, какая забавная новость, — заговорил Ливанский, когда Строганов отвел его к столу и предложил «подкрепиться». — Кажется, я, все-таки, смогу доделать свой предыдущий боевик до конца! На имущество кинокомпании Тверезовского был наложен арест, и мне удалось отсудить — в качестве компенсации за срыв собственного фильма — весь отснятый ими, в том числе и в Париже, материал.

— Но ведь там же заняты другие актеры!

— А, все это дело техники, — махнул рукой Ливанский. — Главное в боевике — погони и перестрелки. Я беру эти сцены и монтирую с собственными, где мои актеры сняты крупным планом. В конце концов, это же не произведение искусства. Боевик, он и есть боевик: одни развлекаются, другие зарабатывают на этом деньги.

— Прекрасно, я рад за тебя, — спокойно сказал Строганов. — Ага, вот и пресса...

В отличие от режиссера, Ястребов был зол и мрачен, хотя и вел под руку хорошенькую изящную блондинку, неуверенно озирающуюся по сторонам. Познакомив ее с Ливанским и Ольгой, он оставил режиссера ухаживать за обеими девушками, а сам подошел к Строганову и пожал ему руку.

— Я вижу, ты пригласил и Заславского.

— Имеешь что-нибудь против? — Строганов тоже увидел актера, пробиравшегося к ним сквозь толпу гостей с огромным букетом цветов. — Кстати, когда после нашего разговора на стадионе я поехал к Прижогину, то у него в кабинете уже сидел Заславский. Сам явился, чтобы своими добровольными признаниями помочь ходу следствия.

— Какое мужество и благородство, — вяло усмехнулся Ястребов. — Ладно, пойду лучше выпью с твоим Петром.

Вскоре в зале появился Прижогин вместе с женой — статной, но довольно бесцветной женщиной средних лет. К тому времени все уже сидели за столом и провозглашали тосты за новобрачных. Следователь попросил минутку внимания и, когда установилась тишина, заявил следующее:

— У меня для наших дорогих новобрачных имеется довольно необычный подарок. — Он картинно щелкнул пальцами. — Попрошу внести его в зал.

— Теруань! — изумленно воскликнул Ливанский, первым увидев портрет, который бережно несли два официанта. — Но каким образом, Леонид Иванович?

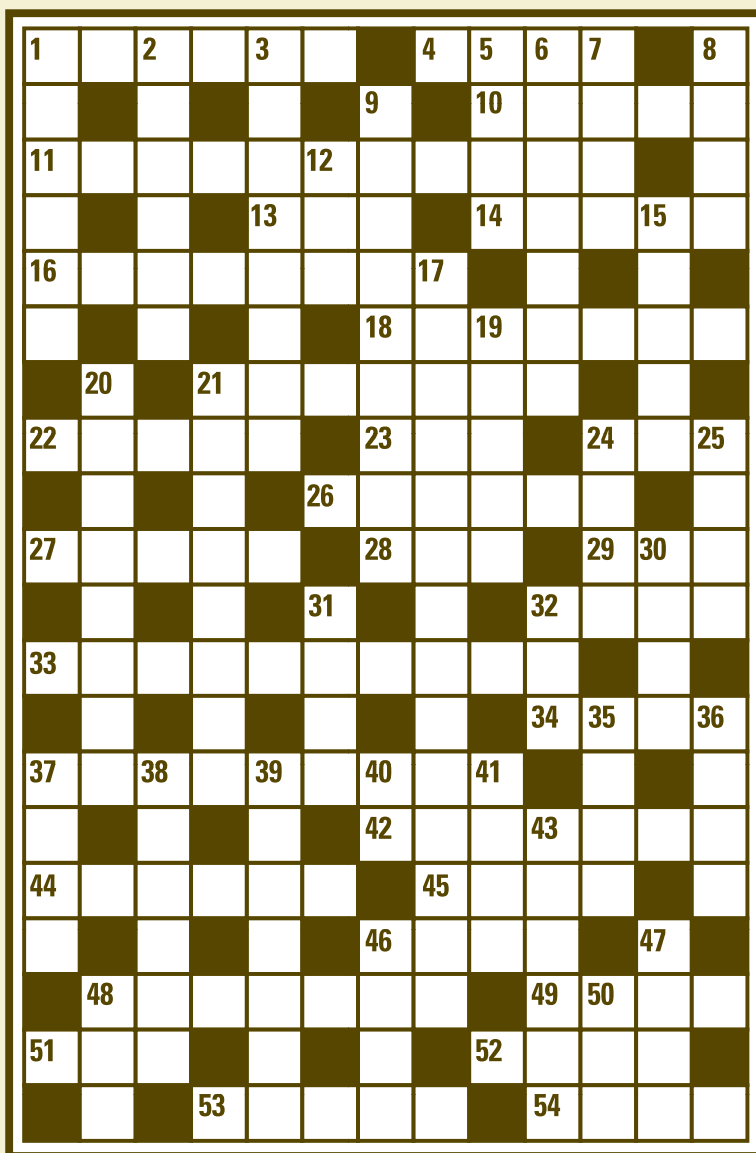
— Следствие давно закончено, — объяснил следователь, — и как вещественное доказательство портрет больше не нужен. Поскольку он написан неизвестным художником конца восемнадцатого века, то особой художественной ценности не представляет. Поэтому мне удалось договориться с наследниками Георгия Алексеевича Давыдова, который в свое время привез его из Франции, что этот портрет будет уступлен ими нашему новобрачному за сравнительно небольшую сумму. Сам я, к сожалению, смог оплатить только задаток, но...

— Никаких проблем, — тут же отозвался Строганов, — разумеется, я заплачу остальное. Я и сам хотел обратиться к вам с этой просьбой и очень рад вашему подарку.

— Давайте почтим память бывшего владельца этого портрета, — вдруг предложила Марина.

Присутствующие встали и несколько минут провели в молчании. А потом снова были тосты и поздравления, крики «горько» и танцы.

А на небе уже всходила полная луна, осторожно поглядывая на этот странный город, в котором ежедневно происходило столько событий и кипело столько страстей, порой бессмысленных и диких, но от этого еще более яростных. Днем этот город своей лихорадочной суетой напоминал осажденную крепость. И только ночью, когда стихало все, и лунный свет вместе со светом неоновых фонарей заливал пустынные проспекты, умиротворенная древность осмеливалась напоминать о себе. И даже в самом слове «Москва», казалось, начинало трепетать спрессованное тысячелетиями время... □

По горизонтали. 1. По М. Атвуду, похож на ампутацию: «Ты остался в живых, но тебя стало меньше». 4. От «Царь-колокола» его так и не дождался. 10. «Увлечение увлечением» (А.Круглов). 11. «Человек, который слишком труслив, чтобы сражаться, и слишком толст, чтобы убежать» (Э.Хаббард). 13. Египетский бог луны, которого древние греки отождествляли с Гермесом. 14. До автомобильное шоссе. 16. Американская пишущая машинка, популярная у нас в 20—30-е годы прошлого века. 18. Английский дра-

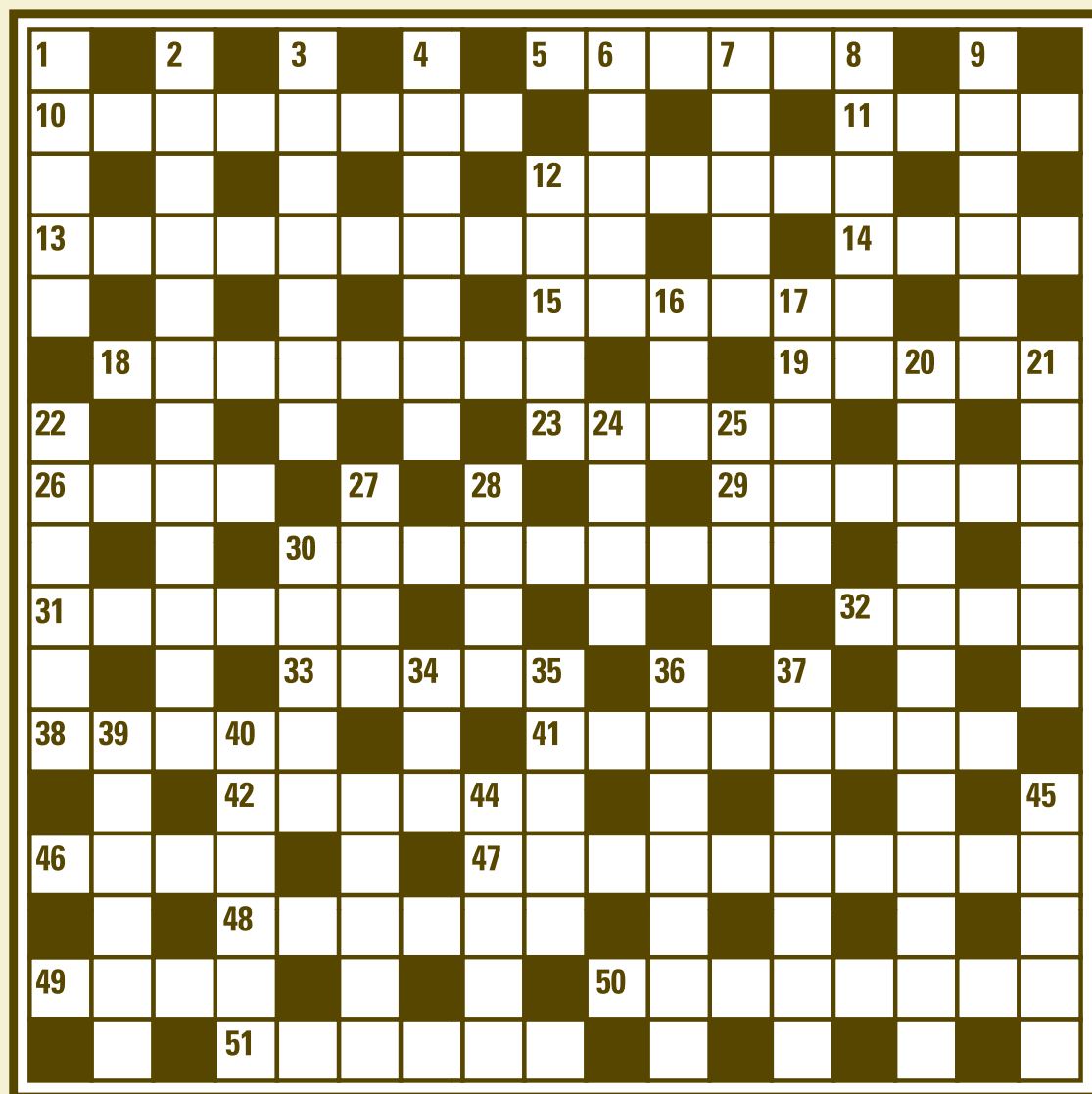
матург, в «День святого Патрика» предпринявший «Поездку в Скарборо», где его ждали «Соперники» в споре за «Дуэнья». 21. Животное или растение, свойственное только относительно небольшой территории. 22. «Умирание от голода с целью прожить немного дольше» (Л. Левинсон). 23. Бог южного ветра, приносившего грекам туманы и дожди. 24. Если не самый гнусный, то самый завистливый персонаж Шекспира. 26. «Букет звуков» (А. Бельмасов). 27. Она бывает за деньгами, за призом, за рекордом и даже за счастьем. 28. Пеле канадского хоккея. 29. Французский скульптор, автор рельефа «Марсельеза» на Триумфальной арке в Париже. 32. Ее дают слабаку, прежде чем дать прикурить. 33. Специалист, вдавливающий прописные истины. 34. Мини-провал на дороге. 37. «Нехватка преданности» (Ф. Ницше. «Сумерки кумиров»). 42. Бельгийский художник XX века, певец обездоленных. 44. Козьи рожки или собачьи репяхи как лекарственное растение. 45. Немецкий архитектор XX века, поклонник бетона и стекла. 46. Грушебойный спорт. 48. Мистер из стихотворения С. Маршака, чья фамилия, видимо, взята из английской скороговорки. 49. «Псевдоним» мешка. 51. Знаменитый в СССР мужчина, пиливший женщин. 52. Величество, покинувшее иные головы. 53. «Часть тела вашего друга, какую вы можете созерцать, очутившись в беде (А. Биро). 54. Вор на Руси, отвергавший разбой.

По вертикали. 1. Забываемый парень на Руси. «Говорящая муха» (Г. Малкин). 3. Мясо белой рыбы, цену на которое назначают, не краснея. 5. Свеча в лампочке. 6. Шалун до слез. 7. Место отдыха от трудов неправедных. 8. Раздутая чаще всего величина. 9. Зимний по рождению советский поэт. 12. Углубление, за которым стоит избушка в стихотворении К.Пруткина «Разочарование». 15. Тибетский кулан, способный пастись на высоте 5 тысяч метров. 17. Название милицейской дубинки, особенно в 90-е годы. 19. Античный учитель красноречия. 20. «Растение, чьи корни в желудке» (Г. Бурга-ве). 21. «Фиговый листок некоторых товаров» (С. Хохлов). 24. Невидимый обитатель невидимой клетки. 25. Мамаева орава. 30. Бурятская или монгольская движимая недвижимость. 31. Пучок растений, растущих из одной точки. 32. Госпожа со шведским паспортом. 35. Бойкий бой (говоря на смеси нижегородского с английским). 36. Верхняя треть покойника, способная стать над могилой. 37. Блинный «роддом». 38. «Фонтан жизни» (В. Гаврилов). 39. «Побочный продукт счастья» (М. Романушко). 40. Осадок, радующий карасей. 41. Беспросветная полоса в жизни. 43. Пряный сорт винограда. 46. Столица, куда Штирлиц послал Плейшнера «за смертью». 47. Инструмент в струнном квартете. 48. Фольклорный бездельник, не желающий молотить хлеб в риге, но всегда готовый молотить его за столом. 50. Парадное спасибо.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали. 2. Брак. 5. Маус. 8. Война. 10. Флора. 12. Эскалатор. 13. Холмс. 15. Онагр. 16. Буфет. 17. Пескарь. 18. Зуд. 23. Бортинженер. 24. Юность. 27. Ромб. 28. Гонец. 30. Прокруст. 32. Мех. 34. Чуткость. 35. Папка. 36. Вера. 39. ...хозяин... 40. Цивилизация. 43. Ерь. 45. Гобоист. 46. Ангел. 48. Жуков. 50. Руссо. 51. Футболист. 52. Биант. 53. Фасад. 54. Дрын. 55. Эльф.

По вертикали. 1. Сологуб. 3. Рассеянность. 4. Крах. 5. Младенец. 6. Удочка. 7. Бреге. 9. ... нимб... 11. Ленъ. 14. Суета. 15. Ориноко. 19. Догматизм. 20. Терем. 21. Искушение. 22. Вьетнам. 25. Гречиха. 26. Практичность. 29. Цеп. 31. Собинов. 33. Халиф. 37. Лиссабон. 38. Малер. 41. Ярослав. 42. Бовуар. 44. Шубин. 45. Горн. 47. Луза. 49. Клуэ.

По горизонтали. 5. Гуру у суфиев. 10. Древнегреческий золотых дел мастер и скульптор, которого Витрувий называет изобретателем коринфской капители. 11. «Самопроизвольный аппарат для продолжения рода» (В.Дорошевич). 12. Грузинское блюдо из молодой баранины с овощами и пряностями. 13. Название бубенчика в стихотворении А. Фета «Ветер злой, ветер крутой». 14. Объект, игра-

вший основную роль в вавилонской астрологии. 15. Памятник на месте белорусской деревни, вместе с жителями сожженной фашистами. 18. Художник и поэт, вместе с Амманати, Вазари и Челлини руководивший церемонией похорон Микеланджело в церкви Сан-Лоренцо. 19. Черкешенка родом с настоящим именем Гаиде, чьи письма к госпоже Каландрини стали «маленьким шедевром»

французской прозы. 23. Свежая, неборо-нея пашня в русской деревне. 26. Шумеро-аккадский бог плодородия, носитель культуры, отец Мардука. 29. Заведение, прославившее Л.Миннелли. 30. Самоцвет, якобы помогающий удержаться от наркотиков и мешающий предсказаниям. 31. Про Ольгу в «Обломове» И. Гончаров говорит: «У ней не трудно вызвать слезу; к сердцу ее ... легок». 32. Святые кости. 33. Зачаток, проблеск мысли, чувства. 38. Латышский композитор и фольклорист, участник знаменитого квартета валторнистов. 41. Капуста, по вкусу и по виду напоминающая репу. 42. Король, издавший первый общенорвежский свод законов. 46. Чувство с кровавыми или, наоборот, белыми глазами. 47. Песенная Дуня как мастерица, которой купили три пуда кудели. 48. Актер, освоивший «Печки-лавочки», но через «Три года» и «Пять вечеров» покинувший их и увидевший «Пристань на том берегу», где его ждали «Встреча» и слова: «Позови меня в даль светлую». 49. В стихотворении «Герой» А. Пушкин говорит о Наполеоне: «Пришлец сей бранный, пред кем смирился...». 50. Советский композитор, автор песни «Журавли» на слова Р.Гамзатова. 51. Средневековый арабский ученый, оставивший в наследство «Сокровище оптики».

По вертикали. 1. Птица, у которой, по «Абеве русских суеверий», в когтях есть яд. 2. Изъян, с детства мучивший А. Ремизова. 3. Город, по которому был назван дукат, чеканенный герцогом тосканским Козимо III. 4. «Нападение на автора из-за угла» (Г.Малкин). 6. Красивая хохлатая южноамериканская ворона, по складу тела похожая на нашу сойку. 7. Шерсть или перья на внешней стороне ног животных в охотничьей речи. 8. Знаменитый итальянский тенор, которого за исполнение неаполитанских

песен называли «народным певцом». 9. Плод, опущенный И. Северяниным в шампанское. 12. Писатель; жаловался в письме к Григоровичу на «славянскую апатию», а вот Бунин через несколько лет сетовал на славянскую агрессивность. 16. Партизанская взрывчатка. 17. Как повелел Аллах, пять раз на дню араб творит ... 20. Каждый из верующих на Руси, кто почитал древний русский красный флаг. 21. Отшельник в Греции, в одиночестве в глухом месте предававший молитвам и религиозному созерцанию. 22. Японская игра, ставшая видом спорта. 24. Проливной дождь, снег. А что еще непо-чем герою песни «Когда мои друзья со мной»? 25. Округлость глаз, на которую в стихотворении В. Бенедиктова «Черные очи» лунный луч «брызнул мелким серебром». 27. Масличная культура высотой до 180 сантиметров. 28. Кровь мифических греческих гигантов, вытекающая из недр земли в виде нефти. 30. Остатки дворца Адриана, вдохновившие Браманте на создание Двора Бельведера. 34. Либо в ..., либо вон (говорили на Руси артельщики новичку). 35. Каждое из слагаемых нерва. 36. Трагедия Еврипида, какую и немец А. Шлегель, и наш П. Катенин считали самой слабой у него. 37. Дальневосточный морской огурец; самый редкий и ценный — голубой. 39. Французский художник, чьи женщины, по Я.Тугендхольду, «кажутся дочерьми фрагонаровских маркиз, галантных дам Ватто и Буше». 40. Античный философ-неоплатоник, считавший, что душа человека и душа животного — совсем не одно и то же. 43. Инструмент, чьи предшественники — греческий авлос, азиатская зурна и русская свирель. 44. Столица римской провинции Африка, разрушенная арабами и занесенная песком. 45. Татарский колпак, какой носил Иван III и какой носили кромешники Ивана Грозного.

ОТВЕТЫ НА «ЭРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали. 4. Борть. 7. Люффа. 10. Продик. 12. Размышление. 13. Лутрофор. 15. Везалий. 16. Плод. 17. Женге. 20. Кроат. 22. СТС. 23. Инсула. 25. ... задор. 26. Тырса. 28. Кибуц. 30. Боярка. 31. Чай. 32. Сфекс. 36. Аэций. 37. Утро. 38. Боянист. 41. Непентес. 42. Азербайджан. 43. Якулов. 44. Оникс. 45. Гольф.

По вертикали. 1. Эпилептик. 2. Достоевский. 3. Шифон. 5. Омар. 6. Тьма. 8. Ювенал. 9. Фтизиатр. 11. Ашкеназ. 12. Ропет. 14. Эгк. 18. Ересь. 19. Клаус. 21. Тагор. 22. Совратитель. 24. Хырка. 27. Массонство. 28. Карамзин. 29. Цфасман. 33. Сэр. 34. Ливен. 35. Индрик. 39. ... пенки. 40. Ядро. 41. Наль.

КНИЖНЫЙ БУЛЬВАР

Хью Лори

Торговец пушками

«Фантом-пресс», 2008

Для тех, кто в середине 90-х до дыр засматривал кассеты с фильмами Тарантино, не раз смотрел «Карты, деньги, два ствола» и «Большой куш».

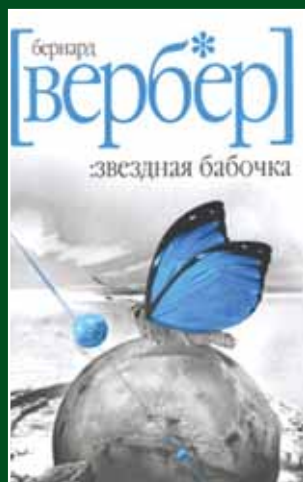
Хью Лори, не понаслышке знакомый с производством подобных фильмов (Хью — известный британский актер и режиссер), решил написать свою собственную историю. Это черная комедия-боевик во всех лучших традициях жанра.

Томми — бывший спецназовец. Сейчас он — обычный лузер, но вполне боеспособный и готовый к выполнению нестандартной работы. В силу обстоятельств ему приходится продавать «из-под полы» пистолеты и вертолеты, а также спасать и оберегать от гангстеров красивую девушку. За счет легкого слога и хорошего юмора автору удалось сделать оригинальную вещь в рамках ставшего уже привычным жанра. Да, и очевидно, что самое превосходное в этой книге — не сюжет, а юмор. Переводчику, сумевшему передать тонкие английские шутки — особенный респект.

Бернард Вербер

Звездная бабочка

РИПОЛ-классик, 2008

Понятно, что фантастика — жанр, в котором все только и занимаются тем, что придумывают, потому придумать что-то новое почти невозможно. Вероятно, поэтому Вербер решил пойти другим путем и создал краткий дайджест из научно-фантастических произведений разных времен и народов, приправив современным контекстом и собственным гуманистическим креационизмом.

Чтение напоминает смену занятий — сначала книга похожа на какой-то из романов Клэнси, потом кажется, что это приквел к «Пасынкам Вселенной» Хайнлайна, а в какой-то момент процесс и вовсе начинает напоминать игру Age of Empires. Идеи предыдущих книг Вербера носятся в воздухе, реализуясь в концовке посылом о богоподобности человека. Что, как всегда, приятно.

Подарите эту книжку своей молоденькой подружке, которая всегда считала научную фантастику скучной заумью. Благодаря легкому (иногда чересчур) языку Вербера она найдет для себя ряд свежих мыслей. Вы же, скорее всего, будете испытывать легкое déjà vu. Или как там по-французски «уже читанное»?

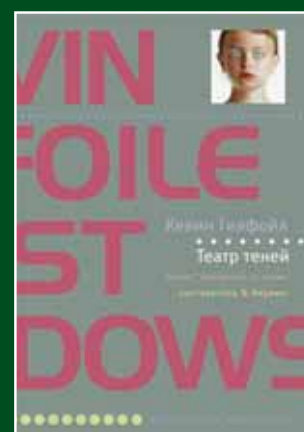

ЧТО НОВОГО?

Кевин Гилфойл

Театр теней

М., «Иностранка», 2008

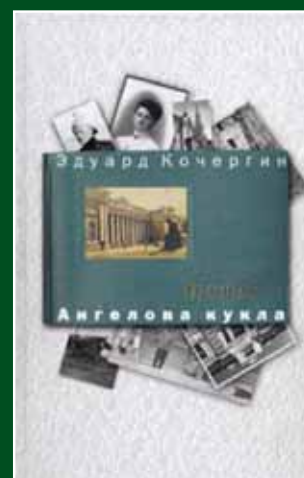

Крайне яркая, кинематографичная книга. Эпизод за эпизодом, кадр за кадром, автор выстраивает полуфантастическое, полудетективное повествование. В романе находится место и для модной компьютерной игры, увлекающей многих людей в параллельную реальность; и для убийства, расследование которого тянется всю человеческую жизнь — жизнь клона. И для собственно клона, которого создал генетик, потерявший дочь — чтобы «вычислить» убийцу... На обложке не хватает печати: «Срочно на экран».

Эдуард Кочергин

Ангелова кукла

Издательство Ивана Лимбаха

Книга — о грустном. О том, как жилось в военные годы детям репрессированных; о нехитром быте и дружбе калек и проституток, юродивых и побродяжек. Но написана она так светло и просто, с такой любовью к людям — ибо в каждом из нас есть искра Божия — что на душе становится тепло. Читать «Ангелову куклу» — вкусно. Ибо так колоритен и ярк язык Кочергина, который и не писатель вовсе, а главный художник БДТ и действительный член Академии художеств. А еще, по понятной причине, — ярки, самодостаточны, трехмерны эпизоды, из которых соткана плотная, кинематографичная ткань книги.

Надежда ПАНЧЕНКО